

Вестник института

научно-практический журнал
Вологодского института права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний

ПРЕСТУПЛЕНИЕ · НАКАЗАНИЕ · ИСПРАВЛЕНИЕ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Попов В.В. — начальник ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист Российской Федерации

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ:

Санташов А.Л. — начальник кафедры уголовно-исполнительного права ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Селиверстов В.И. — начальник НИИ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Беляева Л.И. — профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин и организации профилактики преступлений Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации;

Бровкин В.Б. — начальник Санкт-Петербургского института повышения квалификации работников ФСИН России;

Дубровицкий Л.П. — первый заместитель начальника правового управления ФСИН России, кандидат юридических наук;

Ищенко Е.П. — заведующий кафедрой криминалистики Московской государственной юридической академии им. О.Е. Кутафина, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Поздняков В.М. — профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор психологических наук, профессор;

Старостин С.А. — профессор кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

Трофимов В.Ю. — начальник управления социальной, психологической и воспитательной работы с осужденными

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Гаврилов Б.Я. — профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук;

Жалбуров Е.Т. — начальник академии Комитета уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции Республики Казахстан, кандидат юридических наук, доцент;

Зубкова В.И. — профессор кафедры уголовно-исполнительного права ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

Крымов А.А. — заместитель начальника ВИПЭ ФСИН России по научной работе, кандидат юридических наук, доцент;

Кузьминых А.Л. — доцент кафедры философии и истории ВИПЭ ФСИН России, кандидат исторических наук;

Лапшин В.Ф. — начальник кафедры уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент;

Нагорных Р.В. — заместитель начальника ВИПЭ ФСИН России по учебной работе, кандидат юридических наук, доцент;

Оботурова Н.С. — начальник психологического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат философских наук, доцент;

Попова И.Н. — начальник редакционно-издательского отдела ВИПЭ ФСИН России, кандидат филологических наук;

Софийчук Н.В. — ученый секретарь ученого совета ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент;

Спасенников Б.А. — профессор кафедры уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, доктор медицинских наук, профессор;

Трунигер Л. — директор высшей школы социальной работы г. Ольтен (Швейцария), доктор, профессор;

Шабанов В.Б. — заместитель начальника Академии МВД Республики Беларусь по научной работе, доктор юридических наук, профессор;

Шахов О.А. — начальник инженерно-экономического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат технических наук, доцент

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЮРИСПРУДЕНЦИИ 4

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Б.А. СПАСЕННИКОВ, В.В. ПОПОВ

Уголовно-правовое значение отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством («возрастная невменяемость») 4

В.И. ЗУБКОВА

Восстановление социальной справедливости как цель уголовного наказания и ее достижение в процессе отбывания наказания 10

А.М. СЫСОЕВ

Уголовно-правовая охрана общественных отношений от экстремистских посягательств: проблемы и перспективы 14

Р.С. ЕФРЕМОВ

К вопросу о пределах криминализации отдельных общественно опасных посягательств на бюджетные правоотношения 18

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

В.И. СЕЛИВЕРСТОВ

Несовершеннолетние как объект специальной переписи осужденных и лиц, содержащихся под стражей 22

А.М. ПОТАПОВ

О социально-правовых особенностях личности осужденных в процессе подготовки их к освобождению 26

А.В. ЗВОНОВ

Судимость при осуждении условно с дополнительным наказанием 28

Ю.В. ЛЕЛИКОВА

Современное правовое регулирование задач и функций уголовно-исполнительных инспекций 30

И.А. ЯНЧУК

К вопросу о сущности принципа дифференциации и индивидуализации исполнения наказания и эффективности его реализации при применении наказания в виде лишения свободы. 33

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

А.В. ЖУРАВЛЕВ

Реализация права на судебную защиту в условиях пенитенциарной системы. 36

О.В. КОЗЛОВА

Планирование как функция управления в уголовно-исполнительной системе России: историко-правовой аспект 40

А.С. ШАТАЛОВ, А.В. АРОНОВ

Незаконные корпоративные захваты в Российской Федерации: понятие, динамика, структура 43

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПСИХОЛОГИИ, ПЕДАГОГИКИ И СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ . . 49

А.М. ЧИРКОВ

Пенитенциарный стресс 49

Е.С. ЛОБАНОВА, А.А. МИХАЙЛОВА

Особенности временной перспективы личности осужденных мужчин, имеющих наркотическую зависимость. 54

О.Г. АНАНЬЕВ

О развитии института социально-правовой защиты сотрудников УИС средствами специального внутреннего разбирательства их дел по допущенным нарушениям служебного характера 58

И.В. ФОКИНА

Специфика ценностных ориентаций подростков с девиантным поведением. 61

Н.А. КОНОВАЛОВА

Программа «Жизненные умения» как методический инструмент организации подготовки осужденных к освобождению (на примере учреждений УФСИН России по Мурманской области) 63

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЭКОНОМИКИ, УПРАВЛЕНИЯ И ТЕХНОЛОГИИ 66

А.А. КОЛЬЕВ

Оценка инвестиционных возможностей сотрудников уголовно-исполнительной системы на региональном рынке жилья. 66

О.А. ШАХОВ, А.А. БАБКИН, Д.Ю. КРЮКОВА

Инновационные подходы к реабилитации и ресоциализации осужденных с применением информационных и интернет-технологий. 69

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ 72

Е.П. ИЩЕНКО

Смертная казнь как фактор обуздания преступности и очищения общества 72

ПРИГЛАШАЕМ К ДИСКУССИИ 77

В.А. ТЕСТОВ

Качество и фундаментальность образования: взаимосвязи и противоречия. 77

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ 81

В.А. ГУСАК

Милиция в системе органов по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) 81

Н.А. БЕЛОВА

К истории изучения уголовно-исполнительной политики в отношении несовершеннолетних в России. 86

НАШИ ИССЛЕДОВАНИЯ 91

А.Л. КУЗЬМИНЫХ

Исторические особенности пенитенциарной практики на Европейском Севере России 91

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ 93

РЕЦЕНЗИИ 94

З.С. ЗАРИПОВ

Рецензия на учебное пособие Р.С. Ефремова и В.Ф. Лапшина «Преступления, посягающие на бюджетные правоотношения: вопросы определения категории и проблемы квалификации» 94

НОВИНКИ ЛИТЕРАТУРЫ 95

ИНФОРМАЦИЯ, ОБЪЯВЛЕНИЯ 96

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 97

CONTENT

TOPICAL ISSUES OF JURISDICTION	4
CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY	
B.A. SPASENNKOV, V.V. POPOV	
The criminal – legal meaning of psychic development delay without connection with psychic derangement (“age derangement”).	4
V.I. ZUBKOVA	
Rehabilitation of social justice as the purpose of criminal punishment and its implementation during deprivation	10
A.M. SYSOEV	
Criminal – legal protection of public relations from extremist encroachments: problems and perspectives	14
R.S. YEFREMOV	
The limits of criminalization of some publicly dangerous encroachments upon budget legal relationship.	18
CRIMINAL EXECUTIVE LAW	
V.I. SELIVERSTOV	
Juveniles as an object of special convicts and prisoners census.	22
A.M. POTAPOV	
About social and legal characteristics of convicts in the period of preparation for release.	26
A.V. ZVONOV	
Convictions of probationers with additional punishment.	28
YU.V. LELIKOVA	
Contemporary legal regulation of the penal inspectorate tasks and functions.	30
I.A. YANCHUK	
The nature of differentiation and individualization principle of punishment and its effectiveness in executing of an imprisonment term.	33
CRIMINAL COURT PROCEDURE AND ORGANIZATION OF LAW ENFORCEMENT ACTIVITY	
A.V. ZHURAVLEV	
The realization of law towards defence in court in the penitentiary system	36
O.V. KOZLOVA	
Planning as a function of management in the Russian Penal system: historical and law aspects.	40
A.S. SHATALOV, A.V. ARONOV	
Illegal corporate seizures in the Russian Federation: concept, dynamics, structure.	43
TOPICAL ISSUES OF PSYCHOLOGY, PEDAGOGICS AND SOCIAL WORK	49
A.M. CHIRKOV	
Penitentiary stress.....	49
E.S. LOBANOVA, A.A. MIKHAILOVA	
Some characteristics of temporary prospect of male convicts’ personality with drug dependency.....	54
O.G. ANANYEV	
About the development of socially-legal protection of criminal penal system’s personnel with the help of special inner investigation of cases on committed office violations.....	58
I.V. FOKINA	
The specificity of valuable orientations of teenagers’ with deviant behaviour.....	61
N.A. KONOVALOVA	
The program “Life abilities” as a methodic instrument of organization of making-ready convicted for discharge (by the example of Federal Penal Service Board of Russia in Murmansk region)..	63
TOPICAL ISSUES OF ECONOMICS, MANAGEMENT AND TECHNOLOGY.	66
A.A. KOLYEV	
The evaluation of investment opportunities of the employees of the Penal System at the regional housing market.	66
O.A. SHAKHOV, A.A. BABKIN, D.U. KRUKOVA	
Innovation approaches towards the rehabilitation and re-socialization of convicts with the use informational and computer technologies.....	69
FOREIGN EXPERIENCE	72
E.P. ISCHENKO	
Capital punishment as a crime deterrent and protection of society factor.	72
DISCUSSION IS WELCOME	77
V. TESTOV	
Quality and fundamental nature of education: correlations and antagonisms.....	77
HISTORY PAGES	81
V.A. GUSAK	
Militia in the system of agencies connected with combating child neglect and homelessness in the period of the Great Patriotic War (1941-1945).	81
N.A. BELOVA	
Concerning the history of study of criminal – executive policy in regard of juveniles in Russia.	86
OUR RESEARCHES.....	91
A.L. KUZ’MINYH	
Historical peculiar properties of practice in penitentiary institutions in European North of Russia.....	91
SCIENCE AND LIFE	93
REVIEWS	94
Z.S. ZARIPOV	
Review for the workbook “Crimes, offending budgetary legal relationship: definitions of categories and problems of qualification”.	94
NOVELTIES OF LITERATURE	95
INFORMATION, ADVERTISEMENTS.	96
ANNOTATIONS OF ARTICLES AND MATERIALS	97

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Уголовно-правовое значение отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством («возрастная невменяемость»)

Б.А. СПАСЕННИКОВ – профессор кафедры уголовно-исполнительного права ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, доктор медицинских наук, профессор;

В.В. ПОПОВ – начальник ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист Российской Федерации

Статья посвящена одному из актуальных вопросов отечественной уголовно-правовой науки и практики – установлению отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством («возрастная невменяемость»), у несовершеннолетних. Данное обстоятельство всегда вызывало много вопросов в правоприменительной практике, поскольку отставание в психическом развитии, не связанное с психическим расстройством, установить и доказать достаточно сложно, особенно когда речь идет об отграничении невменяемости и «возрастной невменяемости» у подростков. Кроме того, суды при вынесении справедливого и обоснованного наказания или при освобождении лица от уголовной ответственности практически не учитывают наличие «возрастной невменяемости» в полном объеме.

Статья написана доступным языком, содержит большой объем проанализированного и обобщенного научного и практического материала. Может быть рекомендована сотрудникам судебно-следственных органов, а также лицам, производящим судебно-психиатрические экспертизы.

Ключевые слова: субъект преступления; несовершеннолетний; возраст уголовной ответственности; вменяемость; невменяемость; «возрастная невменяемость»; отставание в психическом развитии, не связанное с психическим расстройством; принудительные меры медицинского характера.

Перед тем как перейти к раскрытию указанной темы, обратимся к судебной практике Верховного Суда Российской Федерации.

«Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ, рассмотрев в кассационном порядке в январе 1997 г. дело в отношении Б. по ч. 3 ст. 146 УК РСФСР, приговор отменила и дело прекратила по основаниям, предусмотренным ч. 2 ст. 5 УПК РСФСР в редакции Федерального закона от 21 декабря 1996 г. Общественно опасное деяние, содержащее признаки разбоя, Б. совершил в возрасте 15 лет, и с формальной

стороны данное обстоятельство давало основание для привлечения его к уголовной ответственности. Однако, как установлено стационарной судебно-психиатрической экспертизой, у Б., хотя и нет психического заболевания, обнаруживается серьезная задержка психического развития вследствие перенесенных им при родах *травмы головного мозга* (курсив наш. – Б.С.), асфиксии и недоношенности, по уровню общего психического развития на момент обследования он не соответствует паспортному возрастному периоду, считается не достигшим 14 лет и в

силу интеллектуально-личностной незрелости, недостаточной способности к прогнозированию, контролю и выполнению критических функций на момент обследования, как и во время совершения общественно опасного деяния, не мог в полной мере осознавать значение своих действий и руководить ими»¹. Специально уточним, что выявленное экспертами последствие родовой травмы головного мозга действительно не является психическим заболеванием, но относится к иным болезненным расстройствам психики, предусмотренным ст. 21 УК РФ, психическим расстройствам, предусмотренным ст. 22 УК РФ, о чем, вероятно, суд не был проинформирован экспертами.

Согласно ч. 3 ст. 20 Уголовного кодекса Российской Федерации, если несовершеннолетний достиг возраста, предусмотренного ч. 1 или 2 настоящей статьи, но вследствие отставания в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством, во время совершения общественно опасного деяния не мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими, он не подлежит уголовной ответственности.

Эта норма в юридической литературе часто определяется как возрастная невменяемость². Использование данного термина, возможно, связано с тем, что: а) норма включена в ст. 20 УК РФ, определяющую возраст наступления уголовной ответственности; б) норма построена аналогично ст. 21 УК РФ «Невменяемость». Однако сторонники указанного термина не принимают во внимание то обстоятельство, что невменяемость и достижение возраста уголовной ответственности – самостоятельные признаки субъекта преступления, поэтому некорректно объединять их одним названием. Обратим внимание и на тот факт, что уголовный закон полностью игнорирует факт наличия (отсутствия) влияния отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством, на способность несовершеннолетнего к осознанно волевой регуляции поведения в момент (во время) совершения общественно опасного деяния. В проанализированной нами судебной практике этот вопрос не рассматривался судами ни разу. Исследуется только вопрос о наличии факта отставания в психическом развитии, что, на наш взгляд, противоречит духу закона.

Уголовная ответственность лиц, которые во время совершения преступления не могли в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими, определена в ст. 22 УК РФ. Общее в ч. 3 ст. 20 и ст. 22 УК РФ – нарушение способности лица к осознанно волевой регуляции поведения во время совершения преступления, то есть неспособность в полной мере осознавать фактический характер и (или) общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими. Различие заключается в том, что: а) в ст. 20 УК РФ речь

идет о несовершеннолетних лицах, а в ст. 22 УК РФ – о совершеннолетних; б) нарушение способности к осознанно волевой регуляции поведения у первых вызвано отставанием в психическом развитии, не связанным с психическим расстройством, а у вторых – психическим расстройством, не исключающим вменяемости.

Сравнивая между собой невменяемость, предусмотренную ст. 21 УК РФ, и так называемую «возрастную невменяемость», можно заметить, что в случае невменяемости лицо, совершившее общественно опасное деяние, не может быть признано субъектом преступления. При возрастной невменяемости трудно говорить, что отсутствует субъект преступления. Считаем правильным мнение Г.Н. Борзенкова о том, что термин «возрастная невменяемость» не вытекает из закона. Освобождение от уголовной ответственности в данном случае имеет особое основание и является воплощением принципа гуманизма³. К лицам, признанным судом невменяемыми, применяются принудительные меры медицинского характера. К подросткам, которые не подлежат уголовной ответственности в силу возрастной невменяемости, принудительные меры медицинского характера применять нельзя, так как отставание в психическом развитии не связано с какими-либо болезнями ощущениями. УК РФ по непонятным нам причинам не предусматривает никаких правовых последствий нарушения закона для такой категории лиц. Очевидно, законодатель не учел, что такие лица могут быть социально опасны. Это обстоятельство также существенно осложняет задачу предупреждения преступлений, да и отставание в психическом развитии не исчезает само по себе.

Обратим внимание и на то, что ст. 20 и 22 УК РФ используют понятие «психическое расстройство», а ст. 21 УК РФ – «хроническое психическое расстройство, временное психическое расстройство, слабоумие, иные болезненные расстройства психики». Закономерен вопрос: «Один и тот же или разный круг психических нарушений имеет в виду законодатель в ст. 20, 21 и 22 УК? Если перечень психических нарушений, влекущих невменяемость, шире, то какие из этих нарушений не входят в диспозицию ст. 20 и 22 УК? Одинаковый ли перечень психических нарушений понимает законодатель под «психическим расстройством», используя этот термин в ст. 20 и 22 УК?»⁴. В научной литературе ответов на эти вопросы нет. Следует согласиться с мнением С.Н. Шишкова о том, что «введенная УК норма (ч. 3 ст. 20 УК. – Б.С.) крайне трудна для практического применения, и причин тому несколько»⁵. По нашему мнению, лицо, страдающее отставанием в психическом развитии, связанным с психическим расстройством, практически всегда имеет отставание в психическом развитии, не связанное с имеющимся психическим расстройством. Провести грань между ними практически невозможно. Анализ 48 комплексных судебных психолого-психиатрических

экспертиз подростков, отстающих в психическом развитии, проведенный И.А. Кудрявцевым, показывает, «что лишь у 7 испытуемых (16,6%) речь шла о полном отсутствии психической патологии»⁶. В.В. Устименко справедливо указывает, что субъект, достигший указанного законодателем возраста, уже не может ограничиваться в пределах уголовной ответственности, тем более освобождаться от нее⁷.

Попытаемся рассмотреть целесообразность освобождения от уголовной ответственности несовершеннолетних, не способных в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими вследствие отставания в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством. Для того чтобы определить, совершил ли совершенное деяние состав преступления, а следовательно, возможна ли уголовная ответственность, необходимо выяснить, обладает ли лицо, совершившее это деяние, установленными законом признаками. Одним из таких признаков, предусмотренных во всех составах преступления, является достижение определенного возраста. Этот признак неизменен и обязателен для всех составов преступления⁸. Нижняя возрастная граница уголовной ответственности предполагает определенный уровень развития личности, связанный со сложными процессами осознания и реализации принимаемых решений в ситуациях, имеющих уголовно-правовое значение. «Необходимость установления в законе минимального возраста уголовной ответственности обусловлена прежде всего тем, что это обстоятельство неразрывно связано со способностью лица осознавать значение своих действий и руководить ими. Привлечение лица к ответственности за действия, опасность которых оно не осознает, недопустимо»⁹.

Проблема уголовной ответственности несовершеннолетних, имеющих отставание в психическом развитии, не связанное с психическим расстройством, должна рассматриваться в контексте способности соотносить свои желания и побуждения с нормами поведения, установленными в обществе, требованиями общественного запрета (понимать фактический характер и социальную значимость своих действий, правильно воспринимать уголовное наказание и т.д.). Под возрастом в широком смысле понимается календарный срок, прошедший от рождения до любого другого хронологического периода в жизни человека. В узком смысле возраст – календарный период психофизиологического развития личности, с которым связаны анатомо-биологические, социально-психологические и правовые последствия для юридического статуса человека. В зависимости от различных критериев выделяются следующие виды возраста: а) морфологический (медицинский, биологический, функциональный); б) хронологический (паспортный, календарный); в) нормативный (социально-правовой, социологический, соци-

ально-психологический)¹⁰. На наш взгляд, морфологический возраст – показатель состояния физиологического функционирования организма человека по сравнению с соответствующими показателями практически здоровых людей той же даты рождения данной народности в соответствующих условиях геоэкономических особенностей существования в данном масштабе времени. Индивидуальные различия в биологическом темпе возрастных изменений могут быть показателями того, что одни люди старше своего возраста, другие моложе. Хронологический возраст человека измеряется количеством времени (в годах, месяцах, днях, а иногда и в часах), прошедшего с его рождения до другого определенного возрастного момента в жизни человека. Хронологический возраст в одних случаях может отставать от биологического (замедление созревания организма человека), а в других – опережать (преждевременное старение). Нормативный возраст характеризуется специфическими социально-психологическими изменениями уровня социализации человека (объемом и содержанием прав и обязанностей, содержанием и характером ответственности перед обществом). С этим возрастом связаны возникновение, изменение и реализация юридических прав и обязанностей гражданина, то есть юридический статус личности. Действующее законодательство различает возраста уголовной ответственности, гражданско-правовой дееспособности и ответственности, административной ответственности, призывной, конституционный, трудовой, брачный, пенсионный и др. При установлении нижней возрастной границы в той или иной отрасли права учитываются два критерия: а) характер регулируемых общественных отношений и б) уровень социализации личности. Нижняя возрастная граница уголовной ответственности устанавливается законодательством с учетом совокупности медико-биологических, социально-психологических критериев, а также криминологических показателей.

На наш взгляд, при анализе этой проблемы важно увидеть две стороны одной медали: а) предупреждение объективного вменения в случаях, когда лицо, достигнув определенных лет, предусмотренных законом, не обладает свойствами, позволяющими нести уголовную ответственность; б) необходимость оптимизации уголовного законодательства с учетом историко-правового опыта России, а также процессов ускоренного психосоциального развития несовершеннолетних в информационном пространстве современного общества с целью предупреждения уклонения от ответственности лиц, обладающих свойствами, позволяющими нести уголовную ответственность.

Возраст как признак субъекта преступления отражает способность человека действовать виновно. При этом способность к виновному совершению деяния мы рассматриваем как потенциальную способность субъекта в сложном алгоритме жизненных обстоятельств к выбору

социально адаптивного поведения, а не избранного поведенческого варианта, сопряженного с заведомо общественно опасными последствиями.

А.Ф. Кистяковский указывает: «Вопрос о вменяемости молодых преступников есть один из самых капитальных в области уголовного права и уголовной политики. Понятия человечества об этом предмете видоизменялись вместе с развитием человека как рода»¹¹. С.С. Алексеев справедливо отмечает, что способность к виновной ответственности в уголовно-правовой сфере начиная с определенного возрастного рубежа является обособленной по отношению к общей проблеме дееспособности¹². При этом «наиболее подвижным, изменчивым и с точки зрения законодательной техники трудно фиксируемым является, бесспорно, возраст»¹³.

В раннеантичный период почти у всех европейских народов был установлен 7-летний возраст нравственной вменяемости. На основании этого положения у европейских народов начиная с римлян несовершеннолетние в 7-летнем возрасте рассматривались как нравственно вменяемые в отношении тяжких преступлений, к которым относились определенные виды убийств, оскорбление божеского и человеческого величества¹⁴. Изучая немецкие уголовные законы, мы находим, что в ст. 98 Баварского кодекса, п. 1 ст. 105 Ольденбургского кодекса обозначен 8-летний возраст как граница, с которой начинается нравственное вменение несовершеннолетних. Согласно ст. 95 Вюртембергского кодекса 1839 г. указывался 10-летний возраст уголовной ответственности. В ст. 66 Саксен-Альтенбургского кодекса, ст. 66 Саксонского кодекса 1838 г., ст. 83 Ганноверского кодекса, ст. 78 Баденского кодекса 1845 г., ст. 66 Тюрингского кодекса, ст. 55 Общегерманского кодекса – 12-летний возраст. В соответствии со ст. 30 Брауншвейгского кодекса, ст. 35 Нассауского кодекса 1849 г., п. «д» ст. 2 Австрийского кодекса 1852 г., ст. 89 Саксонского 1855 г. 14-летний возраст определялся как нижняя граница уголовной ответственности¹⁵. Во французском законодательстве XIX в. возраст уголовной ответственности вообще не определялся, судебная практика при этом опиралась на римское право¹⁶.

Отечественное уголовное законодательство не всегда обозначало возраст уголовной ответственности. Только начиная с XVIII в. эта проблема стала решаться законодательным путем. В указах XVIII в., например в Указе Екатерины II от 26.06.1765 г., был установлен 10-летний возрастной ценз вменяемости, а в отношении лиц 10–17 лет допускалось смягчение наказания. Малолетних до 10 лет отдавали на исправление родителям, родственникам или опекунам¹⁷. В проекте Уголовного уложения о наказаниях 1813 г. был предложен 7-летний возраст, вероятно, в соответствии с традициями римского права и немецких кодексов. В ч. 1 ст. 138 т. XV Свода законов издания 1832 г. сказано, что дети, не достигшие 10-летнего возраста, отдаются за

учиненные ими уголовные преступления без предания суду и без наказания на исправление родителям, родственникам или опекунам, если последние не вовлекали малолетних в преступную деятельность (дети крепостных – отдавались помещику)¹⁸. В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. при указании причин, по коим содеянное не должно быть вменяемо в вину, речь идет о детях, не достигших семи лет (ст. 94); при указании обстоятельств, смягчающих наказание, говорится о детях от 7 до 10 лет¹⁹. С 10-летнего возраста начиналась уголовно-правовая дееспособность²⁰. При подготовке проекта Уложения о наказаниях 1903 г. Н.С. Таганцев исходил из того, что германский и венгерский кодексы, проект австрийского кодекса указывали на 12-летний возраст уголовной ответственности, кодекс голландский – на возраст 10 лет, итальянское уложение – 9 лет, проекты норвежский и швейцарский – 14 лет, а кодексы французский и бельгийский вовсе не знают этого срока. В защиту наступления уголовной ответственности с 10-летнего возраста автор приводит следующие соображения: 1) 10-летний предел означает не границу вменяемости, так как несовершеннолетние и «в случае признания таковой не подлежат, по общим правилам, уголовной каре», а смягчение наказания; 2) отказ от возбуждения «уголовного преследования против малолетних по необходимости очень часто повлечет невозможность обнаружения участия в учиненных ими деяниях совершеннолетних, а между тем дети от 10 до 12 лет, как свидетельствует судебная практика, нередко являются ловкими исполнителями распоряжений разных шаяк, так что невозбуждение дел этого рода может быть очень невыгодно для общественной безопасности и частных интересов; 3) дети 11 и 12 лет совершают иногда столь ужасные злодеяния, что оставление без исследования дела, неуяснения условий и обстоятельств, при которых совершилось злодеяние, будет возмущать общественную совесть. Можем ли мы представить себе, что ни полиция, ни следователь не будут иметь права даже возбудить о них дела, и каково будет влияние этой безответственности на самих малолетних?»²¹

Статья 41 Уголовного уложения 1903 г. устанавливала, что «не вменяется в вину преступное деяние, учиненное несовершеннолетним от десяти до семнадцати лет, который не мог понимать свойства и значения им совершаемого или руководить своими поступками»²². На наш взгляд, из текста трудно понять, идет ли здесь речь о невменяемости либо о так называемой «возрастной невменяемости».

В Декрете СНК РСФСР от 14.01.1918 г. «О комиссиях для несовершеннолетних» указывалось: «1. Суды и тюремное заключение для малолетних и несовершеннолетних упраздняются. 2. Дела о несовершеннолетних обоюбого пола до 17 лет, замеченных в деяниях общественно опасных, подлежат ведению комиссии о несовершеннолетних»²³.

Тем самым декрет дал вполне определенное указание о том, что уголовная ответственность наступает с 17 лет. Но правовой романтизм первых лет советской власти весьма скоро сменился ужесточением законодательства. В ст. 13 Руководящих начал по уголовному праву РСФСР 1919 г. предусматривалось, что несовершеннолетние до 14 лет не подлежат суду и наказанию. К ним применяются лишь воспитательные меры (приспособления). Такие же меры применяются в отношении лиц переходного возраста 14–18 лет, действующих без разумения, то есть отстающих в интеллектуальном развитии. Если же они действуют с разумением, то есть осознавая опасность своих действий, то возможны были и меры уголовного наказания²⁴. Статья 18 Уголовного кодекса РСФСР 1922 г. предусматривала 16-летний возраст уголовной ответственности. В ряде случаев уголовная ответственность применялась и к 14-летним правонарушителям по постановлениям комиссий, когда меры медико-педагогического воздействия не имели надлежащего эффекта²⁵. Основные начала уголовного законодательства СССР и союзных республик 1924 г. не определяли возраста, с которого могла наступать уголовная ответственность. В ст. 8 Основных начал было указано, что меры медико-педагогического характера должны применяться к малолетним, а в отношении несовершеннолетних – лишь в случаях, когда соответствующие органы признали невозможным применение к ним наказания²⁶. Постановление ЦИК и СНК РСФСР от 30.10.1929 г. устанавливало, что дела о несовершеннолетних передаче в суд не подлежат²⁷. В связи с этим хочется напомнить мнение С.В. Познышева, отмечавшего еще в начале XX в.: «Проглядывается какая-то неуверенность в правильном решении и очевидная непоследовательность уголовно-правовых норм, касающихся нижней возрастной границы уголовной ответственности»²⁸. Статья 12 УК РСФСР 1926 г. гласила: «Меры социальной защиты судебно-исправительного характера не подлежат применению к малолетним до четырнадцати лет, в отношении которых могут быть применены лишь меры социальной защиты медико-педагогического характера. К несовершеннолетним от четырнадцати до шестнадцати лет меры социальной защиты судебно-исправительного характера могут быть применяемы лишь в случаях, когда комиссией по делам о несовершеннолетних будет признано невозможным применение к ним мер социальной защиты медико-педагогического характера». Но уже в редакции УК РСФСР 1935 г. в данной статье был дан перечень преступлений, за которые устанавливалась уголовная ответственность лиц, достигших к моменту совершения преступления 12-летнего возраста (убийство, попытка убийства, нанесение телесных повреждений, увечий, насилие, кража)²⁹.

В Основах уголовного законодательства СССР и союзных республик 1958 г. вновь был изменен

возраст уголовной ответственности. В ст. 10 УК РСФСР 1960 г. указывалось, что уголовной ответственности подлежат лица, которым до совершения преступления исполнилось 16 лет. При этом понижение возраста до 14 лет ограничивалось конкретным перечнем преступлений, данных в ч. 2 ст. 10 УК РСФСР 1960 г. Статья 13 Основ уголовного законодательства СССР и союзных республик 1991 г. гласит: «Возраст, с которого наступает уголовная ответственность, устанавливается уголовными кодексами республик, но он не может быть ниже четырнадцати лет».

Устанавливая возраст уголовной ответственности, законодатель исходит из презумпции достижения лицом к этому возрасту достаточного уровня развития, чтобы осознавать характер своих действий и их запрещенность. В настоящее время не требуется специально доказывать факт осознания субъектом, достигшим установленного законом возраста, общественной опасности его действий. Доказыванию подлежит лишь ситуация, когда субъект обнаруживает в ходе следствия и суда психические расстройства, опровергающие эту презумпцию. По мнению Г.Н. Борзенкова, эта презумпция теперь рассматривается как опровержимая³⁰.

Анализируемая новелла была заимствована из теоретической модели Уголовного кодекса. В ней Р.И. Михеев сформулировал следующее положение: «Не подлежит уголовной ответственности лицо, которое достигло установленного в законе возраста, но вследствие психической незрелости было не способно сознавать фактический характер либо общественную опасность своих действий (бездействия) или руководить ими»³¹. Невменяемость в этом случае отсутствует, так как несовершеннолетний способен к осознанно волевой регуляции поведения, но в силу отставания в психофизиологическом развитии не может в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими. Необходимо отметить, что похожая норма была сформулирована в Уголовном уложении 1903 г., и в соответствии с ней не вменялось «в вину преступное деяние, учиненное несовершеннолетним от 10 до 17 лет, который не мог понимать свойства и значение им совершаемого или руководить своими поступками»³². Это положение закона позволило Н.С. Таганцеву назвать возраст 10–17 лет «возрастом условной вменяемости»³³. Как мы указывали выше, в Руководящих началах по уголовному праву РСФСР 1919 г. несовершеннолетние, совершившие преступление в возрасте от 14 до 18 лет, освобождались от наказания в случаях, если было установлено, что они действовали «без разумения»³⁴ (в толковых словарях «разумение» – способность понимать³⁵). В ст. 392 УПК РСФСР указывалось, что «при наличии данных об умственной отсталости несовершеннолетнего, не связанной с душевным заболеванием, должно быть выявлено также, мог ли он полностью сознавать значе-

ние своих действий». В Постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 03.12.1976 г. № 16 указывается: «При наличии данных, свидетельствующих об умственной отсталости подсудимого, суды в соответствии с требованием ст. 15 Основ уголовного судопроизводства Союза СССР и союзных республик должны выяснять степень умственной отсталости несовершеннолетнего, мог ли он полностью сознавать значение своих действий и в какой мере руководить ими»³⁶. При отрицательном ответе судебная практика рекомендовала смягчать наказание или применять принудительные меры воспитательного характера. Но необходимо отметить, что в УПК РСФСР говорилось об умственной отсталости, которая не должна быть связана с заболеваниями психики, а в указанном постановлении Пленума Верховного Суда такого ограничения нет.

В Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14.02.2000 г. № 7 «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних» говорится, что при наличии данных, свидетельствующих об умственной отсталости несовершеннолетнего подсудимого, согласно действующему процессуальному закону назначается судебная комплексная психолого-психиатрическая экспертиза для решения вопроса о наличии или отсутствии у несовершеннолетнего отставания в психическом развитии. Указанные вопросы разрешаются экспертом, при этом в обязательном порядке должен быть поставлен вопрос о степени умственной отсталости несовершеннолетнего, интеллектуальное развитие которого не соответствует его возрасту³⁷.

Часть 3 ст. 20 УК РФ включает медицинский критерий невменяемости, в ней говорится об отставании в психическом развитии, которое не связано с психическим расстройством. Содержание понятия «отставание в психическом развитии» в тексте кодекса не раскрыто, вероятно, потому, что предмет данного вопроса лежит не в области права, а в сфере возрастной психологии и отчасти психиатрии (чтобы отграничить отставание в психическом развитии, не связанное с психическим расстройством, от самих психических расстройств)³⁸. Вместе с тем формулировка «неспособность в полной мере осознавать характер и значение своих действий или руководить ими» представляется крайне неубедительной и неопределенной. Не ясно, что это за «мера» и как ее надлежит определять. На наш взгляд, рассматриваемая норма искусственно и неудачно объединяет разные правовые проблемы (например, проблему гуманизации уголовной политики и оказания социальной помощи несовершеннолетним, отстающим в психическом развитии).

У несовершеннолетних может наблюдаться отставание в психическом развитии, которое обусловлено психическими расстройствами, а также отставание, не связанное с расстройствами психики. Подобное отставание в психическом развитии временно, обратимо (если

же речь идет о психическом недоразвитии, то в этом случае надо говорить о расстройстве психики). По мнению А.В. Рагулиной, в генезисе этого варианта отставания в психическом (интеллектуальном и личностном) развитии основную роль играют следующие факторы: а) социально-педагогическая запущенность; б) наличие нейросенсорного дефекта (например, глухонмота) без соответствующего учебного и воспитательного процесса³⁹. Сам по себе указанный дефект не является психическим расстройством и необязательно приводит к отставанию в психическом развитии. В основном это происходит, если сенсорная депривация не была своевременно выявлена, и ребенок был лишен специального обучения и воспитания. В результате формирование образа внешнего мира в процессе социализации происходит по качественно иному механизму. Б.В. Шостакович указывает, что при социально-педагогической запущенности полноценная адаптация к социальной среде нарушена не вследствие болезненных и личностных расстройств⁴⁰. Развитие психических функций ребенка происходит в определенные возрастные периоды, и если он не получает в это время необходимой информации, то его развитие замедляется. У таких лиц не сформированы критические способности и способности адекватно прогнозировать последствия своих действий. Таким образом, «отставания в психическом развитии» определяются в тех случаях, если они носят временный характер (социальный инфантилизм), если задержка развития является обратимой, если нет связи с психическим расстройством, слабоумием. Е.И. Цымбал вводит понятие психологического возраста, который определяется социальными, но прежде всего генетическими факторами⁴¹.

(Продолжение статьи см. в № 10)

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за первый квартал 1997 года (определение № 45-096-154 по делу Б.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1997. № 8. С. 12.

² См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации с постановочными материалами и судебной практикой. М., 2001. С. 120; Рагулина А.В. Уголовно-правовое значение психических отклонений: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000.

³ См.: Курс уголовного права. Общая часть: В 5 т. М., 2002. Т. 1. С. 277.

⁴ Цымбал Е., Дьяченко А. Возрастная невменяемость: теория и практика применения // Уголовное право. 2000. № 3. С. 45.

⁵ Шишков С.Н. Норма УК об освобождении от ответственности подростка, отставшего в психическом развитии: достаточно ли она обоснована? // Журнал российского права. 1997. № 5. С. 71–77.

⁶ Кудрявцев И.А. Судебная психолого-психиатрическая экспертиза. М., 1988. С. 94.

⁷ См.: Устименко В.В. Специальный субъект преступления. Харьков, 1989. С. 21.

⁸ См.: Курс советского уголовного права. Часть общая: В 5 т. Л., 1968. Т. 1. С. 356.

⁹ Курс уголовного права. Общая часть. Т. 1. С. 269.

¹⁰ См.: Уголовный закон. Опыт теоретического моделирования. М., 1987. С. 67.

¹¹ Кистьяковский А.Ф. Элементарный учебник общего уголовного права. Часть Общая. Киев, 1882. С. 467.

¹² См.: Алексеев С.С. Общая теория права: В 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 147.

¹³ Боровых Л.В. Проблема возраста в механизме уголовно-правового регулирования: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1993.

¹⁴ См.: Пасек А. Очерк истории наказаний малолетних преступников и развитие исправительных колоний для малолетних во Франции // Современник. 1863. № 9. С. 28.

¹⁵ См.: Шауштейн А.И. Руководство к изучению судебной медицины для врачей и юристов с указаниями на законодательство Австрии, Пруссии, мелких германских государств, Франции и Англии. М., 1865. С. 483.

¹⁶ См.: Уголовные и гражданские законы и судопроизводство во Франции, Англии и Шотландии с изложением в сравнительном очерке. М., 1869. С. 422.

¹⁷ См.: Есипов В.В. Очерк русского уголовного права. Часть общая. Преступления и преступники. Наказания и наказуемые. Варшава, 1894. С. 141.

¹⁸ См.: Свод законов Российской империи: В 16 т. СПб., 1832. Т. XV. Законы уголовные. С. 1.

¹⁹ От 7 до 10 лет – возраст, уменьшающий вину и наказание, но при этом и возраст состояния невменяемости по смыслу и букве Уложения, которое не определяет уголовного наказания детям, совершившим преступление в этом возрасте. Очевидно, этот возраст должен быть отнесен к причинам, по которым содеянное не должно быть вменяемо в вину.

²⁰ См.: Кистьяковский А.Ф. Элементарный учебник общего уголовного права. Часть Общая. С. 479.

²¹ Таганцев Н.С. Курс русского уголовного права. Часть Общая. СПб., 1880. С. 159.

²² Курс уголовного права. Общая часть. Т. 1. С. 271.

²³ Герцензон А.А. и др. История советского уголовного права. М., 1948. С. 148.

²⁴ См.: СУ РСФСР. 1919. № 66. Ст. 590.

²⁵ См.: Уголовные законы Российской Советской Федеративной Социалистической Республики. Прага, 1922. С. 46.

²⁶ См.: Курс советского уголовного права. Часть общая. Т. 1. С. 367.

²⁷ См.: СУ РСФСР. 1929. № 82. Ст. 83.

²⁸ Познышев С.В. Детская преступность и меры борьбы с ней // Публичные лекции. М., 1910. С. 52.

²⁹ См.: Уголовный кодекс. Официальный текст с изменениями на 1 ноября 1946 года и приложением постановлений систематизированных материалов. М., 1947. С. 6.

³⁰ См.: Курс уголовного права. Общая часть. Т. 1. С. 277.

³¹ Уголовный закон: Опыт теоретического моделирования. М., 1987. С. 65.

³² Наумов А.В. Уголовное право. Общая часть: Курс лекций. М., 1996. С. 187.

³³ Курс уголовного права. Общая часть. Т. 1. С. 277.

³⁴ См.: СУ РСФСР. 1919. № 66. С. 590.

³⁵ См.: Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1988. С. 534.

³⁶ Сборник постановлений Пленумов Верховных Судов СССР и РСФСР (Российской Федерации) по уголовным делам. М., 1995. С. 149.

³⁷ См.: Российская газета. 2000. 14 марта.

³⁸ См.: Шишков С.Н. Норма УК об освобождении от ответственности подростка, оставшего в психическом развитии: достаточно ли она обоснована? // Журнал российского права. 1997. № 5. С. 71.

³⁹ См.: Рагулина А.В. Уголовно-правовое значение психических отклонений.

⁴⁰ См.: Судебная психиатрия / Под ред. Б.В. Шостаковича. М., 1997. С. 371.

⁴¹ См.: Цымбал Е., Дьяченко А. Возрастная невменяемость: теория и практика применения // Уголовное право. 2000. № 3. С. 43.

Восстановление социальной справедливости как цель уголовного наказания и ее достижение в процессе отбывания наказания

В.И. ЗУБКОВА – профессор кафедры уголовно-исполнительного права ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор

Статья посвящена анализу одной из целей уголовного наказания – восстановлению социальной справедливости. Автор рассматривает различные точки зрения, касающиеся сути восстановления социальной справедливости в процессе назначения и исполнения наказания, сравнивает цели наказания, представленные как в уголовном, так и в уголовно-исполнительном законодательстве. Содержание понятия «восстановление социальной справедливости» раскрывается через три аспекта: соразмерность наказания, справедливость (в первую очередь по отношению к потерпевшему от преступления) и неотвратимость наказания.

К л ю ч е в ы е с л о в а : социальная справедливость; уголовное наказание; цели уголовного наказания; преступление.

Уголовный кодекс Российской Федерации 1996 г. установил, что наказание применяется в целях восстановления социальной справедливости, исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений (ч. 2 ст. 43). Таким образом, перед наказанием поставлены три цели, из которых первая является

совершенно новой для российского уголовного законодательства. Следует отметить, что уголовное законодательство не дает определения понятия «восстановление социальной справедливости». Указанному термину присущ оценочный характер, и его содержание раскрывается опосредованно через другие понятия: сораз-

мерность содеянного виновным и наказания, назначаемого за это со стороны государства, общественное самосознание, а также принцип справедливости, закрепленный в ст. 6 УК РФ. Цель восстановления социальной справедливости, таким образом, в большей мере относится к применению наказания на стадиях назначения или его отсрочки, например в отношении беременных женщин и женщин, имеющих малолетних детей, применению условного осуждения. Именно на этих стадиях правоприменительного процесса идет речь о выборе вида наказания, его размере либо применении гуманного акта (в частности, при отсрочке).

В соответствии со ст. 1 УИК РФ целями уголовно-исполнительного законодательства являются исправление осужденных и предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами. Для достижения этих целей уголовно-исполнительное законодательство устанавливает порядок и условия исполнения и отбывания наказаний, определяет средства исправления осужденных, предусматривает охрану их прав и законных интересов, оказание осужденным помощи в социальной адаптации (ч. 2 ст. 1 УИК РФ).

Сопоставление рассматриваемых норм УК РФ и УИК РФ показывает, что в последнем восстановлению социальной справедливости в качестве цели наказания не предусмотрено. О ней в УИК РФ нигде не упоминается. Таким образом, понятие «восстановление социальной справедливости» не раскрывается в УК РФ, который указывает его в качестве цели, а тем более в УИК РФ, где оно вообще не упоминается. В литературе по этому вопросу существует несколько позиций. На стадии исполнения наказания данная цель подразумевается при реализации в уголовно-исполнительном законодательстве таких его принципов, как гуманизм, равенство осужденных перед законом, рациональное применение мер принуждения, средств исправления осужденных и стимулирования их правопослушного поведения. Последовательное выполнение именно этих принципов в уголовно-исполнительном законодательстве и практике его применения как раз и обеспечивает фактическую реализацию восстановления социальной справедливости таким опосредованным путем¹. Названная цель связывается также с эффективностью исполнения уголовных наказаний. Данная позиция представляется наиболее приемлемой, отражающей суть социальной справедливости как цели уголовного наказания. В своей основе достижение названной цели не зависит от воли осужденного. Она реализуется в порядке уголовно-правового принуждения – исполнения (отбывания) наказания.

Высказаны в литературе и интересное предположение о необходимости включения восстановления социальной справедливости в качестве цели исполнения наказания, и точка зрения на ее содержание. Так, отмечается, что опре-

деление судом справедливого наказания – это лишь начальный этап восстановления социальной справедливости, необходимая предпосылка к ее основной реализации в процессе исполнения наказания как к конечному результату². Из сказанного следует, что виновный понес справедливое наказание, а государство и общество в процессе его исполнения достигло поставленной цели.

Отсутствие законодательного определения названной цели порождает различные толкования ее содержания и понимания. В публикациях социальная справедливость расценивается как этическая, морально-правовая категория или категория философская о добре и зле. Конечно, справедливость – понятие многоаспектное. Но в роли цели уголовного наказания она должна рассматриваться и характеризоваться как правовая категория. В связи с чем следует раскрыть понятие восстановления социальной справедливости как цели уголовного наказания, что даст понимание ее и в уголовно-исполнительном праве.

Как было сказано, восстановление социальной справедливости в качестве цели уголовного наказания непосредственно включено в российское уголовное законодательство впервые. Однако уместно заметить, что еще в 1960-х гг. профессор Н.А. Беляев рассматривал восстановление социальной справедливости как цель уголовного наказания³. Чаще всего социальную справедливость трактуют через принцип справедливости (ст. 6 УК РФ), то есть как запрет двойной ответственности за преступление и как соразмерность наказания тяжести преступления.

В литературе данная цель стала рассматриваться через «восстановительный» либо «компенсационный» характер. Так, например, профессор А.В. Наумов указывает, что «наказание и служит восстановлению нарушенных в результате совершения преступления прав и свобод потерпевшего, то есть в конечном счете восстановлению справедливости. Чисто восстановительный характер носят имущественные уголовно-правовые санкции типа денежного штрафа. Разумеется, не все, чему причинен ущерб преступлением, подлежит адекватному возмещению (восстановлению), например жизнь потерпевшего от убийства, и наказание за это преступление может быть достигнуто путем ограничения прав и свобод виновного лица лишением свободы на продолжительное время»⁴. Именно это, с точки зрения автора, является своеобразным способом восстановления социальной справедливости.

Точка зрения о «компенсационном» характере социальной справедливости еще более некорректна, чем первая. Речь идет о компенсации со стороны виновного причиненного вреда, причем не только за имущественные преступления, но и за преступления против личности (убийства, причинение вреда здоровью), то есть подразумевается возмещение расходов на лече-

ние и восстановление здоровья потерпевшего: санаторно-курортное лечение, приобретение лекарств, оплата труда врачей и т.д.⁵ Получается, что при совершении любого преступления восстановить справедливость можно, заплатив определенную сумму денег.

Безусловно, новый вид цели наказания не дает полного представления о замыслах законодателя, не имеет однозначного понимания ни у ученых, ни у практиков и требует глубокого научного обоснования. В то же время с приведенными определениями социальной справедливости вряд ли можно согласиться. Восстановление, компенсацию можно с известной долей условности отнести к средствам достижения цели наказания, но не более того.

Возражая против «восстановительного» и «компенсационного» признака социальной справедливости, следует напомнить, что справедливость предполагает требование соответствия между практической ролью человека в обществе и его социальным положением, между его правами и обязанностями, деянием и воздаянием, преступлением и наказанием, заслугами людей и их общественным признанием. Нарушение согласованности в указанных реалиях оценивается как несправедливость. Связи с этим указанные позиции авторов о свойствах справедливости не отвечают данному требованию. В подтверждение своих позиций они рассматривают лишь те преступления, последствия которых (условно говоря) как-то можно восстановить, например, денежным штрафом либо оплатой стоимости уничтоженного или похищенного имущества и т.д., то есть те, что относятся к преступлениям против собственности и другим, не связанным с посягательствами на личность. Однако такой «восстановительности» не может быть при совершении убийств, причинении вреда здоровью, терроризме, захвате заложника и др. Очевидно, что в данных случаях нельзя по-другому эквивалент, с помощью которого можно было бы вернуть жизнь, здоровье человека; никакое длительное лишение свободы (о чем говорят авторы анализируемой позиции) за эти преступления не восстанавливает социальную справедливость. Восстановительные и компенсационные меры могут лишь возмещать ущерб (вред), причиненный в результате преступления, но восстановить социальную справедливость нарушенных преступлением интересов личности, общества, государства не могут.

Под социальной справедливостью наказания, с нашей точки зрения, следует понимать прежде всего такую трактовку принципа справедливости, когда наказание лица, совершившего преступление, должно соответствовать тяжести преступления, характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного; наказание не назначается дважды за одно и то же преступление (ст. 50 Конституции Российской Федерации; ч. 2 ст. 6 УК РФ). В этом контек-

сте социальная справедливость означает, что чем тяжелее и опаснее преступление, тем более строгое наказание назначается за него. Представляется, что именно этим руководствовался законодатель, устанавливая в качестве цели наказания восстановление социальной справедливости и включая в систему наказаний самые жесткие наказания, например пожизненное лишение свободы и смертную казнь (пока она еще не отменена). Данные виды наказаний, согласно закону, могут быть назначены за преступления, посягающие на жизнь человека, являющиеся особо тяжкими и тем самым влекущие самое тяжкое наказание. Суть цели восстановления социальной справедливости, хотим мы того или нет, заключается в сравнительно максимальной соразмерности наказания всем обстоятельствам совершенного преступления. Несомненно, следуя этой сути, за деяния, совершенные при менее опасных обстоятельствах, не должно назначаться такое же наказание, как за более опасное деяние; оно (наказание) должно быть максимально соразмерно степени общественной опасности содеянного и личности виновного. Разумеется, нельзя вернуть к жизни потерпевшего, погибшего в результате убийства, восстановить полностью здоровье от преступного посягательства, однако справедливость здесь будет заключаться только в самом жестком наказании в зависимости от соразмерности преступления и личности виновного.

Вместе с тем, с нашей точки зрения, свойством социальной справедливости следует считать неотвратимость наказания. В обществе она будет восприниматься как справедливость. И у виновного лица неотвратимость наказания сформирует мнение о том, что, наказав его за совершенное им преступление, с ним поступили справедливо. Справедливый обвинительный приговор будет способствовать достижению и другой цели – общего предупреждения, порождая у населения не чувство мести, не злорадство по поводу того, что преступник понес заслуженное наказание, а убеждение в том, что право (закон) и справедливость торжествовали, что наступление наказания неотвратимо, что государство действительно (не декларативно) охраняет интересы и права как общества в целом, так и каждого гражданина в отдельности.

Наказание виновного свидетельствует о торжестве законности и справедливости в обществе – каждый совершивший преступление обязан сознавать, что его деяния не могут пройти безнаказанно. Наказание, будучи злом по форме, по существу своему – благо, поскольку оно ограждает государство, общество в целом и каждую личность в отдельности от произвола преступности. Является аксиомой правило: чем выше в обществе уровень торжества закона, правопорядка, тем выше уровень правосознания его членов, в том числе преступников, которые понимают, совершая преступление, что с

ними поступят по закону и определяют то наказание, которое они заслужили за свое деяние.

Между тем наказание, даже самое строгое, применяется не для того, чтобы причинить осужденному физические страдания и унижить его личное достоинство. Любое наказание заключается в ограничении прав и свобод осужденного, а не будь этого, наказание перестает быть таковым.

Таким образом, первый аспект цели социальной справедливости – это взаимосвязь и максимальная соразмерность общественной опасности и тяжести преступления, личности виновного и наказания. В противном случае при утрате функции устрашения наказание теряет всякий смысл, свою предупредительную и воспитательную роль, значение для формирования уверенности в неотвратимости наказания и укрепления правопорядка в обществе. В литературе справедливо отмечается, что пропорциональность наказания степени общественной опасности преступления – элементарное требование эффективности уголовного законодательства⁶.

Преступление – это социальное зло, оно распространяется на интересы многих людей. Отсюда социальная справедливость не может и не должна ограничиваться только интересами осужденного, она затрагивает интересы и других лиц – потерпевших. Следует отметить, что задачами уголовного законодательства (ст. 2 УК РФ) среди других прочих является охрана прав и свобод человека и гражданина. Значит, УК РФ распространяет принцип справедливости на применение всех норм закона, в том числе регулирующих интересы потерпевших. Здесь уместно, на наш взгляд, вспомнить слова А.Ф. Бернера, который так раскрывает сущность социальной справедливости: «Преступлением оскорбляется общая воля (закон, общество, государство), но обыкновенно, кроме того, им оскорбляется и отдельная воля (лицо, пострадавшее от преступления). Как та, так и другая должны быть удовлетворены, то есть наказание должно возратить как обществу, так и пострадавшему лицу чувство и сознание господства справедливости. Если преступление оскорбило преимущественно общественную волю, то и наказание должно быть направлено на удовлетворение последней»⁷.

Каким же образом следует определять социальную справедливость в отношении лиц, пострадавших от преступлений? Трудно, например, представить, чтобы родителям убитого сына или дочери показалась справедливой вынесенная судом мера наказания убийце – 10–12 лет лишения свободы. С их точки зрения, она будет справедливой и достаточной лишь тогда, когда будет применена норма закона, предусматривающая смертную казнь, а наказание – соизмеримо с содеянным.

Таким образом, второй аспект восстановления социальной справедливости заключается в

учете интересов потерпевшей стороны, то есть назначаемое виновному наказание должно породить у потерпевшего чувство неотвратимости наказания и справедливости. Восстановление социальной справедливости как цель уголовного наказания должна включать в себя не только справедливое наказание виновного, ее содержание должно быть значительно шире: она должна отражать интересы потерпевшего, наказание должно и у него вызывать чувство справедливости, а также порождать в обществе сознание неотвратимости наказания и торжества справедливости.

Представляется, что именно неотвратимость наказания (третий аспект) имел в виду законодатель, устанавливая в законе в качестве целей наказания восстановление социальной справедливости, не распространяв сроки давности на лиц, совершивших преступления против мира и безопасности человечества (ст. 353, 356, 357, 358 УК РФ). Представим для примера, что, если российские граждане, совершившие эти преступления, скроются от возмездия в других странах, Россия может требовать их выдачи. Возникает вопрос: для чего и с какой целью? Для их исправления? Разумеется, нет. Для частной превенции? Тоже нет, и даже не в целях общего предупреждения. Ответ может быть только один: для наказания в соответствии с законом с целью справедливого возмездия за содеянное и удовлетворения чувства социальной справедливости и неотвратимости наказания. Аналогичное правило существовало и в советский период, во время действия Указа Президиума Верховного Совета СССР от 04.03.1965 г. «О наказании лиц, виновных в преступлениях против мира и человечности и военных преступлениях, независимо от времени совершения преступления», где специально подчеркивалось, что «совесть и правосознание народов не могут мириться с безнаказанностью фашистских преступников, совершивших тягчайшие злодеяния в период второй мировой войны... они подлежат суду и наказанию независимо от времени, истекшего после совершения преступлений». Подобное правило содержится в законодательствах абсолютного большинства стран мира, оно основано на нормах международного права⁸.

Таким образом, завершая анализ такой цели уголовного наказания, как восстановление социальной справедливости, полагаем, что ее содержание раскрывается через три аспекта:

1) максимальная соразмерность степени общественной опасности преступления личности виновного и назначенного ему наказания;

2) учет интересов потерпевшей стороны, создающей справедливость наказания виновного и его неотвратимость;

3) неотвратимость наказания в более широком понимании, в восприятии ее таковой в обществе, в торжестве закона.

Что касается уголовно-исполнительного законодательства, исходя из сказанного выше,

напрашивается вывод: в ч. 1 ст. 1 УИК РФ необходимо включить в качестве цели исполнения наказания восстановление социальной справедливости. Поскольку если цель восстановления социальной справедливости сформулирована законодателем и отражена в Уголовном кодексе, то она не может игнорироваться в процессе исполнения и отбывания уже назначенного судом того или иного наказания.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Уголовно-исполнительное право России: Учеб. для вузов / Под ред. А.И. Зубкова. М., 2006. С. 91–93.

² См.: Ткачевский Ю.М. Восстановление социальной справедливости – цель уголовного наказания и Уголовно-испол-

нительный кодекс Российской Федерации // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 1998. № 6. С. 17–25.

³ См.: Беляев Н.А. Цели наказания и средства их достижения. Л., 1963. С. 27.

⁴ Наумов А.В. Уголовное право. Общая часть: Курс лекций. М., 1996. С. 364.

⁵ См.: Российское уголовное право: Курс лекций: В 8 т. / Под ред. А.И. Коробеева. Владивосток, 1999. Т. II. С. 42.

⁶ См.: Павлухин А.О. О целях наказания в уголовном праве // Цели уголовного наказания. Рязань, 1990. С. 10.

⁷ Бернер А.Ф. Учебник уголовного права. Части Общая и Особенная. СПб., 1865. С. 560.

⁸ См.: Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказания за него от 09.12.1948 г. // Международная защита прав и свобод человека: Сб. документов. М., 1990. С. 98–103; Конвенция о неприменении сроков давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества от 26.11.1968 г. // Там же. С. 658–661.

Уголовно-правовая охрана общественных отношений от экстремистских посягательств: проблемы и перспективы

А.М. СЫСОЕВ – начальник юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат психологических наук, доцент

В статье рассматриваются некоторые проблемные вопросы уголовной ответственности за деяния экстремистской направленности. Отмечая спорность понимания законодателем ряда мотивов как экстремистских и определения некоторых деяний как проявлений криминального экстремизма, автор предлагает варианты оптимизации уголовного законодательства.

Ключевые слова: экстремизм; преступления экстремистской направленности; мотивы ненависти или вражды; публичные призывы; экстремистское сообщество; возбуждение ненависти или вражды.

Система государственного противодействия преступности включает в себя два основных способа: установление уголовно-правового запрета и предупреждение противоправного поведения. Противодействие криминальному экстремизму не является исключением, поэтому закономерно существование проблем совершенствования уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за его проявления, создания криминологически обоснованной системы правового реагирования, основанной на принципе адекватности наказания совершенному деянию.

Группа преступлений экстремистской направленности появилась в уголовном законодательстве в результате принятия Федерального закона от 25.07.2002 г. № 112-ФЗ. В ч. 1 ст. 282.1 УК РФ был приведен список уголовно наказуемых деяний, «совершенных организованной группой лиц для подготовки или совершения по мотивам идеологической, политической, расовой, национальной или религиозной ненависти либо вражды в отношении какой-либо социальной группы

преступлений, предусмотренных ст. 148, ст. 149, ч. 1 и 2 ст. 213, ст. 214, 243, 244, 280 и 282 УК РФ». Статьи 282.1 и 282.2 УК РФ дополнили перечень соответствующих преступлений. Однако и при этом не были учтены некоторые нормы, в которых были закреплены мотивы, определяемые законодателем как экстремистские (в частности, п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ). С другой стороны, вызывает удивление отнесение к рассматриваемой группе норм, в которых указанные мотивы просто отсутствуют (например, ст. 213 или 214 УК РФ). В связи с этим представляется вполне закономерным стремление оптимизировать систему противодействия криминальным формам экстремизма путем внесения соответствующих законодательных инициатив.

Федеральным законом от 24.07.2007 г. № 211-ФЗ в п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ было внесено следующее дополнение: «совершение преступления по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо со-

циальной группы». Одновременно совершение преступления по указанным мотивам стало квалифицирующим признаком в ряде норм Особенной части УК РФ (ст. 105, 111, 112, 115, 116, 117, 150, 213, 214, 244).

В результате означенных изменений законодатель был вынужден указать в примечании к ст. 282.1, что под преступлениями экстремистской направленности понимаются деяния, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной и религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, предусмотренные соответствующими статьями Особенной части (п. «е» ч. 1 ст. 63), и это расширило список уголовно наказуемых деяний на 13 составов. При этом из диспозиции ч. 1 ст. 282.1 соответствующее четкое указание было изъято.

Примером неопределенности, возникшей в данной сфере, является Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 28.11.2007 г. № 190, в котором к группе норм о преступлениях экстремистской направленности были отнесены также ст. 277 УК РФ «Посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля» и ст. 278 УК РФ «Насильственный захват власти или насильственное удержание власти».

Профессор А.И. Долгова отмечает, что при выделении экстремистских преступлений на основании вышеназванного приказа учитываются:

– во-первых, при статистическом анализе – прямо предусмотренные ст. 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» зарегистрированные деяния без признаков терроризма, включенные в 11 статей УК РФ: ст. 136, 141, 148, 149, 212, 239, 280, 282, 282.1, 282.2, 357;

– во-вторых, преступления, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, предусмотренные соответствующими статьями Особенной части и п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ, а также иные перечисленные в ст. 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» деяния¹.

Л.В. Иногамова-Хегай, отмечая, что преступлениями экстремистской направленности являются 11 деяний, закрепленных в Особенной части УК РФ (п. «л» ч. 2 ст. 105, п. «е» ч. 2 ст. 111, п. «е» ч. 2 ст. 112, п. «б» ч. 2 ст. 115, п. «б» ч. 2 ст. 116, п. «з» ч. 2 ст. 117, ч. 2 ст. 119, ч. 4 ст. 150, п. «б» ч. 1 ст. 213, ч. 2 ст. 214, п. «б» ч. 2 ст. 244), в то же время уточняет, что в данную группу может войти любое преступление, совершенное при наличииотягчающего ответственность обстоятельства, предусмотренного п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ².

Как видим, такое чрезмерно расширительное толкование не только позволяет существенно увеличить список деяний, относимых к крими-

нальному экстремизму, но и способствует их смешению с деяниями террористического характера. Несомненно, наличие строгого перечня облегчило бы как квалификацию интересующих нас деяний, так и их учет.

Для уяснения сущности криминального экстремизма необходимо более подробно рассмотреть содержание экстремистских мотивов.

Термин «политика» объясняется в словарях как «деятельность органов государственной власти и государственного управления, отражающая общественный строй и экономическую структуру страны, а также деятельность общественных классов, партий и других классовых организаций, общественных группировок, определяемая их интересами и целями; вопросы и события общественной государственной жизни; образ действий, направленных на достижение чего-нибудь, определяющих отношения с людьми»³. Соответственно политическая деятельность (равно как и политическая ненависть или вражда) представлена весьма широким спектром действий.

Как отмечает П.А. Кабанов, понятие «политическая ненависть или вражда» состоит из двух взаимосвязанных и взаимозависимых, но разных по содержанию элементов (политической ненависти и политической вражды), каждый из которых нуждается в самостоятельном толковании. «Очевидно, что политическая ненависть как мотив преступлений экстремистской направленности – это внутреннее осознанное побуждение лица совершить преступление в силу неприязни к конкретным лицам или их общностям, конкурирующим в борьбе за власть, придерживающихся иных политических взглядов либо безразлично относящихся к политической жизни»⁴. Исходя из этого определения автор утверждает, что политическая ненависть – это внутреннее состояние человека, а политическая вражда – внешнее проявление или следствие этой ненависти. По мнению исследователя, политическая вражда между людьми – это закономерное следствие развития политической ненависти, приводящее к преступлениям экстремистской направленности. Однако, заметим, политическая ненависть, определяемая как внутреннее состояние человека, не может быть наказуема.

Общеизвестно, что политическая власть нуждается в идеологическом обеспечении ее функционирования. «Идеология – духовное средство борьбы за интересы, она не может быть универсальной, ведь в обществе нет групп с едиными интересами... Пропаганда связана с разъяснением основ принятой доктрины (идеология достижения цели), с критикой других доктрин и тем самым – с защитой своих позиций»⁵. В основе любой идеологии лежат взгляды, идеи, в которых четко отражаются позиция и основная цель субъекта (государства, нации, класса, социальной группы). При этом каждая идеология стремится к легитимизации – признанию своих идей законными, правильными, социально одобряе-

мыми и доминирующими.

Рассматривая выделенные законодателем мотивы, стоит отметить, что сами они не могут являться уголовно наказуемыми, так как это противоречит Конституции Российской Федерации (ст. 13), закрепляющей принцип политического и идеологического многообразия. Поэтому распространенная трактовка уголовного закона рождает вполне понятные опасения по поводу соблюдения основных демократических прав, в частности свободы слова. Ввиду этого стоит согласиться со следующим замечанием: «впервые в российское законодательство внесены недопустимые, согласно принципу ненаказуемости намерений, выражения собственных мнений, такие признаки состава преступления, как идеологические или политические мотивы»⁶.

Мы в свою очередь считаем, что одной из наиболее спорных позиций является упоминание ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы. Сложности, возникающие в связи с применением категорий «социальная принадлежность» и «социальная группа», в немалой степени обусловлены тем, что эти понятия в законодательстве не определены. Подразумевается, что категория социально-групповой принадлежности столь же привычна и понятна участникам правоотношений, как и категории нации, расы, религии, традиционно фигурирующие в законодательстве о противодействии экстремизму.

Слово «социальный» традиционно объясняется как «общественный, относящийся к жизни людей и их отношениям в обществе»⁷, в то время как под группой подразумевается «совокупность людей, объединенных общностью интересов, профессии, деятельности и т.п.»⁸. Таким образом, социальная ненависть – чувство сильной вражды, неприятие личности в силу каких-либо ее общественных признаков, как то социальный статус, класс, профессия, уровень образования, происхождение, уровень доходов и т.д.

Профессор Э.Ф. Побегайло, анализируя мотивы ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, отмечает, что речь идет о принадлежности потерпевшего лишь к большим социальным группам, входящим в структуру современного общества. «К таким группам относят классы, этнические общности, профессиональные объединения, политические партии, различные крупные по своей численности организации. Малые же социальные группы, такие как семья, производственный коллектив, спортивная команда, компании друзей и пр., законодатель, конечно, не имел в виду»⁹.

Однако существует и прямо противоположная точка зрения. Так, Е.А. Редькина отмечает, что в самом общем плане понятие «социальная группа» можно трактовать как общность людей, объединенных между собой по какому-либо признаку¹⁰. Этой точки зрения придерживается и Н. Егорова: «в строгом смысле слова “ненависть” или “вражда” в отношении социальной группы –

это ненависть или вражда не только, допустим, к представителям бизнеса, интеллигенции, сельского населения и иных больших социальных групп, но и к отдельному трудовому коллективу, семье и даже компании приятелей»¹¹.

Но в таком случае даже самое распространенное преступление – кража, когда лицо совершает тайное хищение имущества исходя из более высокого уровня доходов потерпевшего, может считаться экстремистским. Отталкиваясь от буквального толкования закона, следует признать, что уголовной репрессии должно подвергнуться лицо, совершившее преступление в отношении представителя иной социальной группы.

Несомненно, причиной такого расширительного толкования стала узость рамок традиционных категорий групповой принадлежности (раса, нация, религия), однако в сложившейся ситуации определение экстремистского деяния по социальному признаку, равно как и соответствующий криминологический мониторинг, представляется весьма проблематичным.

Анализируя список норм, относимых законодателем к преступлениям экстремистской направленности, обратимся к ст. 280 УК РФ «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности», современная редакция которой вызывает вполне определенные вопросы.

Во-первых, эта норма противоречит одному из принципов права – *cogitationis poenam nemo patitur*¹². В данном случае наказывается именно умысел ввиду неопределенности самого понятия «экстремистская деятельность» и отсутствия такого признака, как призывы к совершению насильственных действий. Для сравнения обратимся к зарубежному законодательству, в частности уголовному законодательству США, где, несмотря на то, что в большинстве штатов при вынесении приговоров признается наличиеотягающих обстоятельств, если преступления были мотивированы ненавистью, пропаганда таковой не подвергается уголовной репрессии, так как первая поправка к Конституции гарантирует гражданам свободное выражение своих мыслей.

Понимание экстремистской деятельности, изложенное в Федеральном законе от 27.07.2006 г. № 148-ФЗ «О внесении изменений в статьи 1 и 15 Федерального закона “О противодействии экстремистской деятельности”», дает возможность заключить, что законодатель так и не сформулировал определение экстремизма, не описал признаки, составляющие сущность явления, а прибегнул лишь к весьма общему перечислению ряда уголовно и административно наказуемых деяний.

Во-вторых, законодатель, признавая указанный призыв уголовно наказуемым деянием, исходя из названия ст. 280, делает упор на его неоднократности. Возникает закономерный вопрос: является ли однократный призыв преступлением?

Традиционно под публичными призывами к чему-либо понимается «открытая, доступная для понимания форма воздействия (в виде обращения) на сознание, волю и поведение широкого круга людей, при которой формируются побуждения к конкретному виду деятельности»¹³. Их следует рассматривать исключительно как развитие идей о необходимости и полезности проведения соответствующих действий. При этом высказывания, изложение своей позиции, формирование особой психологии лиц и развитие идей о терроризме, экстремизме либо осуществлении агрессии могут носить самый разный характер.

Большинство авторов характерным признаком призывов называют неоднократность или даже систематичность. Так, например, Л.В. Иногамова-Хегай отмечает: «Публичные призывы признаются оконченными с момента выполнения их не менее двух раз. Когда совершен один акт призывов, но при намерении еще хотя бы раз повторить призыв, то содеянное является покушением на это преступление. Выполнение только одного акта призыва без намерения продолжить такой акт в будущем не образует основания для привлечения лица к уголовной ответственности, так как нет всех признаков объективной стороны состава преступления»¹⁴. У нас же возникает вполне понятное сомнение в том, что единственный публичный призыв не представляет общественной опасности. Полагаем, что авторов сходных с приведенным утверждений вводит в заблуждение только название нормы. С этой позицией согласуется мнение А. Кибальника и И. Соломоненко, которые, рассматривая ст. 205.1 УК РФ и отмечая, что для наступления уголовной ответственности достаточно призыва к совершению хотя бы одного из террористических преступлений, говорят о необходимости если не изменения законодательного термина, то хотя бы официального его толкования¹⁵.

Нам видятся два выхода из сложившейся ситуации: внесение в УК РФ в виде примечания к статьям, предусматривающим публичные призывы к противоправной деятельности, разъяснения, в котором определялось бы наступление ответственности за однократный призыв, и изменение названия этих норм для исключения указания на множественный характер деяния.

Анализ ст. 282 УК РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства» показывает, что действующая конструкция нормы может вызывать проблемы при квалификации деяния. Непонятно, что законодатель понимает под действиями, направленными на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека по признаку пола. Возникает закономерный вопрос: могут ли на этом основании изнасилование (ст. 131) или насильственные действия сексуального характера (ст. 132) являться деяниями, относимыми к совершенным на почве вражды или ненависти по признаку пола?

В связи со всем вышесказанным нам представляется целесообразным внесение в уголовное законодательство следующих изменений:

– исключить из п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ и следующих норм экстремистской направленности: п. «л» ч. 2 ст. 105, п. «е» ч. 2 ст. 111, п. «е» ч. 2 ст. 112, п. «б» ч. 2 ст. 115, п. «б» ч. 2 ст. 116, п. «з» ч. 2 ст. 117, ч. 2 ст. 119, ч. 4 ст. 150, ч. 2 ст. 214, п. «б» ч. 2 ст. 244 УК РФ – мотивы идеологической и политической ненависти или вражды как противоречащие ч. 1, 2, 3 ст. 13 Конституции Российской Федерации;

– исключить из п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ и следующих норм экстремистской направленности: п. «л» ч. 2 ст. 105, п. «е» ч. 2 ст. 111, п. «е» ч. 2 ст. 112, п. «б» ч. 2 ст. 115, п. «б» ч. 2 ст. 116, п. «з» ч. 2 ст. 117, ч. 2 ст. 119, ч. 4 ст. 150, ч. 2 ст. 214, п. «б» ч. 2 ст. 244 УК РФ – мотив ненависти или вражды в отношении представителей какой-либо социальной группы в силу его неопределенности;

– внести изменения в ч. 1 ст. 280 УК РФ, представив ее в следующей редакции:

«Статья 280. Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности

Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности, содержащие в себе воззвание к совершению насильственных действий по мотивам идеологической, расовой, национальной, религиозной ненависти или иным социально-демографическим или биологическим признакам, а равно направленные против основ конституционного строя и целостности Российской Федерации».

В данном случае наказуем именно умысел, так как признак насилия (а вернее призыв к действиям подобного рода) здесь формально отсутствует, что создает угрозу правам и свободам гражданина, гарантированным Конституцией Российской Федерации.

Упоминание в данной норме идеологической ненависти, а равно вражды по социально-демографическим или биологическим признакам, с одной стороны, не обладает конкретностью ввиду отсутствия четких признаков этих явлений, а с другой – позволяет государству шире использовать аппарат принуждения;

– исключить из ст. 282 УК РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства» указание на признак пола жертвы, изложив диспозицию ч. 1 в следующей редакции:

«Статья 282. Возбуждение ненависти или вражды, а равно унижение человеческого достоинства

1. Действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, совершенные публично или с использованием средств массовой информации...»;

– переформулировать названия: ст. 205.2 дать название «Публичный призыв к осуществлению

террористической деятельности или публичное оправдание терроризма», ст. 280 – «Публичный призыв к осуществлению экстремистской деятельности», ст. 354 – «Публичный призыв к развязыванию агрессивной войны»;

– четко определить круг деяний, относимых к преступлениям экстремистской направленности, изложив приложение 2 к ст. 282.1 УК РФ в следующей редакции:

«Под преступлениями экстремистской направленности понимаются уголовно наказуемые деяния, совершенные по мотивам расовой, национальной или религиозной ненависти либо вражды, предусмотренные п. «л» ч. 2 ст. 105, п. «е» ч. 2 ст. 111, п. «е» ч. 2 ст. 112, п. «б» ч. 2 ст. 115, п. «б» ч. 2 ст. 116, п. «з» ч. 2 ст. 117, ч. 2 ст. 119, ч. 4 ст. 150, п. «б» ч. 1 ст. 213, ч. 2 ст. 214, п. «б» ч. 2 ст. 244, а равно ст. 136, 280, 282, 282.1, 282.2, 357 настоящего Кодекса».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Долгова А.И. Экстремизм и терроризм, террористические и иные экстремистские преступления: понятие, анализ, динамика // Экстремизм и другие криминальные явления. М., 2008. С. 28.

² См.: Особенная часть Уголовного кодекса Российской Федерации: комментарий, судебная практика, статистика / Под ред. В.М. Лебедева; отв. ред. А.В. Галахов. М., 2009. С. 834.

³ Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1984. С. 478.

⁴ Кабанов П.А. Политическая ненависть или вражда как мотив преступления // Российская юстиция. 2008. № 3. С. 44.

⁵ Минюшев Ф.И. Социальная антропология. М., 2004. С. 227.

⁶ Кузнецова Н.Ф. Наука российского уголовного права и законотворчество (историко-сравнительный очерк) // Ученые-юристы МГУ о современном праве. М., 2005. С. 273.

⁷ Ожегов С.И. Словарь русского языка. С. 654.

⁸ Там же. С. 127.

⁹ Побегайло Э.Ф. Преступления против жизни и здоровья // Избр. тр. СПб., 2008. С. 659.

¹⁰ См.: Редькина Е.А. К вопросу об уголовно-правовом понятии «социальная группа» // Криминологический журнал БГУЭП. 2008. № 2. С. 38.

¹¹ Егорова Н. К вопросу о новых мотивах совершения преступлений // Уголовное право. 2008. № 1. С. 42.

¹² Никто не наказывается за один только умысел (лат.).

¹³ Цит. по: Российская криминологическая энциклопедия / Под общ. ред. А.И. Долговой. М., 2000. С. 623.

¹⁴ Иногамова-Хегай Л.В. Публичные призывы в системе Особенной части УК РФ // Системность в уголовном праве. М., 2007. С. 159.

¹⁵ См.: Кибальник А., Соломоненко И. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма // Законность. 2007. № 2. С. 15.

К вопросу о пределах криминализации отдельных общественно опасных посягательств на бюджетные правоотношения

Р.С. ЕФРЕМОВ – начальник финансово-экономического отдела ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук

В статье исследуются вопросы определения общественной опасности посягательств на бюджетные правоотношения, а также основания разграничения административного правонарушения и уголовно наказуемого деяния, связанных с нецелевым использованием бюджетных средств. Сформулированы выводы о целесообразности криминализации отдельных видов нецелевого использования бюджетных средств и необходимости осуществления межотраслевой дифференциации ответственности за соответствующие общественно опасные посягательства.

К л ю ч е в ы е с л о в а: общественная опасность; нецелевое расходование бюджетных средств; межотраслевая дифференциация ответственности; критерии разграничения административного проступка и преступления; правовая охрана бюджетной системы.

Необходимость теоретического осмысления оснований и пределов криминализации нецелевого использования бюджетных средств подтверждается крайне неоднозначными и противоречивыми оценками существующих уголовно-правовых норм, устанавливающих ответственность за рассматриваемые деяния (ст. 285.1 и ч. 2 ст. 176 УК РФ), со стороны криминалистов. В частности, в уголовно-правовой

литературе высказывается мнение о том, что отклоняющееся экономическое поведение, ответственность за которое предусмотрена ч. 2 ст. 176 УК РФ, должно получить не уголовно-правовую, а административно- и(или) гражданско-правовую оценку¹, то есть говорится о необходимости декриминализации нецелевого использования государственного целевого кредита. Некоторые ученые, напротив, считают установление уго-

ловной ответственности за использование государственного целевого кредита не по прямому назначению социально обусловленным².

Проблема криминализации общественно опасных деяний по праву считается в теории уголовного права одной из фундаментальных. Разрешению ее посвящено значительное количество работ. В них представлены различные мнения по поводу того, какие именно критерии должны быть положены в основу криминализации деяний³. При значительной разнице подходов авторы, как правило, единодушны в одном: для установления преступности деяния необходимо, чтобы оно было общественно опасным, достаточно распространенным, процессуально доказуемым, а противодействие ему иными правовыми средствами (например, гражданско-правовыми или административно-правовыми) являлось бы неэффективным.

Следует отметить, что все общественно опасные посягательства на бюджетные отношения содержат в себе перечисленные критерии (признаки). Так, предусмотренные ст. 285.1 и ч. 2 ст. 176 УК РФ деяния являются объективно общественно опасными, поскольку данные разновидности нецелевого использования бюджетных средств причиняют значительный вред важнейшим интересам личности, общества и государства. Вредоносность нецелевого использования бюджетных средств связана, прежде всего, с тем, что оно посягает на бюджетные отношения, которые выступают в качестве экономического выражения суверенитета государства, материальной основы осуществления публичных функций и полномочий Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований. Совершение рассматриваемых действий крайне негативно может отразиться на функционировании органов государственной власти и управления; состоянии защищенности от внутренних и внешних угроз; государственным и частным экономическом развитии; охране окружающей среды и т.д. (ст. 21 БК РФ). В этой связи большое значение имеет обеспечение целевого использования ассигнований, выделяемых из бюджетов различных уровней.

К сожалению, далеко не всегда соответствующими должностными лицами выполняется указанное требование бюджетного законодательства. Так, за 2001–2008 гг. установлены факты нецелевого использования бюджетных средств в размере 26 447,6 млн руб., а объем нецелевого использования бюджетных средств, выявленный Федеральной службой финансово-бюджетного надзора, только за четыре года (с 2005 по 2008 гг.) составил 13 321,5 млн руб. Данные суммы сопоставимы с бюджетом Вологодской области на 2008 г.⁴ Более того, результаты контрольно-ревизионной деятельности Счетной палаты Российской Федерации и Росфиннадзора свидетельствуют о том, что практически нет такого проверяемого объекта, где бы ни фиксировалось нецелевое использование бюджетных

средств в той или иной форме⁵. В современной юридической литературе открыто признается, что масштабное нецелевое использование бюджетных средств является реальной угрозой для национальной безопасности России⁶.

Выступающая в качестве основного критерия разграничения преступления и административного правонарушения общественная опасность деяния определяется обстоятельствами содеянного, например способом совершения преступления, размером вреда или тяжестью наступивших последствий, ролью подсудимого при совершении преступления в соучастии⁷. Применительно к рассматриваемым составам обязательным дифференциальным признаком административно и уголовно наказуемого нецелевого расходования бюджетных средств (ч. 1 ст. 285.1 УК РФ) является совершение этого деяния в крупном размере (свыше 1 млн 500 тыс. руб.). Для привлечения лица к уголовной ответственности за использование не по прямому назначению государственного целевого кредита (ч. 2 ст. 176 УК РФ) необходимо причинение крупного ущерба (свыше 250 тыс. руб.) гражданам, организациям либо государству. В противном случае, то есть при отсутствии указанных криминообразующих признаков, степень общественной опасности нецелевого использования бюджетных средств, по мнению законодателя, не столь высока, чтобы задействовать уголовно-правовые санкции, а следовательно, содеянное влечет бюджетно-правовую (ст. 289 БК РФ) и административно-правовую ответственность (ст. 15.14 КоАП РФ). Юридический анализ перечисленных норм УК РФ и КоАП РФ позволяет сделать вывод о том, что категория «крупный ущерб (размер)» использована законодателем в качестве единственного разграничительного признака сходных составов административного правонарушения и уголовно наказуемого деяния.

Следующим обязательным критерием криминализации деяния является достаточная степень его распространенности, так как «уголовное право регулирует форму реакции общества и государства на такие общественно опасные поступки индивидов, которые... представляют собой проявления некоторых общих тенденций и закономерностей»⁸. С другой стороны, криминализуемое деяние не должно быть излишне распространенным, поскольку «любая попытка криминализировать слишком распространенные формы поведения была бы... дисфункциональной, так как результат вышел бы за пределы практических возможностей уголовной юстиции, и тем самым была бы возведена в норму безнужность деяний, объявленных преступными»⁹. Количество уголовных дел, возбуждаемых по фактам нецелевого расходования бюджетных средств, является крайне незначительным, а число лиц, привлеченных к ответственности за совершение преступлений подобного рода, близко к нулю¹⁰. Можно констатировать, что

статистика правоохранительных органов не отражает действительного масштаба указанного явления, то есть приведенные статистические данные о преступлениях, предусмотренных ст. 285.1 и ч. 2 ст. 176 УК РФ, свидетельствуют вовсе не о незначительной степени фактической распространенности уголовно наказуемого нецелевого использования бюджетных средств, а скорее, о высоком уровне латентности этих преступлений¹¹. Таким образом, нецелевое использование бюджетных средств является достаточно распространенным деянием, для того чтобы быть достойным уголовно-правового внимания, но вместе с тем не настолько обыденным и массовым, чтобы считать это деяние нормальной практикой, не требующей уголовно-правового реагирования.

Еще одним неперенным условием криминализации деяния выступает объективная невозможность эффективного противодействия ему правовыми мерами, более мягкими по сравнению с уголовно-правовыми. Это связано с тем, что уголовная ответственность является самым строгим видом юридической ответственности и весьма существенно ограничивает права и свободы лиц, к которым применяется, а также порождает иные отрицательные социальные последствия при реализации. Как справедливо отмечает В.Н. Кудрявцев, «уголовный закон поражает не только виновного, но и ни в чем не повинных членов его семьи, избавляет общество не только от правонарушителя, но и от участников общественного производства, разрывает у осужденного не только преступные, но и полезные, необходимые социальные связи»¹². В этой связи в теории уголовного права распространено мнение, что если существует возможность урегулировать сложившиеся в обществе противоречия, не прибегая к введению мер уголовной ответственности, то нужно постараться ограничиться использованием в этих целях норм других отраслей права. Иными словами, если эффективное противодействие общественно опасному деянию возможно административными, гражданско-правовыми, дисциплинарными и т.п. средствами, то его криминализация нецелесообразна.

Представляется, что данный критерий криминализации деяний полностью соблюден при установлении за нецелевое использование бюджетных средств уголовной ответственности, так как противодействие этому деянию исключительно бюджетно-правовыми и административными санкциями на практике доказало свою неэффективность. Ни бюджетное, ни административное законодательство не позволяют привлечь к ответственности индивидуальных предпринимателей и физических лиц, которые использовали предоставленные им бюджетные средства нецелевым образом. Что же касается должностных лиц, то, по признанию специалистов, система бюджетно-правовых и административных санкций за нецелевое использование

бюджетных средств, существовавшая до введения в УК РФ ст. 285.1, не только не оказывала на них необходимого превентивного воздействия, но скорее наоборот, формировала убежденность в безнаказанности и вседозволенности, что влекло за собой еще большее распространение названного негативного явления¹³. Не случайно многие криминалисты расценивали отсутствие в УК РФ нормы, предусматривающей ответственность за нецелевое использование бюджетных средств должностными лицами, как пробел в уголовном законе, требующий законодательного устранения¹⁴. Отрадно, что законодатель в этом случае воспринял эти научные рекомендации: Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ кодекс был дополнен ст. 285.1, которая установила уголовную ответственность должностных лиц за нецелевое расходование бюджетных средств.

Не последнюю роль в обеспечении неотвратимости уголовной ответственности за предусмотренное уголовным законом деяние играет его процессуальная доказуемость. В уголовно-правовой науке считается, что уголовный закон, устанавливающий ответственность за определенный вид деяний, может быть практически функционален и достаточно эффективен лишь в том случае, если все предусмотренные нормой признаки состава преступления нормально доказуемы¹⁵. Это означает, что необходимым критерием криминализации деяния является процессуальная осуществимость уголовного преследования. Представляется, что при формулировании уголовно-правовых норм об ответственности за нецелевое использование бюджетных средств указанное условие криминализации в целом соблюдено. По крайней мере доказывание преступлений, предусмотренных ст. 285.1 и ч. 2 ст. 176 УК РФ, не должно вызывать неразрешимых трудностей у правоохранительных органов, поскольку действующий Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации закрепляет необходимый набор следственных и судебных действий, с помощью которых осуществляется доказывание всех юридически значимых признаков составов этих преступлений.

Итак, нецелевое использование бюджетных средств обладает высокой степенью общественной опасности, свойственной только преступлениям, является достаточно распространенным и процессуально доказуемым деянием, противодействие которому исключительно бюджетно-правовыми и административно-правовыми средствами недостаточно эффективно. Все это позволяет признать криминализацию нецелевого использования бюджетных средств научно обоснованной и социально необходимой. Изучение оснований и пределов криминализации нецелевого использования бюджетных средств позволяет сделать ряд выводов.

Во-первых, предусмотренные ст. 285.1 и ч. 2 ст. 176 УК РФ виды нецелевого использования

бюджетных средств ставят под угрозу эффективное выполнение задач и функций государства и местного самоуправления, тем самым причиняя вред личным, общественным и государственным интересам, а значит, обладают высокой степенью общественной опасности, свойственной только преступлениям.

Во-вторых, статистика правоохранительных органов не отражает действительного масштаба распространения нецелевого использования бюджетных средств, которое характеризуется высоким уровнем латентности.

В-третьих, противодействие нецелевому использованию бюджетных средств исключительно бюджетно-правовыми и административными санкциями на практике доказало свою неэффективность, в связи с чем установление и применение уголовной ответственности за это деяние является оправданным и целесообразным.

В-четвертых, предусмотренные УК РФ нормы, устанавливающие ответственность за нецелевое использование бюджетных средств (ст. 285.1 и ч. 2 ст. 176), обладают немалым превентивным потенциалом, который, судя по данным уголовно-правовой статистики, используется далеко не в полном объеме. Для того чтобы максимально задействовать имеющиеся резервы, необходимо стремиться к неотвратимости наказания лиц, виновных в совершении указанных деяний.

Наконец, в-пятых, установление в ст. 285.1 и ч. 2 ст. 176 УК РФ ответственности за нецелевое использование бюджетных средств в целом соответствует научно обоснованным критериям криминализации деяний, а следовательно, является социально обусловленным и необходимым.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Лопашенко Н.А. Отклоняющееся экономическое поведение: пределы разумной криминализации // Соотношение преступлений и иных правонарушений: современные проблемы: Материалы IV международ. науч.-практ. конф., посвящ. 250-летию Моск. гос. ун-та им. М.В. Ломоносова и состоявшейся на юрид. фак. МГУ им. М.В. Ломоносова 27–28 мая 2004 г. М., 2005. С. 339.

² См., напр.: Балябин В.Н. Уголовная ответственность за незаконное получение кредита: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.

³ См., напр.: Антонов А.Д. Теоретические основы криминализации и декриминализации: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001; Дагель П.С. Условия установления уголовной наказуемости // Правоведение. 1975. № 4. С. 37.

⁴ См.: Доклад о результатах и основных направлениях деятельности Федеральной службы финансово-бюджетного надзора на 2008–2010 гг. <http://www.rosfinnadzor.ru/catalog.aspx?id=1025>

⁵ См.: Кушнарь А. Отмычки для бюджета // Финансовый контроль. 2000. № 5. С. 14–17.

⁶ См.: Карпов А.Г. Нецелевое расходование бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов: уголовно-правовой и криминологический анализ: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2007. С. 10–11; Попов С.В. Уголовная ответственность за нецелевое расходование бюджетных средств // Российский судья. 2006. № 11. С. 42.

⁷ См.: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11 июня 1999 г. № 40 «О практике назначения судами уголовного наказания» (утратило силу) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1999. № 8. С. 3.

⁸ Основания уголовно-правового запрета (криминализация и декриминализация). М., 1982. С. 218.

⁹ Там же. С. 218–219.

¹⁰ См.: Анисимов Ю.Л. Квалификация преступлений в сфере бюджетных отношений: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2002. С. 3.

¹¹ См.: Арутюнян К.С. Уголовно-правовые и криминологические аспекты борьбы с преступлениями, совершаемыми в сфере распределения и использования бюджетных средств: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 4; Демидов Ю.Н. Криминологическая ситуация в социально-бюджетной сфере // Уголовное право. 2000. № 4. С. 97.

¹² Основания уголовно-правового запрета (криминализация и декриминализация). С. 220.

¹³ См.: Офицерова А.В. Реформа российского уголовного законодательства: реалии и ожидаемые последствия (на примере статьи 285.1 УК РФ) // Преступность и уголовное законодательство: реалии, тенденции, взаимовлияние: Сб. науч. тр. / Под ред. д-ра юрид. наук, проф. Н.А. Лопашенко. Саратов, 2004. С. 273.

¹⁴ См., напр.: Гордейчик С. Уголовно-правовая борьба с нецелевым использованием бюджетных средств // Законность. 1998. № 3 С. 16; Демидов Ю.Н. Проблемы борьбы с преступностью в социально-бюджетной сфере. М., 2003. С. 337.

¹⁵ См.: Курляндский В.И. Уголовная политика, дифференциация и индивидуализация уголовной ответственности // Основные направления борьбы с преступностью. М., 1975. С. 82.

Несовершеннолетние как объект специальной переписи осужденных и лиц, содержащихся под стражей

В.И. СЕЛИВЕРСТОВ – начальник НИИ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации

Статья посвящена прошедшей в ноябре 2009 г. переписи осужденных и лиц, содержащихся под стражей. В работе проанализированы особенности ее проведения, в том числе в отношении несовершеннолетних осужденных. Автор дает общую характеристику переписи осужденных, обосновывает ее преимущества перед ранее проведенными переписями, указывает на формы реализации итоговых материалов. Делается вывод, что специальная перепись должна стать исходным материалом для дальнейшей реформы уголовно-исполнительной системы, определения стратегии и тактики борьбы с уголовной преступностью.

Ключевые слова: специальная перепись осужденных; несовершеннолетние осужденные; характеристика осужденных; реформирование УИС; борьба с преступностью.

В течение последних десяти лет уголовно-исполнительная система находится в постоянном развитии. В настоящее время наступил очередной этап реформирования уголовно-исполнительной политики и законодательства, пенитенциарной правоприменительной практики. Отрадно отметить, что политические установки о необходимости реформирования УИС прозвучали здесь, на Вологодской земле.

В решениях Президиума Государственного Совета Российской Федерации, прошедшем 11 февраля 2009 г. в г. Вологде, предусмотрена, во-первых, необходимость изменения уголовной, или, как ее называют, уголовно-судебной, политики государства. Это предполагается осуществить путем:

- декриминализации ряда преступлений небольшой и средней тяжести, не направленных против жизни и здоровья человека;
- изменения общих начал назначения наказания;
- снижения максимального срока наказания в виде лишения свободы по совокупности преступлений и совокупности приговоров;
- исключения меры наказания в виде лишения свободы за деяния небольшой и средней тяжести, не направленные против жизни и здоровья;
- снижения минимальных и максимальных пределов санкций Особенной части УК РФ;
- пересмотра квалифицирующих признаков преступлений Особенной части УК РФ;
- расширения оснований применения наказания в виде лишения свободы с отбыванием в колонии-поселении;

- дополнения оснований применения наказания в виде исправительных работ;
- введения новых видов наказаний, альтернативных лишению свободы;
- введения института административной преюдиции уголовной ответственности.

При этом предусматривается усиление административно-правового воздействия на лиц, совершающих общественно опасные деяния, а именно внесение изменений в административное законодательство Российской Федерации, в том числе:

- включение в Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации деяний, исключенных из УК РФ в связи с их декриминализацией;
- увеличение до 2 месяцев срока административного ареста за деликты, исключенные из УК РФ в связи с их декриминализацией;
- усиление ответственности за уклонение от отбывания административных наказаний.

Во-вторых, признано целесообразным изменение общих подходов к системе отбывания лишения свободы с переходом на содержание осужденных в тюрьмах и колониях-поселениях.

Для столь кардинальных реформ необходимы кадровые и материальные ресурсы, определенный период времени и, конечно же, достоверная, научно обоснованная информация о личности осужденных и процессах, происходящих в местах лишения свободы. Такую информацию могут дать лишь глубокие, проводимые на мониторинговой основе социологические исследования, к

числу которых следует отнести специальные переписи осужденных.

С 12 по 18 ноября 2009 г. в исправительных учреждениях и следственных изоляторах России прошла специальная перепись осужденных к лишению свободы и лиц, содержащихся под стражей. Это восьмая перепись в истории советской и российской пенитенциарных систем.

Первая специальная перепись была проведена в 1926 г. В известной мере она носила ограниченный характер, поскольку с ее помощью были получены данные об осужденных к лишению свободы, отбывающих наказание на территории РСФСР. Основное внимание уделялось социально-демографическим данным осужденных. Среди признаков уголовно-правовой характеристики выделялись только число судимостей, назначенный срок наказания, квалификация совершенного преступления. Данные, характеризующие осужденных во время отбывания наказания, не изучались.

В последующем, в 1970, 1975, 1979, 1989 гг., были проведены специальные переписи осужденных в исправительных учреждениях СССР, а в 1994 и 1999 гг. – в исправительных учреждениях Российской Федерации.

Нельзя сказать, что проведение специальных переписей является исключительно нашим национальным опытом: специальная перепись осужденных была проведена в 1991 г. в Великобритании (результаты были опубликованы в 1992 г.), проводились переписи и в США. Однако можно уверенно утверждать, что нашим российским достоянием является постоянство в использовании данного метода социологического исследования.

Каковы же научно-методические и организационные особенности прошедшей переписи, в том числе в отношении несовершеннолетних осужденных?

1. Сроки проведения специальной переписи. Предшествующая перепись проводилась десять лет назад и была завершена 19 ноября 1999 г. Десятилетний период проведения переписи являлся наиболее оптимальным, его придерживались при проведении переписей второй половины прошлого века. Проведение двух переписей по истечении пяти лет, а именно в 1975 и в 1994 гг., было вызвано, как отмечал основоположник данного метода изучения личности осужденных профессор А.С. Михлин, исключительными обстоятельствами¹. Перепись 1975 г. являлась контрольной переписью осужденных. После более чем 40-летнего перерыва (1926–1970 гг.) важно было еще раз проверить методику проведения переписи 1970 г. и достоверность ее результатов. О вспомогательном значении переписи 1975 г. свидетельствует тот факт, что результаты переписи, проведенной в 1979 г., давались в сопоставлении с переписью 1970 г.

Перепись, проведенная в 1994 г., также была контрольной, поскольку за истекший период времени прекратил существование СССР как

государство и возникла необходимость получения исходных данных, касающихся России.

В связи с изложенным можно сделать вывод, что проведение переписи 2009 г. по истечении десяти лет не является каким-либо отступлением от устоявшихся научно-методических основ использования данного социологического метода исследования личности осужденных. Вместе с тем отметим, что это не исключает проведения переписей в более короткие сроки, так как изменения в социально-экономических, политических процессах в России, совершенствование законодательства обуславливают более динамичные изменения в составе лиц, отбывающих наказания.

2. Объект специальной переписи. В 2009 г. объектом переписи стали лица, отбывающие лишение свободы, а также подозреваемые и обвиняемые, содержащиеся в следственных изоляторах и помещениях, функционирующих в режиме следственных изоляторов (далее – ПФРСИ). Переписные листы были заполнены на каждого десятого осужденного мужчину и на каждую вторую осужденную женщину, отбывающих наказание в виде лишения свободы. В то же время в качестве исключения в перепись попали каждый несовершеннолетний осужденный, каждый осужденный, отбывающий наказание в виде пожизненного лишения свободы, каждый, кому смертная казнь в порядке помилования заменена лишением свободы на определенный срок или пожизненным лишением свободы, а также каждый осужденный, отбывающий наказание в тюрьме. Перепись затронула подозреваемых и обвиняемых, содержащихся в следственных изоляторах и ПФРСИ, в следующих пропорциях: каждый десятый мужчина, каждая вторая женщина, все несовершеннолетние.

Как видно из изложенного, перечень лиц, подпадающих под перепись, определялся с учетом двух факторов. Первый фактор – достоверность результатов переписи: чем меньше число осужденных, подозреваемых или обвиняемых той или иной категории находится в местах лишения свободы, тем большая доля подлежит переписи. Второй фактор – экономический. В принципе наибольшую достоверность дало бы заполнение переписных листов на каждого осужденного, однако это существенно повышает финансовые затраты на проведение переписи.

В истории проведения переписей категории лиц, подпадающих под исследование, существенно различались. Во многом эти различия были обусловлены целями проведения переписи, введением новых видов наказаний и мер уголовно-правового характера, ведомственной принадлежностью пенитенциарной системы и т.д. В 1926 г. переписи подлежали только лица, отбывавшие лишение свободы. Аналогично перепись 1970 г., а также контрольная перепись 1975 г. охватывали осужденных, отбывавших наказание в виде лишения свободы. Переписные листы заполнялись на каждого четвертого осужденного.

Существенное расширение категорий лиц, подпадающих под специальную перепись, произошло в 1979 г. Переписные листы заполнялись не только на осужденных к лишению свободы, но и на условно осужденных к лишению свободы с обязательным привлечением к труду, условно освобожденных из мест лишения свободы с обязательным привлечением к труду и осужденных к исправительным работам.

Перепись 1989 г. была проведена в еще более широком объеме. Кроме категорий, включенных в перепись 1979 г., дополнительно были переписаны осужденные, находящиеся в воспитательно-трудовых профилакториях, осужденные к ссылке, лишению права занимать определенные должности и заниматься определенной деятельностью, осужденные условно (классическая форма условного осуждения), лица, которым была предоставлена отсрочка исполнения приговора, а также лица, направленные в лечебно-трудовые и лечебно-воспитательные профилактории для алкоголиков и наркоманов. Таким образом, перепись 1989 г. впервые была проведена в отношении лиц, которые не были осуждены за совершение уголовных преступлений (алкоголики и наркоманы).

Контрольная перепись 1994 г. касалась только осужденных к лишению свободы, что было обусловлено экономическими трудностями, которые испытывало наше государство.

Специальная перепись 1999 г. была седьмой в истории проведения переписей в местах лишения свободы: ей подлежали каждый десятый осужденный к лишению свободы, а также все осужденные к пожизненному лишению свободы и все лица, которым смертная казнь была заменена в порядке помилования лишением свободы пожизненно или на определенный срок. Впервые в истории проведения переписей переписные листы были заполнены на каждого десятого подозреваемого, обвиняемого и осужденного, в отношении которых приговор не вступил в законную силу и которые содержались в следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы. Как мы видим, перепись 1999 г. не отличалась широтой охвата лиц, осужденных к отбыванию уголовных наказаний, что также объясняется недостатком материальных ресурсов для проведения столь масштабного социологического исследования. Проведение переписи стало возможным в результате участия в финансировании данного мероприятия российского отделения Фонда Форда.

Следует отметить, что во всех проведенных переписях важное место занимала характеристика несовершеннолетних осужденных, а в последних двух переписях – несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых в совершении преступления. Однако только в прошедшей переписи 2009 г. переписные листы были заполнены на каждого несовершеннолетнего, отбывающего наказание или содержащегося в СИЗО или ПФРСИ.

3. Источники специальной переписи. Особенностью специальных переписей как социологического метода исследования личности осужденного является то, что первичная информация, как правило, берется из документальных источников. Не является исключением и перепись 2009 г. Например, в переписном листе осужденного, отбывающего лишение свободы, содержится 82 вопроса, но только три из них разрешено заполнить со слов осужденного. Переписной лист лица, содержащегося в следственном изоляторе и ПФРСИ, имеет 36 вопросов, и все они заполняются специально подготовленными сотрудниками на основании личного дела и иных документальных источников. Такой метод позволяет повысить достоверность результатов исследования, избежать субъективных оценок, вызванных эмоциональным состоянием лица, например, при опросах или анкетировании.

Аналогично по материалам личных дел и другим документальным источникам заполнялись переписные листы в ранее проведенных специальных переписях. В тех случаях, когда по документальным источникам достоверную информацию получить было невозможно, допускалось заполнение переписного листа со слов осужденного. Так, при приведении специальной переписи осужденных 1979 г. им задавался вопрос, желают ли они остаться на стройке (предприятии) после окончания срока обязательного привлечения к труду.

4. Содержание специальной переписи. Во всех специальных переписях основной задачей было получить исчерпывающую и достоверную характеристику личности осужденных. Она включала в себя:

- социально-демографические данные (пол, возраст, гражданство, образование, род занятий, семейное положение, состояние здоровья и т.д.);

- уголовно-правовые и криминологические данные (судимость, вид и размер наказания, общественная опасность и характер совершенного преступления, отбытый срок, основания освобождения от наказания, совершение преступления в соучастии и т.д.);

- уголовно-исполнительные данные (характеристика осужденного, количество взысканий и поощрений, обеспеченность работой, материально-бытовые условия отбывания наказания, получение посылок и передач, предоставление свиданий и т.д.).

Перепись 2009 г. также предполагает получение исчерпывающей характеристики лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы, в том числе и несовершеннолетних осужденных. Кроме указанных выше данных будут получены сведения о наличии у осужденных социально значимых заболеваний (туберкулез, ВИЧ, гепатит), психических расстройств, наркозависимости и т.д. В условиях рыночной экономики чрезвычайно важно получить сведения о занятости осужденных трудом и влиянии данного показателя на поведение в местах лишения свободы.

Весьма интересной будет характеристика социально полезных связей осужденных, а имен-

но информация о наличии семьи, свиданиях с близкими родственниками, получении посылок и передач, пользовании правом на телефонные переговоры, выездах осужденных за пределы исправительных учреждений. Для более глубокого изучения социально полезных связей несовершеннолетних осужденных в переписном листе предусмотрены вопросы об условиях воспитания несовершеннолетнего до совершения им преступления, например: воспитывался в полной или неполной семье, в приемной семье, в детском доме и т.д.

Несомненный интерес представляют данные о поведении несовершеннолетних осужденных в воспитательных колониях, в том числе на льготных условиях отбывания наказания

Перепись 2009 г. позволит получить данные об обращении осужденных за предоставлением психологической и социальной помощи, а также результативности ее предоставления. Это поможет обосновать необходимость законодательного закрепления (или отказа от такого закрепления) социальной и психологической помощи в качестве основных средств исправления осужденных.

По заполнении переписных листов на подозреваемых и обвиняемых в совершении преступления будет получена дополнительная информация о материально-бытовых условиях содержания под стражей, состоянии здоровья арестованных, их семейном положении и т.д. Несомненный интерес будут представлять сведения о времени нахождения подозреваемых и обвиняемых под стражей, интенсивности проведения с ними следственных действий. Такой анализ будет актуальным в свете решения вопроса о сокращении сроков содержания под стражей.

5. Формы реализации материалов специальной переписи. Анализ материалов специальной переписи 2009 г. целесообразно проводить, используя дифференцированный подход, в основу которого можно положить следующие показатели:

- гендерные различия (мужчины и женщины);
- возраст (несовершеннолетние и взрослые);
- категории преступлений (небольшой тяжести, средней тяжести, тяжкие, особо тяжкие);
- вид преступлений (против личности, против собственности, против общественной безопасности);
- вид наказания (пожизненное лишение свободы и лишение свободы на определенный срок);
- вид исправительного учреждения, в котором осужденные отбывают наказание (тюрьма, исправительная колония, воспитательная колония и т.д.).

Тогда реализация материалов специальной переписи осужденных и лиц, содержащихся под стражей, проведенной в ноябре 2009 г., может быть представлена в следующих основных формах:

1. Проведение международной научно-практической конференции (ноябрь–декабрь 2010 г.) с последующим изданием материалов конференции.

2. Размещение общих результатов переписи на интернет-сайте НИИ ФСИН России.

3. Использование результатов переписи в диссертационных исследованиях, научных изданиях, при подготовке предложений по изменению уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, в ходе проведения реформы уголовно-исполнительной системы.

4. Включение обобщенных результатов переписи в учебные пособия и учебно-методические материалы образовательных учреждений ФСИН России по учебным дисциплинам «Уголовно-исполнительное право», «Криминология», «Управление учреждениями и органами, исполняющими наказания», «Пенитенциарная психология», «Пенитенциарная педагогика» и др.

5. Опубликование результатов переписи в ряде научно-аналитических изданий, одно из которых будет посвящено характеристике несовершеннолетних осужденных и несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых, содержащихся под стражей.

Конечно, результаты специальной переписи осужденных весьма значимы для развития пенитенциарной и криминологической науки. Поэтому предполагается в конце 2010 г. провести международную научно-практическую конференцию, где будут обсуждены итоги специальной переписи.

Однако развитие науки не самоцель, оно оправданно лишь тогда, когда дает научно обоснованные рекомендации по реформе УИС, совершенствованию нормативного регулирования и практики исполнения наказаний. Поэтому результаты переписи 2009 г. в числе других факторов позволят аргументировать целесообразность либо, наоборот, нецелесообразность тех или иных предложений в сфере уголовно-исполнительной политики, уголовного-исполнительного законодательства и практики его применения.

Результаты переписи будут полезны при поиске новых исправительных технологий в работе с осужденными, в том числе и несовершеннолетними, становлении прозрачной и эффективной системы «социальных лифтов», направленной на стимулирование позитивного поведения осужденных, дифференциации (сепарации) различных категорий осужденных и лиц, содержащихся под стражей.

Общие итоги специальной переписи на федеральном уровне будут подведены в марте 2010 г., более углубленные аналитические материалы подготовлены к сентябрю 2010 г. Однако это не исключает регионального анализа результатов переписи на уровне субъектов Российской Федерации, для чего НИИиПТ ФСИН России разработана специальная компьютерная программа.

Многое было сделано для того, чтобы специальная перепись 2009 г. стала исходным мате-

риалом для дальнейшей реформы уголовно-исполнительной системы, определения стратегии и тактики борьбы с уголовной преступностью. Однако еще многое предстоит сделать. Приглашаем к сотрудничеству научных сотрудников, практиков, международные и национальные организации.

■ ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Михлин А.С. Переписи осужденных как один из видов социологического исследования // Характеристика подозреваемых и обвиняемых, содержащихся в следственных изоляторах: По материалам специальной переписи 1999 года: В 2 т. / Зубков А.И., Михлин А.С., Побразаева Е.В. и др.; под ред. А.С. Михлина. М., 2000. Т. 1. С. 9, 15.

О социально-правовых особенностях личности осужденных в процессе подготовки их к освобождению

А.М. ПОТАПОВ – заместитель начальника кафедры уголовно-исполнительного права ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук

Данная статья подготовлена по материалам выборочного исследования осужденных, которым до конца срока отбывания наказания осталось менее шести месяцев. Материалы публикации содержат описание социально-демографических, уголовно-правовых и уголовно-исполнительных характеристик личности осужденных в процессе подготовки их к освобождению. На основе проведенного исследования сформулированы предложения по учету социально-правовых особенностей личности осужденных в работе персонала исправительных учреждений.

К л ю ч е в ы е с л о в а : подготовка к освобождению; возраст осужденных; социально полезные связи; труд осужденных; образование осужденных; рецидив преступлений; средства исправления; социальная адаптация.

Современные условия выдвигают новые задачи в области организации подготовки осужденных к освобождению, которая позволяла бы с достаточной эффективностью обеспечить процесс социальной адаптации, преемственность воспитательного воздействия, осуществление контроля за данной категорией граждан. Это подтверждают материалы выборочного исследования, проведенного в исправительных учреждениях Вологодской, Липецкой, Рязанской, Самарской областей, где было проанкетировано 510 осужденных, которым до конца срока отбывания наказания осталось менее 6 месяцев. В ходе исследования обращалось внимание на особенности личности освобождаемых и их влияние на эффективность подготовки к освобождению.

Одним из главных показателей, имеющих значение для характеристики освобождаемых, является возраст. Он определяет поведение человека, его интересы, потребности, жизненные планы, состояние здоровья, возможности создания семьи, получения специальности, образования¹. Нами установлено, что наибольший удельный вес составляют группы осужденных в возрасте от 19 до 30 лет (51,8%) и от 30 до 40 лет (26,5%). Это наиболее криминогенный возраст. Лица более старшего возраста совершают преступления реже (21,7%). Как показало исследование, возраст влияет на планы освобождае-

мого в отношении трудоустройства. Например, среди молодежи значительная часть освобожденных смутно представляет, где они будут работать после освобождения (32,4%).

Среди демографических характеристик личности осужденных, которые должны учитываться при подготовке к освобождению, важное место занимает их семейное положение. Так, именно семья играет существенную роль в адаптации осужденного после выхода его на свободу. Также не следует забывать, что семья является одним из существенных антикриминогенных факторов. Исследование показало, что к моменту осуждения 56,1% лиц состояли в браке, а в период отбывания наказания у 17,4% из них брак распался. Таким образом, к моменту освобождения можно считать состоящими в браке примерно 38,7% осужденных. Необходимо учитывать и тот факт, что у 8,3% осужденных вообще отсутствуют какие-либо родственные связи, что, на наш взгляд, будет создавать существенные трудности для них на свободе.

При подготовке осужденных к освобождению необходимо учитывать уровень их образования. Не вызывает сомнения тот факт, что повышение уровня образования благоприятно сказывается на отношении человека к труду, повышении его творческой активности, возможности реализовать себя в обществе. Исходя из материалов исследования можно сделать вывод, что

удельный вес лиц со средним и средним специальным образованием составляет 77% (41,2% и 36,8% соответственно), что примерно в два раза больше удельной доли лиц с неоконченным средним образованием (22,04%), и это является положительным фактом. Однако наличие достаточно большого количества лиц с неоконченным средним образованием вызывает определенную тревогу, так как они не стремятся получить образование как в исправительном учреждении, так и после освобождения из него (9,97%). Лишь 12,07% осужденных указали на необходимость продолжения образования, начатого в исправительном учреждении; 39,8% респондентов высказали желание получить дополнительное образование после освобождения, что является положительной тенденцией. Установлено, что чем выше уровень образования осужденных, тем меньше вероятность их противоправного поведения после выхода на свободу. Удельный вес осужденных с высшим образованием составляет 6,29%, что подтверждает вышеприведенное высказывание. Поэтому необходимо использовать новые возможности для повышения уровня образования осужденных, что в последнее время и делается в некоторых субъектах Российской Федерации (например, дистанционное обучение и др.).

Серьезное влияние на личность человека оказывает его трудовая деятельность. Труд в жизни человека выступает не только как средство удовлетворения материальных и духовных потребностей, но и как важнейший общественный фактор всестороннего развития личности. Именно труд позволяет развить социально полезные навыки, соотносить свои интересы с интересами общества, что выступает необходимым условием для нормальной жизнедеятельности осужденного на свободе. В процессе обработки материалов были получены следующие данные: 75,2% осужденных были трудоустроены до осуждения, соответственно 24,8% не работали, из них 11,2% не работали в связи с отсутствием такого желания, или предложенная работа их не устраивала; 13,6% не работали по состоянию здоровья, возраста, при этом не выразили желание работать в самом исправительном учреждении 6,7% осужденных; 20,9% работают по своей предыдущей специальности; 49,3% трудоустроены по специальности, полученной в исправительном учреждении; 23,1% трудоустроились бы, если бы им предоставили такую возможность. Указанные показатели нельзя признать положительными, так как около 30% осужденных по тем или иным причинам не заняты трудом в исправительном учреждении; 26,7% сказали, что после освобождения будут работать, если предложенная работа будет их устраивать; 5,4% отметили, что не будут трудоустроиваться на свободе. С точки зрения рецидива последняя группа представляет наибольшую опасность. При подготовке лиц данной группы к освобождению следует обратить на них особое внимание.

Немаловажное значение при подготовке осужденных к освобождению имеет информация о количестве денежных средств, находящихся на их лицевых счетах. На наш взгляд, этот показатель отражает определенный «запас прочности», так как данные средства будут материальной поддержкой до момента трудоустройства осужденного на свободе, в особенности это касается лиц, не имеющих родственников, способных поддержать его в первое время.

Анализ полученных нами данных показал, что в среднем каждый освобождаемый имеет на лицевом счете от 150 до 200 руб. Это усредненный показатель, так как у 39,6% освобождаемых на лицевом счете денег нет; у 46,9% на лицевом счете находится до 500 руб.; у 6,56% – от 500 до 1000 руб., у 6,82% осужденных – свыше 1 тыс. руб. Таким образом, менее 7% освобождаемых имеют сумму свыше 1 тыс. руб., которую можно считать достаточной для того, чтобы прожить 2–3 недели после освобождения. Лица, не имеющие денег при освобождении или имеющие небольшую сумму, получают материальную помощь, но она невелика и, естественно, не меняет положения. Приведенные данные говорят о необходимости решения вопросов, касающихся заработка осужденных, особенно в последние 6 месяцев перед освобождением, так как заработок в размере до 100 руб. имеют 19,6% осужденных, от 100 до 200 руб. – 30,4%, от 200 до 300 руб. – 8,13%, от 300 до 500 руб. – 7,35%. Это важно сделать в отношении лиц, не имеющих семьи, способной оказать материальную поддержку.

Что касается жилищного устройства, то в ходе анкетного опроса осужденных, которые подлежали освобождению в ближайшие 6 месяцев, установлено, что 68,2% из них не ожидают возникновения проблем с жильем, 27,03% предполагают, что у них, возможно, возникнут проблемы с проживанием, но они смогут решить их самостоятельно, 4,72% указали, что у них нет жилья. Поэтому, хотя лиц, нуждающихся в жилищном устройстве, не так много, эту работу не следует упускать из поля зрения.

Таким образом, рассмотрев основные показатели, которые необходимо учитывать при подготовке осужденных к освобождению, стоит отметить, что, безусловно, каждый из них играет существенную роль в этом процессе, но только их комплексный анализ позволит подойти к подготовке осужденных к освобождению из исправительных учреждений на уровне, отвечающем уголовно-исполнительному законодательству и международным стандартам.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Михлин А.С., Гуськов В.И. Подготовка к освобождению лишенных свободы и закрепление результатов их исправления. М., 1972. С. 14; Детков М.Г. Подготовка осужденных к освобождению из исправительно-трудовых учреждений. Рязань, 1984. С. 6.

Судимость при осуждении условно с дополнительным наказанием

А.В. ЗВОНОВ – преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права Владимирского юридического института ФСИН России

В статье рассматриваются проблемы реализации института судимости при условном осуждении, анализируются научные подходы к указанному комплексному институту уголовного и уголовно-исполнительного права. Автор исследует вопросы влияния судимости на применение дополнительных видов уголовных наказаний, формулирует предложения по совершенствованию правоприменительной практики и законодательства в данной сфере.

Ключевые слова: судимость; условное осуждение; дополнительные наказания; исполнение наказания; контроль за осужденным.

Еще в советском законодательстве отмечалось, что лица, осуждавшиеся условно, признаются несудимыми, если в течение испытательного срока они не совершат нового преступления. В действующем УК РФ указано, что судимость в отношении лиц, условно осужденных, погашается по истечении испытательного срока. Каких-либо других разъяснений по поводу погашения судимости при условном осуждении в уголовном законодательстве не содержится.

Истечение испытательного срока влечет автоматическое погашение судимости для условно осужденного. Это и является моментом окончания уголовной ответственности при рассматриваемой мере уголовно-правового характера, однако при наличии дополнительного наказания к условному осуждению у сотрудников уголовно-исполнительных инспекций, суда и иных органов возникают вопросы относительно погашения судимости, а следовательно, и истечения срока уголовной ответственности.

При условном осуждении могут быть назначены дополнительные виды наказаний, исполняемые реально, при этом условное осуждение считается основным видом наказания¹. В качестве дополнительных наказаний законодательство предусматривает штраф, исполняемый Федеральной службой судебных приставов, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград.

В судебной практике наиболее распространенным видом наказания, применяемым дополнительно к условному осуждению, является лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. По сведениям, предоставленным ОРУИИ УФСИН России по Ивановской области за 2008 г., 2,62% осужденных к условной мере наказания имели дополнительное наказание. С 2006 г. наблюдается рост количества случаев назначения в качестве дополнительного наказания лишения права занимать определенные должности и заниматься определенной деятельностью (2006 г.

– 2975 лиц, 2007 г. – 3381, 2008 г. – 5074). Одновременно увеличилось показатели применения штрафа в качестве дополнительного вида наказания: в 2008 г. – в отношении 7,9 тыс., в 2007 г. – в отношении 4,2 тыс. осужденных².

Моментом погашения судимости при осуждении к более мягкому виду наказания, чем лишение свободы, в том числе и к дополнительным видам наказаний, является истечение одного года после отбытия или исполнения наказания.

С учетом положений п. «а» и «б» ч. 3 ст. 86 УК РФ назначение условного осуждения с наложением дополнительного наказания образует правовую коллизию по вопросу снятия судимости. Разные пункты рассматриваемой статьи предписывают различные сроки снятия судимости.

Следует отметить, что в законе не установлено главенство рассматриваемых норм, регламентирующих условное осуждение и дополнительные виды наказаний, в силу чего при практическом применении рассматриваемых положений возникают противоречия и неясности, связанные с окончанием срока наказания, списанием личного дела в архив, снятием судимости с лица и, как следствие, окончанием уголовной ответственности условно осужденных.

Как уже отмечалось ранее, действующее законодательство до настоящего времени не дает ответов на поставленные вопросы. Мы предлагаем рассмотреть возможные варианты преодоления сложившейся ситуации.

Во-первых, по мнению А.Б. Елизарова и А.В. Князева, приоритет следует отдавать условному осуждению (по сравнению с дополнительным наказанием)³. Подобное решение является наиболее простым с точки зрения практической реализации наказания. По истечении испытательного срока будет прекращено течение дополнительного назначенного наказания с автоматическим погашением судимости за совершенное преступление.

Данное решение не лишено недостатков. Так, например, неисполнение дополнительного наказания не повлечет для осужденного никаких последствий при истечении испытательного срока. В таких обстоятельствах потребуется со-

вместить ныне самостоятельно исполняющиеся меру уголовно-правового характера и наказание при условии, что приоритет останется за условным осуждением по отношению к дополнительному к нему наказанию в соответствии с ранее указанным Постановлением Пленума Верховного Суда от 11.01.2007 г. № 2.

Кроме того, такой вывод поставит под сомнение уместность существования наказания как самостоятельной меры государственного принуждения, поскольку соответствующие правоограничения могут быть успешно реализованы в рамках условного осуждения путем возложения судом обязанности не заниматься какой-либо деятельностью или не занимать какую-либо должность. Например, наиболее часто встречающимся запретом при дополнительном наказании является лишение права управления транспортным средством, что без затруднений может быть реализовано через аналогичное предъявление требований к условно осужденному по решению суда. Роль реального наказания при данных обстоятельствах по своему значению будет сведена к обязанности, устанавливаемой судом при вынесении приговора.

Вторым путем решения рассматриваемой проблемы может стать приоритет реального исполнения дополнительного наказания перед мерой уголовно-правового характера.

Истечение срока при условном осуждении повлечет окончание всех правоограничений, установленных по приговору суда, осужденный не должен будет исполнять возложенные судом обязанности и другие требования, предъявляемые к условно осужденным, однако погашение судимости при превышении срока дополнительного наказания над испытательным сроком будет производиться по правилам п. «б» ч. 3 ст. 86 УК РФ.

Следует отметить, что именно в этом направлении в настоящее время развивается судебная практика.

Каждый из предложенных вариантов влечет неизбежное внесение изменений и дополнений в действующее законодательство, однако можно назвать и дополнительные пути решения поставленного вопроса. Таковым, например, можно считать запрет назначения дополнительных наказаний при условном осуждении. Тем не менее, на наш взгляд, такая мера неприемлема, поскольку в данном случае значительно сузятся полномочия и возможности суда по индивидуализации и дифференциации наказания, что неизбежно приведет к нарушению принципа справедливости.

Следующим возможным вариантом решения вопроса является исполнение дополнительного наказания после отбытия условного осуждения по основному наказанию аналогично практике при реальном лишении свободы. Снятие судимости при этих обстоятельствах следовало бы осуществлять по правилам, изложенным в ч. 4 ст. 86 УК РФ, добавив условное осуждение к досрочному освобождению от отбывания наказания и замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания. Судимость снималась бы

при истечении испытательного срока условного осуждения, срока дополнительного наказания⁴ и одного года по правилам п. «б» рассматриваемой статьи. Этот подход поставит под сомнение саму сущность условного исполнения основного наказания, назначенного по приговору суда, что недопустимо, а также вызовет необходимость продления контроля за осужденным⁵.

Еще один вероятный способ разрешения рассматриваемой коллизии права – распространение условности и на дополнительное наказание. Но при таком решении осужденный будет иметь возможность далее продолжать заниматься той же деятельностью или занимать подобную должность во время отбывания условного осуждения, а следовательно, значение дополнительного наказания при его условности будет сведено к нулю. К тому же ни штраф, ни лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, ни лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград в соответствии с ч. 1 ст. 73 УК РФ не входят в перечень наказаний, при назначении которых суд может постановить считать их условными. Мы согласны в данном случае с законодателем и полагаем, что столь мягким наказаниям не требуется условность при исполнении.

По нашему мнению, наиболее подходящим является первый вариант – приоритет условного осуждения. При этом не будет допущено нарушений прав осужденных, лишение свободы условно будет исполнено как основное наказание. Однако мы считаем необходимым поставить порядок отбывания условного осуждения в зависимость от дополнительного наказания и приравнять неисполнение либо нарушение условий отбывания дополнительного наказания к нарушению или неисполнению возложенной судом обязанности. Такое решение позволит не только преодолеть рассматриваемые трудности, но и более дифференцированно исполнять условное осуждение в совокупности с дополнительным наказанием. Осужденному уже дан шанс исправиться без изоляции от общества, и он обязан оправдать оказанное доверие всеми имеющимися законными способами и возможностями, в том числе и своими действиями по надлежащему исполнению иного назначенного наказания.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда от 11.01.2007 г. № 2 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2007. № 4.

² См.: Обзор деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2008 г. www.cdep.ru

³ См.: Елизаров А.Б., Князев А.В. Проблемные вопросы исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера, не связанных с изоляцией от общества, в свете действующего законодательства Российской Федерации // Актуальные проблемы уголовно-исполнительного права и исполнения наказаний: Материалы междунар. науч.-практ. конф. Рязань, 2008. С. 65–66.

⁴ Среди рассмотренных нами дел средняя продолжительность срока дополнительного наказания составила 2 года 2 месяца.

⁵ Мы согласны с точкой зрения И.Н. Алексеева и С.А. Пичугина о необходимости ограничения испытательного срока

тремя годами (см.: Пичугин С.А. Рецидив преступлений среди условно осужденных: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 147; Алексеев И.Н. Условное осуждение в уголовном праве. Ростов н/Д, 2007. С. 247).

Современное правовое регулирование задач и функций УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ИНСПЕКЦИЙ

Ю.В. ЛЕЛИКОВА – аспирант кафедры уголовного права и криминологии Нижегородской правовой академии

В статье на основе анализа развития уголовно-исполнительного законодательства рассматриваются задачи и функции уголовно-исполнительных инспекций. Автор обосновывает необходимость принятия закона «Об учреждениях и органах, исполняющих наказания, не связанные с лишением свободы», а также внесения изменений и дополнений в ведомственные нормативные документы, регулирующие деятельность уголовно-исполнительных инспекций.

Ключевые слова: задачи уголовно-исполнительных инспекций; функции уголовно-исполнительных инспекций; наказания без изоляции от общества; условно осужденные.

Как известно, уголовно-исполнительные инспекции – учреждения, исполняющие в соответствии с уголовно-исполнительным законодательством уголовные наказания в отношении лиц, осужденных без изоляции от общества¹.

Современная уголовная политика России направлена на усиление противодействия тяжким и особо тяжким преступлениям при одновременном смягчении уголовной ответственности за преступления небольшой и средней тяжести. Проявляется это в увеличении видов наказаний, не связанных с изоляцией от общества, расширении круга оснований их применения и регламентации их исполнения², что обуславливает значимость УИИ.

Сказанное актуализирует необходимость исследования вопросов правового регулирования задач и функций УИИ, поскольку, на наш взгляд, именно от эффективности права, подлежащего применению в сфере деятельности УИИ, зависит достижение целей современной уголовно-правовой политики, в том числе политики государства в области исполнения уголовных наказаний. В связи с тем что исполнение уголовных наказаний представляет собой одну из наиболее жестких форм государственного принуждения, эта проблема стоит особенно остро.

Основными задачами УИИ являются:

а) исполнение наказаний в виде обязательных работ, лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью и исправительных работ;

б) контроль за поведением условно осужденных, осужденных беременных женщин и женщин,

имеющих малолетних детей, которым судом предоставлена отсрочка отбывания наказания;

в) предупреждение преступлений и иных правонарушений лицами, состоящими на учете в УИИ.

В теории и на практике возникает вопрос: относится ли к задачам УИИ контроль за поведением лиц, освобожденных условно-досрочно? Буквальное прочтение ч. 1 ст. 187 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации³ и ч. 6 ст. 79 Уголовного кодекса Российской Федерации⁴ не дает однозначного ответа. Ю.М. Ткачевский прямо называет сложившуюся ситуацию пробелом закона⁵.

Мы разделяем мнение, что оптимальным решением этого вопроса стало бы изложение ч. 6 ст. 79 УК РФ в следующей редакции:

«6. Контроль за поведением лица, освобожденного условно-досрочно, осуществляется уполномоченным на то специализированным государственным органом – уголовно-исполнительной инспекцией Федеральной службы исполнения наказаний Министерства юстиции Российской Федерации...» (далее – по тексту статьи).

Кроме того, необходимо и в ч. 1, и в ч. 2 ст. 187 УИК РФ прямо отразить эту обязанность УИИ, осуществляемую во взаимодействии с органами внутренних дел⁶.

Основным подзаконным актом в сфере исполнения УИИ вышеназванных видов наказаний в настоящее время является Приказ Минюста России от 20.05.2009 г. № 142 «Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без

изоляции от общества» (далее – Инструкция об организации исполнения наказаний), вступивший в силу с 25.08.2009 г.⁷

Следует отметить, что в связи с принятием данного правового акта утратил силу Приказ Минюста России от 12.04.2005 г. № 38 «Об утверждении Инструкции о порядке исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества»⁸, сыгравший, по нашему мнению, весьма значимую роль в повышении качества и эффективности исполнения уголовных наказаний, прекращении существования криминообразующих норм.

Это обусловлено тем, что после его принятия перестал применяться Приказ МВД России от 01.07.1997 г. № 403 «Об утверждении Инструкции о порядке исполнения наказаний в виде исправительных работ, лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью и осуществления контроля за поведением условно осужденных беременных женщин и женщин, имеющих малолетних детей, к которым применена отсрочка отбывания наказания»⁹, положения которого вызвали в литературе справедливую критику¹⁰.

Так, во-первых, вызывал сомнение сам факт регулирования исполнения наказаний в отношении более 600 тыс. чел.¹¹ нормативным актом МВД России, хотя с момента передачи УИИ в Минюст России прошло уже много лет.

Во-вторых, отдельные положения инструкции МВД косвенно ограничивали права осужденных. Так, в п. 7.2 предусматривалась возможность установления запрета на передвижение осужденных не только в период отбывания наказания, но и при постановке осужденного на учет. Правом установления запретов обладали не только начальник и старший инспектор, но даже инспектор УИИ. Это, с одной стороны, не соответствовало положениям ч. 5 ст. 73 УК РФ, где возложение аналогичных мер предусмотрено судом, а также Токийских правил, определяющих, что при исполнении наказаний, не связанных с лишением свободы, права правонарушителя не должны ограничиваться больше, чем это санкционировано органом, вынесшим первоначальное решение¹²; с другой – создавало угрозу правам осужденных со стороны недобросовестных сотрудников инспекций.

Вместе с тем мы разделяем точку зрения авторов, полагающих, что если существует Закон от 21.07.1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих наказание в виде лишения свободы»¹³, то логично рассматривать как возможный и закон «Об учреждениях и органах, исполняющих наказания, не связанные с лишением свободы»¹⁴. УИИ должны быть наделены своими правами и обязанностями на уровне федерального закона, а не ведомственной инструкции.

Инструкция по организации исполнения наказаний имеет более детализированную структуру по сравнению с предыдущим документом Минюста России. В частности, она содержит отдельные разделы, регламентирующие профилактические функции УИИ, а именно порядок

постановки осужденных на учет и порядок проведения с осужденным первоначальной беседы. Кроме того, в Инструкции по организации исполнения наказаний предусмотрен раздел, посвященный личному делу осужденного.

Остальные структурные элементы двух инструкций Минюста России в сфере исполнения наказаний идентичны и посвящены исполнению конкретных видов наказаний и уголовно-правовых мер, не связанных с изоляцией осужденного от общества.

Решение задач, поставленных перед УИИ, направлено на достижение целей уголовно-исполнительного законодательства, которыми являются исправление осужденных и предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами. Эти положения вытекают из ч. 2 ст. 43 УК РФ, которая указывает, что уголовное наказание применяется в целях восстановления социальной справедливости, исправления осужденных и предупреждения совершения новых преступлений.

Для решения обозначенных задач законодатель наделил УИИ специальными функциями. Обобщенно данные функции определены Положением об УИИ, в котором содержатся перечни их основных прав и обязанностей. В частности, п. 7 положения на УИИ возлагаются следующие основные обязанности: ведение учета осужденных; разъяснение осужденным порядка и условий отбывания наказаний; организация и проведение воспитательной работы с осужденными; согласование с органами местного самоуправления объектов для отбывания обязательных работ осужденными; направление при необходимости осужденных к исправительным работам в органы по вопросам занятости населения для трудоустройства; контроль за поведением осужденных по месту работы, учебы и жительства, а также исполнением ими обязанностей и соблюдением запретов, возложенных судом и инспекцией; выдача разрешений осужденным к исправительным работам на увольнение в период отбывания наказания и согласование вопроса с администрацией организаций о предоставлении им отпуска; проведение первоначальных мероприятий по розыску осужденных, местонахождение которых неизвестно; внесение в суды представлений по вопросам дальнейшего отбывания осужденными наказания и освобождения от наказаний; выявление причин и условий, способствующих совершению осужденными повторных преступлений, нарушений общественного порядка, трудовой дисциплины, и принятие мер по их устранению.

Пунктом 8 Положения об УИИ установлен перечень основных прав УИИ. Мы не будем приводить его здесь, поскольку права УИИ корреспондируют их обязанностям и направлены на реализацию последних.

Функции УИИ при исполнении отдельных видов наказаний установлены в первую очередь нормами УИК РФ. Более подробно они раскрываются в Инструкции по организации испол-

нения наказаний. При этом законодатель не придерживается разделения норм на управомочивающие и обязывающие. Это вызвано, по-видимому, тем, что указанные акты носят процедурный характер, и в процессе их реализации та или иная функция может трансформироваться как в право, так и в обязанность.

В целях исполнения применяемых в настоящее время видов уголовных наказаний УИИ осуществляют следующие функции.

В соответствии с ч. 3 ст. 25 УИК РФ, обеспечивая исполнение наказаний в виде обязательных работ, УИИ ведут учет осужденных; разъясняют им порядок и условия отбывания наказания; согласовывают с органами местного самоуправления перечень объектов, на которых осужденные отбывают наказание; контролируют поведение осужденных; ведут суммарный учет отработанного осужденными времени.

Согласно ч. 3 ст. 33 УИК РФ при исполнении наказания в виде лишения права занимать определенные должности и заниматься определенной деятельностью УИИ ведут учет осужденных; контролируют соблюдение осужденными предусмотренного приговором суда запрета занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью; проверяют исполнение требований приговора администрацией организаций, в которых работают осужденные, а также органами, правомочными аннулировать разрешение на занятие определенной деятельностью, запрещенной осужденным; осуществляют с осужденными воспитательную работу.

Исполняя наказание в виде исправительных работ, УИИ на основании ч. 3 ст. 39 УИК РФ ведут учет осужденных; разъясняют порядок и условия отбывания наказания; контролируют соблюдение условий отбывания наказания осужденными и исполнение требований приговора администрацией организаций, в которых работают осужденные; проводят с осужденными воспитательную работу; с участием сотрудников милиции в порядке, предусмотренном законодательством Российской Федерации, контролируют поведение осужденных; обращаются в органы местного самоуправления по вопросу изменения места отбывания осужденными исправительных работ; принимают решение о приводе осужденных, не являющихся по вызову или на регистрацию без уважительных причин; проводят первоначальные мероприятия по розыску осужденных; готовят и передают в соответствующую службу материалы об осужденных, местонахождение которых неизвестно.

Данные функции соотносятся с положениями разд. IV–VI Инструкции по организации исполнения наказаний и весьма близки к ним по содержанию. Однако конструкция норм УИК РФ такова, что позволяет рассматривать их как нормы-функции, определяющие статус УИИ, а нормы Инструкции по организации исполнения наказаний детализируют и устанавливают последовательность осуществления указанных функций.

Важно отметить, что нормы предыдущей инструкции Минюста России были составлены несколько иным образом и по своему смыслу были сориентированы на подробное процедурное определение самих видов наказания. На наш взгляд, в этом заключался некий парадокс, так как, исходя из конструкции, нормы специального подзаконного акта охватывали более широкий спектр общественных отношений, нежели нормы кодифицированного законодательного акта.

Возможно, такая ситуация и явилась поводом к принятию Инструкции по организации исполнения наказаний, которая, как мы считаем, адресована именно УИИ и в целом не регулирует права и обязанности иных участников рассматриваемых правоотношений. Подобный подход к правовому обеспечению деятельности УИИ имеет, несомненно, положительное значение, особенно в свете актуальной в настоящее время антикоррупционной политики, поскольку направлен на оптимизацию и конкретизацию полномочий УИИ.

Подводя итог изложенному, отметим, что современное состояние правового регулирования в сфере деятельности УИИ представляется вполне адекватным социально-экономической ситуации в стране, своевременно трансформируется под воздействием важнейших направлений государственного развития (гуманизации уголовной политики, административной реформы, антикоррупционной политики). Вместе с тем в данной сфере существуют определенные недостатки. Во-первых, они обусловлены подзаконным характером значимых нормативных правовых актов, регулирующих общественные отношения в сфере исполнения уголовных наказаний. Во-вторых, проблемы связаны с одновременным существованием нескольких нормативных правовых актов, регулирующих одни и те же общественные отношения, но использующих различные способы конструирования нормативной информации, что неизбежно приводит к коллизиям либо к спорам о компетенции.

■ ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Постановление Правительства Российской Федерации от 16.06.1997 г. № 729 « Об утверждении Положения об уголовно-исполнительных инспекциях и норматива их штатной численности» // СЗ РФ. 1997. № 25. Ст. 2947.

² См.: Кашеева Л. Исправление осужденных без изоляции от общества // Российская юстиция. 2001. № 10. С. 70.

³ См.: СЗ РФ. 1997. № 2. Ст. 198.

⁴ См.: Там же. 1996. № 25. Ст. 2954.

⁵ См.: Ткачевский Ю.М. Уголовно-исполнительному кодексу РФ (УИК РФ) исполнилось 10 лет // Актуальные вопросы государства и права в Российской Федерации и в Республике Македонии: Сб. науч. ст. / Отв. ред. А.Е. Шерстобитов. М., 2006. Вып. 1. С. 484.

⁶ См.: Панченко П.Н. Уголовно-исполнительная инспекция как орган, контролирующая поведение условно-досрочно освобожденных // Российский судья. 2005. № 11. С. 30.

⁷ См.: Российская газета. 2009. 14 авг.

⁸ См.: Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2005. № 19.

⁹ См.: Там же. 1997. № 18.

¹⁰ См.: Зубарев С.М. Некоторые вопросы гуманизации карательной политики России на современном этапе // СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ Данные приведены по: Миронов Р.Г., Минасов С.Г. ОВД и УИС в системе правоохранительных органов по обеспечению национальной безопасности в сфере правопорядка // Международное публичное и частное право. 2005. № 6. С. 53.

¹² См.: Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. О.О. Миро-

нова; науч. ред. А.С. Михлин и В.И. Селиверстов. М., 2003. С. 113.

¹³ См.: Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 33. Ст. 1316.

¹⁴ См.: Бажанов С.А., Егорова Е.В. К проблеме оперативного обеспечения деятельности уголовно-исполнительных инспекций // Российский следователь. 2007. № 10. С. 26.

К вопросу о сущности принципа дифференциации и индивидуализации исполнения наказания и эффективности его реализации при применении наказания в виде лишения свободы

И.А. ЯНЧУК – старший преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук

Статья посвящена проблемам определения принципа дифференциации и индивидуализации исполнения наказания. В работе проанализированы имеющиеся в теории уголовно-исполнительного права точки зрения по данному вопросу. Делается вывод, что дифференциация и индивидуализация исполнения наказания заключаются в изменении объема карательного воздействия на осужденного. Исследовав средства дифференциации и индивидуализации, автор утверждает, что их эффективность при исполнении наказания в виде лишения свободы находится на недостаточно высоком уровне. Даются предложения по изменению действующего уголовно-исполнительного законодательства.

Ключевые слова: дифференциация и индивидуализация исполнения наказания; исправительное воздействие; условия отбывания наказания; изменение вида исправительного учреждения.

Как известно, уголовно-исполнительную систему России в ближайшие годы ждут серьезные преобразования. Разработана Концепция реформирования УИС до 2020 г. Определены цели, задачи, перспективы реформирования. Известны даже ее будущая модель, предполагаемый результат реорганизации. Однако все чаще встречаются высказывания о том, что предстоящая реформа требует серьезного научного обоснования. Директор ФСИН России А.А. Реймер также это признает и заявляет, что «реформирование УИС должно быть подкреплено научно обоснованными выкладками и решениями»¹. В этой связи особую актуальность приобретают исследования в области теории уголовно-исполнительного права, без чего представляется невозможным эффективное решение и научно-прикладных проблем. Однако в последнее время им не уделялось достаточного внимания.

К числу основополагающих, концептуальных проблем пенитенциарной науки следует отнести изучение принципов уголовно-исполнительного права, среди которых немаловажная роль отводится дифференциации и индивидуализации исполнения наказаний. Исследование данного принципа, его сущности может иметь практическую ценность при реформировании УИС России.

При рассмотрении принципа дифференциации и индивидуализации исполнения наказания следует затронуть очень важный вопрос о том, что же все-таки следует дифференцировать и

индивидуализировать. Пенитенциарная наука не дает однозначного ответа на поставленный вопрос, поэтому он до сих пор остается дискуссионным. Обратимся к встречающимся в научной литературе взглядам ученых-пенитенциаристов на обозначенную проблему.

В работах С.М. Зубарева и Е.В. Струговой принцип дифференциации распространяется и на карательное, и на исправительное воздействие². Аналогичной позиции придерживается и А.А. Телегин, который указывает, что принцип дифференциации охватывает порядок и условия исполнения наказания, а также характер и объем мер исправительного воздействия³. Что касается индивидуализации исполнения наказания, то здесь можно отметить точку зрения А.А. Лубеницкого, который пишет, что она предполагает индивидуализацию карательно-воспитательного воздействия, то есть индивидуальный подход в определении как объема кары, так и объема исправительно-трудового воздействия⁴. Таким образом, указанные авторы включают в процесс исполнения наказания и реализацию кары, и воспитательное воздействие, что и подлежит дифференциации и индивидуализации неразрывно и в единстве. Между тем существует и иной взгляд на рассматриваемый вопрос. Он заключается в том, что, хотя кара и меры исправительного воздействия составляют единый карательно-воспитательный процесс и в отрыве друг от друга не смогут достичь целей

уголовного наказания, все же их необходимо различать по многим основаниям. Более того, исполнение наказания – это, прежде всего, реализация карательного воздействия. Так, например, Н.А. Стручков и В.Н. Брызгалов подчеркивают, что «если наказание представляет собой кару, то исправительно-трудовое воздействие – это совокупность воспитательных мер в собственном значении данного понятия»⁵. Следует отметить, что ранее В.Н. Брызгалов придерживался противоположного взгляда и выделял единый принцип индивидуализации исполнения наказания и исправительно-трудового воздействия⁶. Однако, как видим, немногим позже он изменил свою точку зрения. В свою очередь А.Л. Ременсон представлял индивидуализацию исполнения наказания как изменение объема карательного воздействия⁷.

Весьма четко данная позиция сформулирована И.В. Шмаровым и М.П. Мелентьевым, которые утверждают, что «следует различать дифференциацию кары и дифференциацию исправительно-трудового воздействия. Дифференциация кары проводится в строго ограниченных нормах права пределах, которые определяются родовой классификацией осужденных. Дифференциация исправительно-трудового воздействия нормами права не урегулирована, она более подвижна и проводится не только в пределах различного вида ИТУ, но и в зависимости от различных групп осужденных в пределах одного вида режима»⁸. Несмотря на то, что суждение авторов об отсутствии дифференциации кары в пределах одного исправительного учреждения выглядит сомнительным, все же логика обоснования представляется верной. Действительно, изменение объема карательного воздействия урегулировано нормами права, например институтом изменения условий отбывания наказания. А для мер исправительного воздействия нельзя установить пределов правового регулирования. В данном случае получается обратная ситуация – можно использовать все, что не запрещено. К мерам исправительного воздействия, например, можно отнести весь арсенал психолого-педагогических методик и способов воздействия на осужденных. Исходя из этого предложенное разделение рассматриваемых понятий считаем вполне обоснованным.

Соглашается с таким подходом и И.М. Перков, который заявляет о существовании двух самостоятельных направлений: дифференциации исполнения наказания и дифференциации исправительно-трудового воздействия. Первое, по его мнению, является регулятором карательного воздействия, второе – исправительно-трудового⁹. А.М. Носенко видит проблему гораздо шире, предлагая начинать ее рассмотрение с уголовно-правовых категорий. В качестве самостоятельных он выделяет следующие понятия: индивидуализация уголовной ответственности, индивидуализация назначения наказания, индивидуализация исполнения наказания и индивидуализация исправительно-трудового воздействия¹⁰. Этот подход, заключающийся в разделении исполне-

ния наказания и применения мер исправительного воздействия, нам представляется наиболее оправданным. В соответствии с общепринятой точкой зрения сущностью наказания является кара¹¹. Отсюда следует, что исполнение наказания представляет собой не что иное, как исполнение, реализацию кары. Это в первую очередь репрессия, применяемая к осужденному за то, что он нарушил закон. Он должен претерпеть определенные лишения, которые выступают в роли воздаяния за совершенное преступление. Безусловно, они носят устрашающий характер. Меры же исправительного воздействия отнюдь устрашением не являются. Они призваны исправить преступника, вернуть в общество правоуправляемого человека. Конечно же, меры карательного воздействия имеют и воспитательное значение, но это не дает оснований отождествлять рассматриваемые процессы. Кроме того, в самом Уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации заложено разделение этих понятий. В ст. 8 закрепляется принцип соединения наказания с исправительным воздействием. То есть законодатель признает существование двух процессов, указывая при этом, что их реализация должна осуществляться в единстве. К аналогичным выводам пришла и Е.А. Сизая, исследовавшая данный принцип уголовно-исполнительного законодательства. Она пишет, что «карательные элементы уголовного наказания и меры исправительного воздействия являются самостоятельными юридическими категориями, но находятся в неразрывной связи друг с другом. Они соединяются в процессе деятельности учреждений и органов, исполняющих наказания, в едином карательно-воспитательном воздействии на осужденного»¹². Исходя из вышеизложенного можно заключить, что рассматриваемые понятия являются самостоятельными процессами, и поэтому следует различать дифференциацию и индивидуализацию исполнения наказания как изменение объема кары и дифференциацию и индивидуализацию мер исправительного воздействия.

Таким образом, мы полагаем, что сущность закрепленного в ст. 8 УИК РФ принципа дифференциации и индивидуализации исполнения наказания заключается в изменении объема карательного воздействия на осужденного. Опираясь на данный тезис, можно прийти к выводу, что средствами дифференциации и индивидуализации исполнения наказания являются изменение вида режима ИУ и изменение условий отбывания наказания, поскольку в этих случаях корректируется объем установленных для осужденных правоограничений. В этой связи считаем, что реализация вышеуказанных средств и является проявлением дифференциации и индивидуализации исполнения наказания.

Согласно УИК РФ перевод осужденных из одних условий отбывания наказания в другие прежде всего связан с изменением количества получаемых посылок, передач и бандеролей, краткосрочных и длительных свиданий, а также размера денежных средств, разрешенных для расходования на приобретение продуктов пита-

ния и предметов первой необходимости. Именно это, по мнению законодателя, должно обеспечить разницу в объеме карательного воздействия. И здесь встает вполне резонный вопрос: эффективна ли существующая дифференциация и индивидуализация исполнения наказания? Нередко встречаются критические высказывания о незначительности и несущественности такой дифференциации и индивидуализации исполнения наказания, которая заключается в разнице количества предоставляемых «посылок и свиданий». И эти замечания оправданны. Более того, если у осужденного не имеется родственников, которые присылают посылки, передачи и бандероли, приходят на свидания, то разница в условиях содержания будет заключаться только в размере денежных средств, разрешенных для расходования на приобретение продуктов питания и предметов первой необходимости. Разве это существенно? Разве это дифференциация? Конечно, если понимать под дифференциацией любое разделение, то можно утвердительно ответить на поставленный вопрос. Но дифференциация и индивидуализация важны не сами по себе, они должны служить цели исправления осужденных и, главное, стимулировать их право-покорное поведение. На наш взгляд, институт изменения условий отбывания наказания в действующем виде в полной мере не соответствует этим требованиям. Если мы обратимся к такому средству дифференциации и индивидуализации исполнения наказания, как изменение вида исправительного учреждения, то можно обнаружить аналогичную ситуацию. Ибо за такими громкими словами, как «общий режим», «строгий режим», «особый режим», по большому счету скрывается всего лишь та же разница в посылках, передачах и бандеролях, краткосрочных и длительных свиданиях, а также размере денежных средств, разрешенных для расходования на приобретение продуктов питания и предметов первой необходимости (если, конечно, не учитывать исправительные колонии особого режима для осужденных, отбывающих наказание в виде пожизненного лишения свободы). Полагаем, что разделение исправительных колоний по видам режима служит не только классификации осужденных, но в то же время призвано обеспечить разницу в объеме карательного воздействия на осужденных, что, по нашему мнению, происходит не в достаточной степени.

Таким образом, на наш взгляд, дифференциация и индивидуализация исполнения наказания в виде лишения свободы на сегодняшний день выглядит неэффективной и незначительной. В этой связи встает вопрос: а как ее сделать более существенной? Нам видится такой вариант решения проблемы. Необходимо в полной мере использовать ресурсы УИК РФ. Ведь он предусматривает широкий перечень условий содержания осужденных, которые также можно разделить по условиям отбывания наказания.

Наряду с этим следует затронуть вопрос о реформировании УИС России. В Концепции ре-

формирования УИС до 2020 г. имеются упоминания о дифференциации и индивидуализации исправительного воздействия, а об изменении объема карательного воздействия на осужденного речи не идет. Кроме того, и в выступлениях руководства ФСИН России говорится только о разделении осужденных по видам тюрем, а это классификация осужденных. Думается, что вопрос о карательном содержании наказания, условиях его отбывания, степени и количестве правоограничений еще находится в стадии разработки и является весьма актуальным. В связи с этим хотелось бы рекомендовать разработчикам реформы то, что при построении новой модели системы исправительных учреждений нельзя отказываться от дифференциации и индивидуализации исполнения наказания и предусмотреть более существенное отличие тюрем по объему правоограничений осужденных, а также значительное отличие в условиях отбывания наказания, тем более что покамерное содержание создает для этого широкие перспективы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Выступление директора Федеральной службы исполнения наказаний А.А. Реймера // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2009. № 10. С. 11.

² См.: Зубарев С.М. Принципы уголовно-исполнительного законодательства // Уголовно-исполнительное право: Учеб. для вузов / Отв. ред. А.С. Михлин. М., 2006. С. 74; Стругова Е.В. Дифференциация и индивидуализация исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении осужденных женщин: Дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 1995. С. 29.

³ См.: Телегин А.А. Правовые и организационные основы дифференциации лиц, содержащихся в местах лишения свободы, в период 1917–1953 годов: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1997. С. 20.

⁴ См.: Лубеницкий А.А. Значение классификации осужденных к лишению свободы и ее влияние на индивидуализацию наказания // Специфика правового регулирования в период становления рыночных социально-экономических отношений. Омск, 1996. С. 157.

⁵ Стручков Н.А., Брызгалов В.Н. Классификация осужденных к лишению свободы и определение им вида исправительно-трудовой колонии. Киев, 1967. С. 8.

⁶ См.: Брызгалов В.Н. Современная классификация осужденных к лишению свободы и ее значение в предотвращении рецидива // О причинах повторной преступности и мерах, принимаемых органами МООП УССР по ее искоренению. Киев, 1965. С. 322.

⁷ См.: Ременсон А.Л. Теоретические вопросы исполнения лишения свободы и перевоспитания заключенных: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Томск, 1965. С. 30.

⁸ Шмаров И.В., Мелентьев М.П. Дифференциация исполнения наказания в исправительно-трудовых учреждениях. Пермь, 1971. С. 160.

⁹ См.: Перков И.М. Дифференциация исполнения наказания и процесса исправительно-трудового воздействия в исправительно-трудовых колониях: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1971. С. 10–15.

¹⁰ См.: Носенко А.М. Методика использования материалов изучения личности заключенного и причин совершенного им преступления для индивидуализации процесса перевоспитания // О причинах повторной преступности и мерах, принимаемых органами МООП УССР по ее искоренению. С. 340.

¹¹ См., напр.: Стручков Н.А. Уголовная ответственность и ее реализация в борьбе с преступностью. Саратов, 1978. С. 56–63; Наташев А.Е., Стручков Н.А. Основы теории исправительно-трудового права. М., 1967; Шаргородский М.Д. Наказание, его цели и эффективность. Л., 1973. С. 16 и др.

¹² Сизая Е.А. Принцип соединения наказания с исправительным воздействием // Закон и право. 2007. № 8. С. 41.

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

Реализация права на судебную защиту в условиях пенитенциарной системы

А.В. ЖУРАВЛЕВ – заместитель председателя Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда, судья первого квалификационного класса, кандидат юридических наук

В статье рассмотрена проблема реализации лицами, отбывающими наказание в виде лишения свободы, права на судебную защиту; перечислены и проанализированы факторы, влияющие на осуществление судебной защиты прав осужденных; предлагаются пути усиления гарантий реализации права на судебную защиту в условиях пенитенциарной системы.

Ключевые слова: судебная защита; лица, отбывающие наказание в виде лишения свободы; конституционные права; гарантии реализации права на судебную защиту; право на информацию.

В настоящее время реализации права на судебную защиту уделяется особое внимание. Так, в докладе Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2008 г. затрагиваются, в частности, следующие актуальные вопросы реализации права на судебную защиту: проблема доступа в зал судебных заседаний и в здание суда; соблюдение принципа состязательности при рассмотрении дел об административных правонарушениях; получение квалифицированной юридической помощи в административном судопроизводстве; обжалование в суде действий лиц, применяющих меры административного принуждения; обеспечение права на судебную защиту в порядке гражданского судопроизводства лицам, осужденным к лишению свободы.

Рассмотрим более подробно некоторые аспекты реализации права на судебную защиту в отношении лиц, лишенных свободы. К таковым относятся как лица, осужденные к реальному лишению свободы, так и лица, в отношении которых избрана мера пресечения в виде заключения под стражу.

Всеобщая декларация прав человека, принятая на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) от 10.12.1948 г., провозгласила, что «все люди равны перед законом и имеют право без всякого различия на равную

защиту закона. Каждый человек имеет право на эффективное восстановление в правах компетентными национальными судами в случаях нарушения его основных прав, предоставленных ему конституцией или законом» (ст. 7–8).

В ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 ноября 1950 г.) конкретизировано, что «каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях или при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона».

В Конституции Российской Федерации данное право закреплено в ст. 46 указанием на то, что каждому гарантируется судебная защита прав и свобод.

Раскрывая содержание права на судебную защиту, В.М. Жуйков указывал, что «конституционное право на судебную защиту включает в себя право каждого заинтересованного лица на беспрепятственное обращение в суд за защитой своих прав, свобод или охраняемых законом интересов, на рассмотрение его дела в разумный срок беспристрастным и независимым судом и на исполнение судебного решения»¹. При этом автор подчеркнул, что данное право обеспечивается комплексом законодательных, правоохрани-

менительных, экономических, организационных мер в трех сферах:

– в сфере, относящейся к самому суду (его статус, роль в обществе и государстве, полномочия, устройство судебной системы, гарантии независимого и эффективного функционирования);

– сфере осуществления правосудия, то есть деятельности суда по рассмотрению находящихся в его производстве дел (установление надлежащей процедуры рассмотрения дел, обеспечивающей доступность суда для всех заинтересованных лиц, возможность равноправного участия сторон в состязательном процессе, вынесение законных и обоснованных решений, их обжалование и исполнение);

– сфере обеспечения каждому нуждающемуся в этом лицу получения квалифицированной юридической помощи при ведении дела в суде.

Исследователи права на судебную защиту относят его к категории конституционных прав и рассматривают в качестве права человека и права гражданина.

В одном из последних диссертационных исследований по данной теме, выполненном Г.Н. Банниковым, указывается, что право на судебную защиту выступает не только как самостоятельная конституционно-правовая ценность, но и как гарантия защиты других прав².

Данное утверждение согласуется с позицией, сформулированной Конституционным Судом Российской Федерации в Постановлении от 20.02.2006 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности положения статьи 336 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан К.А. Инешина, Н.С. Никонова и открытого акционерного общества «Нижнекамскнефтехим»», согласно которой право на судебную защиту относится к основным неотчуждаемым правам и свободам и одновременно выступает гарантией всех других прав и свобод, в силу ст. 56 (ч. 3) Конституции Российской Федерации оно не может быть ограничено ни при каких обстоятельствах. Право на судебную защиту предполагает конкретные гарантии эффективного восстановления в правах посредством правосудия, конституционное право на судебную защиту – это не только право на обращение в суд, но и возможность получения реальной судебной защиты в форме восстановления нарушенных прав и свобод.

Поскольку право на судебную защиту не подлежит никаким ограничениям, то в отношении лиц, лишенных свободы, оно должно гарантироваться в таком же объеме, как и в отношении остальных категорий граждан.

Специальных исследований, посвященных особенностям реализации права на судебную защиту в условиях пенитенциарной системы, не имеется, хотя явно усматривается необходимость в их проведении.

Рассмотрение вопросов реализации права на судебную защиту лицами, лишенными свободы,

имеет большое значение, поскольку от полноты воплощения данного права зависит уровень защищенности всех остальных прав данных лиц.

Минимальные стандартные правила обращения с заключенными, принятые на Первом конгрессе ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями 30 августа 1955 г., предусматривают, что каждый заключенный должен иметь возможность обращаться к судебным властям с заявлениями и жалобами, которые не подвергаются цензуре с точки зрения содержания, но должны быть составлены в должной форме и передаваться по предписанным каналам.

Согласно ст. 118 Конституции Российской Федерации судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства.

Лица, лишенные свободы, имеют право обратиться в суд за защитой своих прав и интересов в любом из вышеуказанных видов судопроизводства, а также вправе подать прошение в Европейский суд по правам человека.

Однако при исследовании количества дел, рассмотренных судами общей юрисдикции, становится очевидным, что дела по искам и заявлениям лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, составляют лишь небольшую часть от общего числа рассмотренных дел³.

Причиной этого является отнюдь не отсутствие споров по правам заключенных, а затрудненность доступа к правосудию для лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы.

Можно выделить следующие основные препятствия для эффективной судебной защиты прав лиц, лишенных свободы:

- 1) правовая неграмотность в области процессуального и материального права;
- 2) затруднения в получении правовой помощи;
- 3) невозможность личного участия в рассмотрении дела;
- 4) затруднения при оплате государственной пошлины.

Кратко остановимся на характеристике каждого из них.

Правовая неграмотность, вне всякого сомнения, является главным препятствием для доступности правосудия. В п. 70 Европейских пенитенциарных правил, принятых 11 января 2006 г., указано, что заключенные имеют право на получение юридических консультаций относительно порядка направления жалоб и апелляций, а также на юридическую помощь, когда этого требуют интересы правосудия.

Полных мер для реализации данной рекомендации не принято, и обычная судьба иска (заявления) лица, отбывающего наказание в виде лишения свободы, такова: после поступления заявления судье чаще всего оно оставляется без движения, поскольку не соблюдаются требования, предъявляемые к исковым заявлениям

(не указываются данные и адрес ответчика, не формулируется требование или объединяются требования, имеющие различный порядок рассмотрения, не оплачивается государственная пошлина и не прилагается ходатайство об отсрочке ее уплаты); устранить все препятствия удаётся немногим, и большая часть заявлений возвращается.

Иногда обращающиеся не видят различий между обжалованием в порядке ч. 1 ст. 125 УПК РФ и в порядке ч. 1 ст. 254 ГПК РФ.

Можно привести следующий пример. Гражданин П. обратился в суд с жалобой на действия старшего прокурора области. Определением судьи Вологодского городского суда от 31.03.2008 г. жалоба возвращена, поскольку не подписана лицом, ее подавшим, и не датирована. Кроме того, П. не указал конкретные действия должностного лица, которые он просит признать незаконными, и порядок подачи жалобы (по ч. 1 ст. 125 УПК РФ или по ч. 1 ст. 254 ГПК РФ).

Иногда лица, отбывающие наказание в виде лишения свободы, обращаются в суд с нарушением правил подсудности. Так, гражданин Р. подал в Вологодский городской суд заявление о расторжении брака. Определением от 02.04.2008 г. заявление возвращено с предложением обратиться к мировому судье Вологодской области по месту жительства ответчика.

Получение качественной юридической помощи в местах лишения свободы ограничено. Здесь надо учитывать и дефицит правовой литературы, которая быстро устаревает ввиду частого внесения изменений в законодательство, и отсутствие доступа к электронным справочно-правовым системам («Гарант», «Консультант-Плюс»), а также затрудненность общения с адвокатами ввиду препятствий материального плана и территориальной удаленности некоторых мест лишения свободы.

Невозможность личного участия лиц, лишенных свободы, в рассмотрении дела также является одним из препятствий к доступности правосудия. Данный вопрос был предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации. Граждане, чье личное участие в заседании было затруднено, пытались доказать нарушение их конституционных прав такими нормами, как п. 16 ч. 4 ст. 47 УПК РФ, ст. 125 УПК РФ, ч. 3 ст. 376 УПК РФ, гл. 10 ГПК РФ, ст. 77.1 и 77.2 УИК РФ.

Основным доводом Конституционного Суда Российской Федерации, отказавшего в принятии данных жалоб, стало то, что оспариваемые нормы сами по себе не исключают возможность принятия судом решения об обязательности участия осужденного к лишению свободы в качестве стороны в судопроизводстве не только по уголовным, но и по другим делам, в тех случаях когда, по мнению суда, это необходимо, согласно соответствующему процессуальному законодательству, для защиты прав личности и достижения целей правосудия, и тем самым не

лишают осужденного возможности отстаивать перед судом свои права и законные интересы. Они также не препятствуют лицу, отбывающему наказание в виде лишения свободы, довести до суда свою позицию по соответствующему гражданскому делу путем допуска к участию в деле его адвокатов и других представителей, а также иными предусмотренными законом способами.

Выводы Конституционного Суда Российской Федерации правильны, но препятствия к личному участию в судебном заседании на практике широко распространены, поскольку указанное право лиц, осужденных к лишению свободы, ни в каких правовых актах не закреплено.

Лишение возможности лично участвовать в рассмотрении дел может приводить к незаконным и абсурдным решениям. Так, в докладе Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2008 г. приводится следующий пример.

Осужденный К., отбывающий наказание в ФГУ ОИК-2 ГУФСИН России по Пермскому краю, обратился к Уполномоченному в связи с решением Арбитражного суда Саратовской области от 03.09.2004 г. В соответствии с упомянутым решением с заявителя была взыскана недоимка по страховым взносам в Пенсионный фонд за 2002–2003 гг. в размере 3600 руб. как с лица, занимавшегося в эти годы индивидуальной предпринимательской деятельностью. Как подчеркнул заявитель, дело о недоимке рассматривалось судом без его участия, а о судебном решении он узнал лишь спустя три года после того, как оно было вынесено. Абсурдность этой истории в том, что осужденный К. никак не мог являться должником Пенсионного фонда, как не мог заниматься и индивидуальной предпринимательской деятельностью в 2002–2003 гг., поскольку еще в 2001 г. был осужден к пожизненному лишению свободы с конфискацией имущества.

Затруднения, возникающие при оплате государственной пошлины, также ограничивают возможности лиц, лишенных свободы, по реализации права на судебную защиту.

Прогрессивную роль в деле повышения доступности правосудия в условиях пенитенциарной системы сыграло определение Конституционного Суда Российской Федерации от 13.06.2006 г. № 274-О «По жалобам граждан Ахалбедашвили Мамуки Гурамовича и Молдованова Константина Викторовича на нарушение их конституционных прав подпунктом 10 пункта 1 статьи 333.19 Налогового кодекса Российской Федерации», позволившее судам при отсутствии денежных средств на лицевом счете у лиц, осужденных к наказанию в виде лишения свободы и находящихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы, принимать решения об освобождении таких лиц от уплаты государственной пошлины. Однако лицо освобождается от уплаты госпошлины только при наличии обособленного ходатайства, то есть должно обла-

дать информацией о необходимости подобного ходатайства.

Кроме того, необходимо учитывать, что затруднения могут быть связаны как с отсутствием денежных средств, так и с требованием соблюдения процедуры оплаты.

Согласно п. 3 ст. 333.18 НК РФ государственная пошлина уплачивается по месту совершения юридически значимого действия в наличной или безналичной форме. Факт уплаты государственной пошлины плательщиком в безналичной форме подтверждается платежным поручением с отметкой банка о его исполнении.

Факт уплаты государственной пошлины плательщиком в наличной форме подтверждается либо квитанцией установленной формы, выдаваемой плательщику банком, либо квитанцией, выдаваемой плательщику должностным лицом или кассой органа, в который производилась оплата.

Соблюдение данных условий лицами, лишенными свободы, довольно затруднительно, равно как и получение информации о данных расчетного счета для оплаты госпошлины.

В то же время суммы, подлежащие оплате, сравнительно невелики. В соответствии со ст. 333.19 НК РФ размер государственной пошлины при подаче искового заявления имущественного характера, не подлежащего оценке, а также искового заявления неимущественного характера составляет для физических лиц 200 руб.; при подаче заявления об оспаривании решения или действия (бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, должностных лиц, государственных или муниципальных служащих, нарушивших права и свободы граждан или организаций, – 200 руб.; при подаче заявления о повторной выдаче копий решений, приговоров, судебных приказов, определений суда, постановлений президиума суда надзорной инстанции, копий других документов из дела, выдаваемых судом, а также при подаче заявления о выдаче дубликатов исполнительных документов – 4 руб. за одну страницу документа, но не менее 40 руб.

Государство без значительных для себя потерь могло бы решить вопрос об освобождении лиц, лишенных свободы, от уплаты госпошлины при подаче исковых заявлений неимущественного характера, при подаче заявления об оспаривании решения или действия (бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, должностных лиц, государственных или муниципальных служащих, нарушивших права и свободы граждан, и при подаче заявления о повторной выдаче копий.

Все вышеуказанные препятствия негативно сказываются на росте доверия к правосудию, являющемся одной из главных задач Федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России» на 2007–2011 гг.

Поскольку право на эффективную судебную защиту – одно из основных прав человека, а

разрешение всех имеющихся споров выступает немаловажной составляющей дальнейшей успешной ресоциализации осужденного, устранение данных препятствий является значимой частью решения вопроса о повышении доверия к судебной системе.

Можно предложить следующие видимые пути усиления гарантий реализации права на судебную защиту в условиях пенитенциарной системы:

1) предоставление более качественной правовой информации в местах лишения свободы с помощью:

– регулярного направления юридической литературы в места лишения свободы,

– изучения наиболее часто возникающих вопросов с последующим изданием специальных пособий,

– обеспечения доступа к электронным справочно-правовым системам;

2) предоставление возможности получения бесплатной правовой помощи путем:

– создания правовых клиник (с участием студентов учебных заведений ФСИН России, общественных организаций),

– создания условий для получения консультаций через Интернет;

3) решение вопроса о возможности личного участия в судебном заседании с помощью:

– закрепления в законодательстве права лиц, осужденных к лишению свободы, на личное участие в судебном заседании,

– использования систем видеоконференц-связи для участия в заседаниях суда, в том числе и по гражданским делам, в случае территориальной удаленности;

4) решение вопроса об освобождении лиц, лишенных свободы, от уплаты государственной пошлины за обращение в суды с заявлениями по неимущественным требованиям и выдачу копий судебных документов.

При претворении в жизнь данных предложений возрастет доступность правосудия для лиц, лишенных свободы, что положительно отразится на уровне их правовой защищенности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Жуйков В.М. Теоретические и практические проблемы конституционного права на судебную защиту: Дис. ... д-ра юрид. наук в форме научного доклада, выполняющего также функции автореферата. М., 1997. С. 3.

² См.: Банников Г.Н. Проблемы реализации права граждан на судебную защиту в Российской Федерации (общетеоретический аспект): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006. С. 9.

³ Проведение подобных исследований затруднено, поскольку дела рассматриваемой категории отдельно в статистических отчетах не называются, точные данные можно получить лишь при пересмотре каждого дела. Сведения, приведенные в данной статье, получены в результате проведенной в гражданском составе Вологодского городского суда выборки.

Планирование как функция управления в уголовно-исполнительной системе России: историко-правовой аспект

О.В. КОЗЛОВА – адъюнкт кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России

Автор статьи, используя ретроспективный метод исследования, представил эволюцию планирования в российской уголовно-исполнительной системе. На основе анализа были выделены основные этапы становления, определены современные тенденции развития планирования.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система; функции управления; планирование; история развития планирования.

Сущность, содержание, цели и задачи управления проявляются в его функциях, то есть объективно необходимых относительно самостоятельных частях управленческой деятельности, характеризующихся специфическим содержанием и особой пространственно-временной формой выражения¹.

Одной из функций управления является планирование. Еще в 70-х гг. прошлого века В.Д. Малков отметил, что «управление общественными процессами и явлениями немислимо без определения целей и средств их достижения, без планирования, осуществляемого в разнообразных формах. Поэтому планирование является обязательным признаком социального управления, наиболее характерным показателем целенаправленности человеческого труда. Планирование всегда было и остается важнейшей стороной деятельности государства»².

Планирование и в наше время является одной из наиболее значимых функций системы социального управления. Однако заметим, что оно не сразу приобрело современные формы выражения и в своем развитии прошло достаточно длительный и сложный путь.

Становление планирования как функции управления осуществлялось в непосредственной связи с развитием пенитенциарных органов государства.

В 1802 г. в России на основании манифеста Александра I «Об учреждении министерств»³ было создано Министерство внутренних дел, в ведении которого находились органы по исполнению наказаний.

Начиная с 1862 г. Министерство внутренних дел собирало официальные сведения о состоянии тюремной системы Российской империи, на основе которых действительным статским советником Холодковским и статским советником Галкиным под непосредственным руководством директора департамента полиции исполнительной тайного советника Похвистнева были оформлены «Материалы по вопросу о преобразовании тюремной части в России». Усилиями того же авторского коллектива была подготовлена «Записка о преобразовании тюремной час-

ти в России», включающая в себя пять разделов: 1) очерк действующих законов; 2) обзор мер правительства об улучшении тюрем; 3) настоящее положение тюрем; 4) предложения с мест об улучшении тюрем; 5) мнение МВД об устройстве тюрем. Чуть позже были написаны «Обзор тюремной действительности и предложения по ее преобразованию. О настоящем положении тюремного вопроса»⁴. Наличие указанных источников выступает доказательством реализации планирования в уголовно-исполнительной системе Российской империи.

Учреждение в 1879 г. в системе МВД Главного тюремного управления (ГТУ) обусловило возможность уделять больше внимания вопросам организации деятельности уголовно-исполнительной системы, в том числе и планированию. На Тюремную инспекцию ГТУ, в частности, были возложены функции сбора сведений, необходимых для полного ознакомления с существующим положением тюремных учреждений, и разработки различных законодательных, административных мероприятий по работе мест заключения⁵.

Итак, планирование в уголовно-исполнительной системе на первоначальном этапе своего развития проявлялось в выработке предложений и мероприятий по совершенствованию работы на основе изучения существующего состояния дел. Положительное влияние на развитие указанной функции оказало реформирование государственных структур: создание в 1802 г. Министерства внутренних дел, в 1879 г. – Главного тюремного управления. В целом указанный период можно определить как этап зарождения плановой функции в пенитенциарной системе российского государства.

После революции 1917 г. и гражданской войны экономика Советского государства была практически полностью разрушена, требовались срочные меры по преодолению кризисной ситуации.

В целях восстановления народного хозяйства в 1920 г. было принято решение о создании единого государственного плана его развития. Государственными органами были разработаны специальные проекты по восстановлению важ-

нейших отраслей экономики. Расширение и развитие плановой работы способствовало тому, что происходили модификация старых и появление новых, более совершенных способов и методов планирования и управления экономикой.

Развитие плановой функции в экономике открывало возможности для осуществления преобразований и в социальной сфере. В Народном комиссариате внутренних дел (НКВД), в ведение которого перешли все пенитенциарные учреждения⁶, в это время также была признана важность планирования для дальнейшего развития и совершенствования правоохранительной деятельности.

Указанный этап в эволюции плановой функции в НКВД РСФСР наиболее полно исследован В.Д. Малковым⁷. На основе изучения его работ и трудов других авторов, анализируя информацию о развитии планирования в масштабах всего государства, можно сформулировать особенности планирования того периода, характерные также и для уголовно-исполнительной системы:

– признание за планированием роли принципа управленческой деятельности. К примеру, на совещании начальников управлений и отделов наркомата 28 июля 1924 г. отмечалось: «План – это целая система мероприятий, организационно связанных между собой и вытекающих одно из другого, достигающих друг от друга и направленных для достижения определенной цели. План – основа организаторской деятельности»⁸;

– целевой характер планирования, направленный на решение актуальных проблем деятельности. Например, в плане работы центрального административного управления НКВД РСФСР на 1927 г. в качестве общих проблем выделены улучшение организационной работы центрального аппарата и местных органов; контрольная (инспекторская) деятельность; проведение в жизнь постановлений правительства по вопросам общего администрирования; рациональная постановка работы⁹;

– организационно-структурное обеспечение планирования. Для реализации функции планирования в НКВД в 1929 г. создан специальный орган – плановая комиссия, задачи которой состояли в рассмотрении и координировании разрабатываемых управлениями и отделами НКВД РСФСР проектов планов (генерального и перспективного) и годовых контрольных цифр, охватывающих все стороны деятельности наркомата и подведомственных ему органов; наблюдении за конъюнктурой явлений, относящихся к деятельности НКВД РСФСР; рассмотрении программ собирания и разработки статистических сведений в соответствии с задачами плановой работы; разработке вопросов методологии планирования¹⁰.

Таким образом, период с 20-х по 50-е гг. XX в. является временем становления планирования различных сторон общественной жизни, в том числе и деятельности уголовно-исполнительной системы, на научной основе, закладывания его методологических основ.

Новый этап в планировании начался в 60-е гг. XX в. Научно-техническая революция, масштабы и темпы обновления производства, трудности организации и поддержания связей в усложнившихся структурах подтолкнули представителей различных отраслей знания (философов, социологов, политологов, историков, юристов) к поискам новых форм и методов управления. Министерства и ведомства, в том числе и Министерство внутренних дел СССР, начали исследования и разработку новых методик управления и планирования.

Обосновывалась необходимость внедрения прогнозирования и перспективного планирования в деятельность органов внутренних дел. Решались вопросы организационного обеспечения планирования. В большинстве крупных аппаратов были созданы штабные подразделения, которые сыграли большую роль в упорядочении планирования, разработке и внедрении в практику научно обоснованных методов организации работы. Развернулась система обучения кадров методике планирования и прогнозирования на штабных курсах, высших академических курсах, в академии и вузах МВД СССР.

Впервые четко определил систему планирования, заложил основу для ее развития и совершенствования Приказ МВД СССР от 06.10.1969 г. № 348 «О недостатках планирования в органах внутренних дел и мерах по улучшению этой работы»¹¹. В нем отмечалась возросшая роль и значение планирования для осуществления эффективной деятельности органов внутренних дел, определялись виды планов, основные требования к ним, регламентировался порядок их составления, сроки разработки и утверждения, примерная структура и содержание.

В целях реализации основных направлений развития народного хозяйства СССР на 1976–1980 гг. по инициативе МВД СССР были проведены первые эксперименты по разработке целевых комплексных программ для решения ряда актуальных проблем деятельности и развития органов внутренних дел. Так, в 1980 г. была завершена реализация программы по предотвращению рецидивной преступности, что свидетельствовало о применении программно-целевого метода планирования в организации деятельности правоохранительных органов¹².

Направленность на последовательное внедрение в практику регионального и целевого комплексного планирования закреплена в Приказе МВД СССР от 10.11.1982 г. № 360 «О вопросах дальнейшего совершенствования планирования в органах внутренних дел»¹³. Приказом МВД СССР от 13.05.1987 г. № 100 были определены примерные структуры планов основных организационных мероприятий органов внутренних дел различного уровня¹⁴.

В целом советский опыт применения планирования, в том числе с использованием программно-целевого подхода, свидетельствовал о его высоких потенциальных возможностях в сфере воздействия на решение ряда важнейших

проблем как экономического, так и социального характера. Однако сложившаяся практика разработки большинства планов вскоре повлекла обоснованную критику планирования как способа решения любых задач, возникающих в правоохранительной деятельности.

Большое количество разрабатываемых планов обуславливало то, что значительная часть из них принималась без достаточной предварительной подготовки и глубокого научного обоснования, являлась ресурсно не обеспеченной и лишённой внутренней согласованности. Уже Приказ МВД СССР от 13.05.1987 г. № 100 требовал покончить с практикой составления многочисленных планов, необходимость в разработке которых отсутствовала¹⁵.

Кроме того, стиль управленческой деятельности, ориентированный на указание сверху, стремление к унификации и стандартизации всех мероприятий, реализуемых в уголовно-исполнительной системе, предопределил стереотипный характер планов, которые не менялись десятилетиями. Так, изучение планов работы территориальных аппаратов управления органами, исполняющими наказания, в 30-х и 80-х гг., предпринятое В.М. Анисимковым, показало, что «общая схема их разработки и реализации в принципе является одинаковой: определение директивных, вытекающих из решений съездов КПСС задач перед подчиненными учреждениями; отчет о выполнении плана в форме заслушивания исполнителей. Да и сами разделы таких планов, за исключением ряда мероприятий, изменялись незначительно»¹⁶.

Таким образом, для рассмотренного этапа эволюции планирования в правоохранительных органах (60-е – 80-е гг. XX в.) характерны следующие черты:

- развертывание теоретических исследований проблем планирования и внедрение их в практическую деятельность;
- планирование работы с учетом результатов деятельности, расширение практики перспективного планирования;
- освоение программно-целевого планирования;
- появление новых форм плановых документов (директивы, концепции, основные направления, программы) и применение новых методов их разработки;
- структурно-организационное обеспечение планирования, создание подразделений, специализирующихся на реализации общеуправленческих функций;
- повышенное внимание к проблеме обучения кадров методике и тактике планирования;
- нормативное правовое закрепление планирования, упорядочение процессуальных вопросов составления планов работы;
- расширение направлений деятельности, подлежащих обязательному планированию.

В общем указанный период можно определить как этап интенсивного развития планирования и широкого его применения.

Переход к рыночным отношениям, изменение методов хозяйствования в конце 1980-х – начале 1990-х гг., реформы политических структур объективно обусловили поиск новых подходов к построению и функционированию органов государственного управления. Кардинальному переустройству подверглась и уголовно-исполнительная система России. В 1998 г. она была передана в ведение Министерства юстиции Российской Федерации¹⁷, а с 2004 г. ей придан статус самостоятельного органа исполнительной власти – Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН России)¹⁸.

Говоря об особенностях развития планирования, характерных для современного этапа исторического развития уголовно-исполнительной системы России, можно отметить, что правовое регулирование процессов планирования осуществляется не только на ведомственном, но и на федеральном уровне. В настоящее время действуют Федеральный закон от 20.07.1995 г. № 115-ФЗ «О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития РФ»¹⁹, утвержденные постановлениями Правительства Российской Федерации Порядок разработки и реализации федеральных целевых программ и межгосударственных целевых программ, в осуществлении которых участвует Российская Федерация²⁰, и Положение о разработке, утверждении и реализации ведомственных целевых программ²¹.

В последнее время возрастает роль стратегического планирования. По наиболее важным направлениям деятельности уголовно-исполнительной системы приняты стратегические документы планирующего характера, такие как Концепция воспитания работников уголовно-исполнительной системы и план мероприятий по ее реализации на 2006–2010 гг., Концепция развития кадрового обеспечения ФСИН России на период до 2011 г.

Широко применяется программно-целевой метод планирования, о чем свидетельствует наличие действующих в настоящее время документов соответствующего характера, например федеральной целевой программы «Развитие уголовно-исполнительной системы (2007–2016 гг.)», принятой Постановлением Правительства Российской Федерации от 05.09.2006 г. № 540²².

Растет актуальность разработок, направленных на автоматизацию управленческих процессов в уголовно-исполнительной системе на основе оперативного и информационного обеспечения через современные средства связи и специальную технику. Предполагается, что функционирование ведомственной информационно-технологической инфраструктуры должно способствовать повышению оперативности и обоснованности принятия необходимых решений на соответствующих уровнях управления УИС.

Итак, с конца 80-х гг. XX в. происходит дальнейшее совершенствование планирования в уголовно-исполнительной системе России на базе новейших информационных технологий

и с учетом современных тенденций развития управленческой мысли.

Таким образом, планирование как функция управления пенитенциарной системой начинает складываться одновременно с формированием органов исполнения наказания и становлением уголовно-исполнительного законодательства. По мере развития общественных отношений происходит дальнейшее усложнение планирования и расширение практики его использования. Полагаем, что и в будущем указанная функция не потеряет своей актуальности в управлении органами и учреждениями ФСИН России.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Теория и практика социального управления: Словарь-справочник / Автор-сост. Е.Ф. Яськов. М., 1997. С. 248.

² Малков В.Д. Планирование в управлении органами внутренних дел. М., 1976. С. 8.

³ См.: Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Собр. 1. С 1649 по 12 декабря 1825 г. Т. 1. С. 45.

⁴ См.: Печников А.П. Главное тюремное управление Российского государства (1879 – октябрь 1917 гг.): Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2002. С. 56–57.

⁵ См.: Там же. С. 121.

⁶ См.: Постановление СНК РСФСР от 25.07.1922 г. «О сосредоточении всех мест заключения в НКВД» // Собрание узаконений РСФСР. 1922. № 51. Ст. 531.

⁷ См.: Малков В.Д. Планирование в управлении органами внутренних дел (теоретические и организационно-методические аспекты): Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1978.

⁸ Там же. С. 86.

⁹ См.: Там же. С. 87.

¹⁰ См.: Там же. С. 87–88.

¹¹ См.: Там же. С. 93.

¹² См.: Косарев В.Н. Программно-целевой метод планирования и управления как средство повышения эффективности деятельности органов внутренних дел // Проблемы совершенствования административных методов управления органов внутренних дел: Сб. науч. тр. Киев, 1984. С. 58.

¹³ См.: Там же.

¹⁴ См.: Ольшевский А.В. Механизм совершенствования системы управления органами внутренних дел (организационно-правовые вопросы): Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 147.

¹⁵ См.: Там же.

¹⁶ Анисимков В.М. Реформа системы управления органами, исполняющими наказание в виде лишения свободы: Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1994. С. 70.

¹⁷ См.: Указ Президента Российской Федерации от 28.07.1998 г. № 904 «О передаче уголовно-исполнительной системы Министерства внутренних дел Российской Федерации в ведение Министерства юстиции Российской Федерации» // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3841.

¹⁸ См.: Указ Президента Российской Федерации от 13.10.2004 г. № 1314 «Вопросы Федеральной службы исполнения наказаний» // Там же. 2004. № 42. Ст. 4109.

¹⁹ См.: Там же. 1995. № 30. Ст. 2871.

²⁰ См.: Постановление Правительства Российской Федерации от 26.06.1995 г. № 594 «Об утверждении порядка разработки и реализации федеральных целевых программ и межгосударственных целевых программ, в осуществлении которых участвует Российская Федерация» // Там же. 1995. № 28. Ст. 2669.

²¹ См.: Постановление Правительства Российской Федерации от 19.04.2005 г. № 239 «Об утверждении положения о разработке, утверждении и реализации ведомственных целевых программ» // Там же. 2005. № 17. Ст. 1571.

²² См.: СЗ РФ. 2006. № 39. Ст. 4075.

Незаконные корпоративные захваты в Российской Федерации: понятие, динамика, структура

А.С. ШТАЛОВ – профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук;

А.В. АРОНОВ – аспирант Международной академии бизнеса и управления

В статье анализируются понятие, динамика и структура незаконных корпоративных захватов. Авторы приходят к выводу, что незаконные корпоративные захваты являются сравнительно новым видом социально опасных действий, неизбежных и трудно прогнозируемых в условиях рыночной экономики. Получив за последние годы значительную распространенность практически во всех ее сферах, они причиняют существенный ущерб юридическим лицам, государству и обществу в целом, угрожая экономической безопасности России. Соответственно уголовное преследование за совершение преступлений, нацеленных на незаконные корпоративные захваты, является актуальным и социально значимым, а его осуществление на стадии предварительного расследования имеет свою специфику.

Ключевые слова: враждебное поглощение; корпоративная защита; корпоративный захват; криминалистическая методика; незаконный корпоративный захват; организованная преступность; поглощение; предварительное расследование; рейдерство; слияние; способ преступления; уголовный процесс.

Незаконный корпоративный захват, как и любое другое событие преступления, «есть один из материальных процессов действительности»¹. Поглощение с конфликтом интересов широко

распространено за рубежом². При характеристике данных преступлений в научной литературе употребляются такие понятия, как «слияние», «поглощение», «враждебное поглощение», «корпоративный захват», «незаконный корпоративный захват», «рейдерство», «корпоративная защита».

Наиболее общими понятиями выступают «слияние» и «поглощение». Они заимствованы из английского языка и являются дословным переводом термина «mergers and acquisition» (M&A), весьма распространенного в странах с англосаксонской правовой системой. В США, например, под слиянием принято понимать консолидацию (объединение) активов двух и более компаний на условиях обязательного сохранения одной из них. В России же аналогичный процесс принято обозначать термином присоединение, а слияние определяется как возникновение нового общества путем передачи ему всех прав и обязанностей двух или нескольких обществ с одновременным прекращением существования последних³.

Иными словами, под слиянием российскими специалистами понимается любое объединение компаний, в результате которого образуется новая экономическая единица из двух и (или) более ранее существовавших структур⁴. Такой своеобразный подход российских ученых к трактовке слияний predeterminedил их практически полное отождествление с поглощениями⁵. В тех случаях, когда слияния и поглощения происходят посредством принуждения да еще и сопровождаются нарушениями норм российского законодательства (в том числе уголовного), их принято называть недружественными или враждебными⁶. Само же явление недружественных (враждебных) поглощений стало именоваться рейдерством (от англ. «raider»). Таким образом, противоправная деятельность по организации и осуществлению корпоративных захватов получила собственное конкретное наименование.

В российском федеральном законодательстве термина «рейдерство» не было и нет. Соответственно, само явление, которое им принято обозначать, нормативными правовыми актами специально не регулируется, несмотря на то, что сам факт его существования в качестве социально-экономического и политического феномена современной России уже давно признан на всех уровнях, включая высшие эшелоны власти. Рейдерство в самом общем виде специалисты определяют как недружественное поглощение имущества, земельных комплексов и прав собственности, которое осуществляется на фоне недостаточности нормативной правовой базы и с использованием государственных, административных и силовых ресурсов на коррупционной основе⁷.

Обобщая смысловое содержание представленных выше понятий, приходим к выводу, что сделки по слияниям и поглощениям представляют собой куплю (продажу) бизнеса, отдель-

ных предприятий и имущественных комплексов. Они могут проходить как в бесконфликтной обстановке, так и с конфликтом интересов сторон, участвующих в сделке.

Рассматривая понятия «слияния» и «поглощения» именно с этой стороны можно констатировать, что под слиянием, как правило, подразумевается сделка купли-продажи, проходящая в дружественной обстановке. Поглощение же – это сделка купли-продажи, проходящая, как правило, в недружественной обстановке⁸. Именно поэтому в зарубежной юридической практике понятием «недружественное и (или) враждебное поглощение» («hostile take-over») принято обозначать скупку заинтересованным лицом (или лицами) контрольного пакета акций без согласия руководителей и акционеров компании, то есть когда основные собственники и руководство фактически выступают против ее заключения.

Полагаем, что такая постановка вопроса лишает понятие «недружественное (враждебное) поглощение» однозначно негативного смысла, поскольку в подобной трактовке оно охватывает собой всего лишь механизм принудительного повышения эффективности управления активами предприятия, который начинает действовать только тогда, когда менеджеры и (или) владельцы предприятия не справляются со своими обязанностями по эффективному управлению капиталом. Несмотря на то, что в современной российской практике это далеко не всегда так, многие специалисты, анализируя в своих работах экономическую подоплеку явлений «враждебное поглощение» и «недружественное поглощение», делают акцент лишь на конфликте интересов в сделке купли-продажи, упуская при этом вполне вероятное применение в ходе ее совершения незаконных методов, то есть именно то, что и отражает специфику российского рынка⁹.

Берем на себя смелость утверждать, что значительная часть корпоративных захватов осуществляется отнюдь не в целях повышения эффективности производства, а для изъятия собственности из законного владения с целью ее последующей перепродажи или репрофилирования. Недружественные поглощения подобного рода имеют криминально-враждебную природу и совершаются в Российской Федерации в форме незаконных корпоративных захватов, то есть с грубым нарушением законодательства, использованием насилия, разного рода мошеннических схем, хищений акций, имущественных комплексов компаний и др. Причем все это происходит в больших масштабах¹⁰. В итоге государство теряет свой промышленный потенциал и утрачивает обороноспособность¹¹. Совокупность данных обстоятельств, на наш взгляд, predeterminedляет необходимость четкого уяснения смыслового содержания понятий «слияние», «недружественное поглощение», «корпоративный захват» и «незаконный корпо-

ративный захват» с учетом специфики именно российского рынка слияний и поглощений.

Принимая во внимание положения гражданского и корпоративного законодательства Российской Федерации, считаем, что термином «слияние» правильнее всего обозначать дружественный процесс реорганизации с целью объединения компаний, в результате которого образуется единая экономическая единица из двух и более существовавших ранее структур¹².

Поглощение, как и слияние, – это результат процесса реорганизации, но уже лишенный дружественного оттенка, поскольку его целью является установление контроля над тем или иным предприятием всеми предусмотренными законом способами¹³. Если же этот процесс происходит еще и против воли собственников и (или) управляющих органов, то он безоговорочно приобретает статус недружественного поглощения. Однако недружественный характер этого процесса не предполагает совершения каких-либо противоправных деяний. Иначе говоря, лица, реализующие стратегию недружественного поглощения юридического лица (как корпорации), имеют законные основания для установления над ним контроля. На практике их порождают, например, наличие кредиторской задолженности или приобретение контрольного пакета акций (долей). С формальной точки зрения действия являются правомерными и, как следствие, не подпадают под признаки какого-либо преступления, предусмотренного уголовным законом.

В тех случаях, когда недружественное поглощение юридического лица происходит в атмосфере активного противодействия со стороны его собственников и (или) управляющих органов, а само поглощение, невзирая на его законный характер, сопровождается применением принудительных методов, это приобретает форму корпоративного захвата. При этом завладение бизнесом или имущественным комплексом юридического лица не сопровождается совершением каких-либо противоправных действий. Целью недружественного поглощения в форме корпоративного захвата является установление полного контроля над тем или иным юридическим лицом, причем уже не только в юридическом, но и в физическом смысле¹⁴.

Вместе с тем корпоративный захват может иметь не только законную, но и незаконную природу. Последняя возникает не только тогда, когда поглощение предприятия не имеет под собой законных оснований, но и тогда, когда оно сопровождается применением насилия (угрозой его применения) или (и) обманом, то есть совершением действий, образующих состав какого-либо преступления, предусмотренного Особенной частью УК РФ. Реализация при этом захватчиками разного рода корпоративных процедур (обжалование действий руководства в судебном порядке, проведение общего собрания акционеров, изменение (дополнение) учредительных документов, банкротство и т.п.)

– это действия, преследующие цель создания видимости наличия юридических оснований для установления контроля над предприятием и его активами.

Изучая взгляды специалистов на корпоративный захват, мы обратили внимание на то, что большинство из них предлагает использовать это понятие как синоним термина «рейдерство», причем без обязательного, на наш взгляд, прилагательного «незаконный».

Так, например, Е.В. Валласк предложила понимать корпоративный захват как хищение активов предприятия, совершенное обманным способом с целью получения прибыли хозяйственного общества и возможности активно влиять на принятие им решений либо с целью последующего вывода активов хозяйственного общества¹⁵. Мы же считаем, что такое понимание не только не позволяет четко отграничить незаконную природу корпоративного захвата от законной, но и искажает действительное смысловое содержание понятия «незаконный корпоративный захват» за счет искусственного ограничения способов его совершения.

Принимая во внимание все вышеприведенные аргументы, дадим определения понятиям «слияние», «недружественное поглощение», «корпоративный захват» и «незаконный корпоративный захват».

Слияние – это процесс реорганизации с целью объединения компаний, в результате которого образуется единая экономическая единица из двух и более ранее существовавших структур.

Недружественное поглощение – это процесс реорганизации, происходящий вопреки воле его собственников и (или) управляющих органов, целью которого является установление контроля над тем или иным юридическим лицом посредством предусмотренных законом способов.

Корпоративный захват – недружественное поглощение юридического лица, происходящее в атмосфере активного противодействия со стороны его собственников и (или) управляющих органов, целью которого является установление полного контроля над хозяйствующим субъектом в юридическом и физическом смысле.

Незаконный корпоративный захват – это противоправный способ недружественного поглощения юридического лица, применение которого сопровождается насилием, угрозой его применения или (и) обманом с целью приобретения прав на имущество юридического лица и связанных с ним полномочий.

Такое понимание незаконных корпоративных захватов является вполне логичным и предопределяет необходимость борьбы с ними, в том числе путем осуществления уголовного преследования конкретных лиц за совершенные при этом преступления. Возбуждение уголовных дел по таким фактам является актуальным и социально значимым, а их предварительное расследование, вне всякого сомнения, облада-

ет спецификой в части применения криминалистических средств и методов, предназначенных для собирания, исследования, оценки и использования доказательств.

В нашей стране передел собственности посредством незаконных корпоративных захватов начался вскоре после распада Советского Союза и длится уже более 15 лет. В числе причин появления и распространения незаконных корпоративных захватов можно назвать следующие:

1) коррупция в административных структурах и правоохранительных органах;

2) отсутствие развитой институциональной среды;

3) несправедливо проведенная приватизация;

4) стремление к новому переделу собственности;

5) несовершенство действующего законодательства;

6) отсутствие уголовной ответственности именно за незаконные корпоративные захваты;

7) создание крупными бизнес-группами вертикально интегрированных или отраслевых холдингов;

8) стремление региональных властей к созданию «губернаторской экономики», то есть попытка перевести под свой контроль основные предприятия региона, вытеснив внешних кредиторов или акционеров, а также неугодных директоров;

9) практически неограниченные возможности для получения краткосрочных доходов путем распродажи захваченных активов, корпоративного шантажа, незаконного банкротства и т.д.¹⁶

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что главной причиной распространенности незаконных корпоративных захватов в Российской Федерации многие исследователи называют масштабную коррупцию и слабость правоохранительной системы. Значительно реже в этом качестве фигурируют разного рода проявления конкурентной борьбы¹⁷. Вместе с тем в научной литературе правильно отмечается, что масштабы незаконных корпоративных захватов так велики, что с трудом поддаются количественной оценке¹⁸.

Действительно, в связи с тем что незаконные корпоративные захваты – относительно новая разновидность преступных действий, отдельный учет которых в официальной уголовной статистике пока не ведется, дать их точную качественно-количественную характеристику весьма проблематично. Понимая это, мы пошли по пути, уже апробированному другими исследователями, и в качестве источников информации о преступлениях, совершенных при незаконных корпоративных захватах, использовали данные Министерства внутренних дел Российской Федерации и Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации, ставшие по инициативе руководителей этих ведомств доступными для анализа и обобщения.

Мы выяснили, что в 2004 г. в производстве следственных подразделений МВД России на-

ходилось 171 уголовное дело, а в 2005 г. было уже 346 уголовных дел о преступлениях, так или иначе связанных с незаконными корпоративными захватами. Большинство из них велись следователями Главного следственного управления при ГУВД Москвы (106 уголовных дел), где впервые для их расследования было создано специализированное подразделение. В других субъектах Российской Федерации в этот же временной период уголовных дел о преступлениях, входящих в рассматриваемую группу, было значительно меньше: в Свердловской области – 22, в Московской области и Республике Татарстан – по 16, в Красноярском крае – 15, в Новосибирской и Воронежской областях – по 14. Что же касается результатов расследования, то они были следующими: в 2004 г. в масштабах страны до суда дошло лишь 17 уголовных дел в отношении 35 обвиняемых, по которым было вынесено 5 обвинительных приговоров. В 2005 г. в суд было направлено уже 51 уголовное дело в отношении 77 обвиняемых, вынесено 11 обвинительных приговоров¹⁹. В 2007 г. из 512 уголовных дел, находящихся в производстве у следователей Следственного комитета при МВД Российской Федерации, в суд было направлено 230, но по ним было вынесено лишь 44 обвинительных приговора²⁰. За два года работы (2007–2009 гг.) Следственный комитет при Прокуратуре Российской Федерации расследовал 79 уголовных дел, связанных с рейдерскими захватами, 12 из которых были направлены в суд²¹.

Директивой министра внутренних дел Российской Федерации от 24.10.2005 г. раскрытие и расследование наиболее важных и сложных преступлений в сфере экономической деятельности были отнесены к приоритетным направлениям деятельности МВД России. В их число вошло и расследование преступлений, связанных с незаконными захватами имущественных комплексов юридических лиц. Иными словами, именно с 2005 г. это направление деятельности Следственного комитета при МВД Российской Федерации приобрело особую актуальность. В том же году было зарегистрировано 438 тыс. экономических преступлений, расследование закончено по 324 тыс., по 275 тыс. уголовные дела направлены в суд. В их числе, как указано выше, было только 346 уголовных дел о преступлениях, нацеленных на незаконные корпоративные захваты. Действия захватчиков по этим уголовным делам чаще всего квалифицировались как мошенничество, значительно реже – как злоупотребление служебным положением, самоуправство и т.д. Если количество прекращенных уголовных дел по экономическим преступлениям в этом временном периоде колеблется в пределах 30–40%, то по уголовным делам о незаконных корпоративных захватах этот показатель достигает 70–80%.

Все сказанное свидетельствует о низком качестве расследования уголовных дел о преступлениях, входящих в рассматриваемую груп-

пу. Это объясняется не только сложностями, напрямую связанными с процессом познания следователями, а затем и судом комплексного и организованного характера незаконных корпоративных захватов, но и с недостаточностью уголовно-правовых средств для квалификации такого рода деяний, затрудняющей применение соответствующих мер ответственности. Именно в этом нам видится причина существования весьма ощутимой разницы между общим количеством уголовных дел, возбужденных по фактам незаконных корпоративных захватов, количеством уголовных дел, направленных в суд по завершении предварительного расследования, и количеством уголовных дел, по которым судом были вынесены приговоры. Специалисты объясняют это тем, что многие судьи пока не понимают, как подходить в данном случае к рассмотрению²². Трудности обычно вызывают длинная и запутанная цепь действий, которыми сопровождаются незаконные корпоративные захваты, и их межрегиональный характер. Поэтому зачастую суды или приостанавливают производство по таким уголовным делам, или под любым предлогом возвращают их на дополнительное расследование.

Что же касается недостатков расследования уголовных дел о преступлениях, нацеленных на незаконные корпоративные захваты, то криминалисты правильно к ним относят:

1) нечеткое определение предмета доказывания;

2) сложности с установлением всех преступлений, совершенных обвиняемыми;

3) невнимание к преступным связям²³.

Полагаем, что трудности расследования преступлений, нацеленных на незаконные корпоративные захваты, обусловлены еще и тем, что в качестве их организаторов выступают лица, обладающие значительными материальными и административными ресурсами. Способы их действий отличаются сложностью, многообразием и высокой технической оснащенностью. Их характерная черта – неременная направленность на уничтожение или сокрытие любой криминалистически значимой информации.

Еще одна сложность вызвана тем, что помимо организаторов в совершении таких преступлений принимают участие специалисты. Как правило, это высококлассные профессионалы, занимающиеся слияниями и поглощениями на российском финансовом рынке. Именно они выступают в качестве посредников в различных финансовых операциях, разрабатывают технологии силовых захватов и механизмы противодействия расследованию. Прежде чем определиться со способом совершения незаконного корпоративного захвата и кругом его непосредственных исполнителей, они тщательно анализируют правовую сторону деятельности конкретного предприятия с целью выявления допущенных его администрацией нарушений норм гражданского, трудового, административ-

ного и уголовного законодательства Российской Федерации.

Таким образом, незаконные корпоративные захваты являются сравнительно новым видом социально опасных действий. Получив в последние годы значительную распространенность, они причиняют существенный ущерб юридическим лицам, государству и обществу в целом, угрожают экономической безопасности России. Соответственно, уголовное преследование за совершение преступлений, нацеленных на незаконные корпоративные захваты, является актуальным и социально значимым, а его осуществление на стадии предварительного расследования имеет свою специфику.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М., 2001. С. 52.

² В работах специалистов отмечается, что враждебные поглощения являются весьма распространенными в США, Великобритании и Франции. Изредка они происходят в Италии и практически никогда в Китае, Японии и Германии (см.: Попова Е.В., Попов Е.В. Трансграничные поглощения: сравнительно-правовой взгляд // Законодательство. 2008. № 6. С. 69–70).

³ См.: Федеральный закон от 26.12.1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах».

⁴ См., напр.: Владимирова И.Г. Слияния и поглощения компаний // Менеджмент в России и за рубежом. 1999. № 1; Рудык Н.Б., Семенкова Е.В. Рынок корпоративного контроля: слияния, жесткие поглощения и выкупы с долговым финансированием. М., 2000. С. 10; Волков В.В. Международные слияния и поглощения банков стран Европейского Союза: Дис. ... канд. экон. наук. СПб., 2004; Акулов В.Б., Рудаков М.Н. Теория организации: Изменение масштабов и направлений бизнеса за счет слияний, поглощений компаний, создания финансовых групп. <http://www.aup.ru/books/m150/36.htm> и др.

⁵ Это пояснение является весьма важным, поскольку понятие «слияние» должно рассматриваться (с юридической точки зрения) как форма реорганизации юридического лица, предусмотренная гражданским и корпоративным законодательством Российской Федерации. Что же касается понятия «поглощение», которое на практике часто подменяется понятием «присоединение», то ни в этих, ни в других отраслях российского законодательства оно не фигурирует вообще. Единственным исключением является Указ Президента Российской Федерации, где термин «поглощение» употребляется применительно к процессу реализации промышленной политики при приватизации государственных предприятий (см.: Указ Президента Российской Федерации от 16.11.1992 г. № 1392 «О мерах по реализации промышленной политики при приватизации государственных предприятий» // Российская газета. 1992. 20 нояб.).

⁶ Здесь следует заметить, что во многих зарубежных странах дружественные (friendly) и враждебные (hostile) поглощения отождествлять не принято, поскольку они разграничиваются по двум критериям: 1) поведение покупателя (проинформировал ли он совет директоров объекта поглощения или обратился напрямую к акционерам); 2) поведение совета директоров объекта поглощения (принял он предложение о покупке или нет) (см.: Гетьман-Павлова И.В., Гущина А.А., Липовцев В.Н. Защита прав акционеров при слияниях и поглощениях в праве ЕС // Человек и закон. 2007. № 12).

⁷ См., напр.: Рейдерство как социально-экономический и политический феномен современной России: Отчет о качественном социологическом исследовании. 2008 г. <http://www/politcom.ru>

⁸ В научной литературе встречаются и иные точки зрения. Так, например, М.Г. Ионцев под поглощением компании предлагает понимать установление над этой компанией или активом полного контроля как в юридическом, так и

физическом плане (см.: Ионцев М.Г. Корпоративные захваты: слияния, поглощения, гринмейл. М., 2003). П.А. Гохан приводит следующее описание поглощения: «термин более неопределенный и иногда относится только к враждебным сделкам; в других случаях он используется для обозначения как дружественных, так и недружественных слияний» (см.: Гохан П.А. Слияния, поглощения и реструктуризация компаний. М., 2004).

⁹ См.: Леонов Р. «Враждебные поглощения» в России: опыт, техника проведения и отличие от международной практики // Рынок ценных бумаг. 2000. № 24. С. 35–39; Рудык Н.Б., Семенов Е.В. Рынок корпоративного контроля: слияния, жесткие поглощения и выкупы с долговым финансированием. С. 10; Гавва Д. Недружественные поглощения // Журнал для акционеров. М., 2003. № 11. С. 42; Канонина Н.Ю. Слияния и поглощения в конкурентной борьбе международных компаний: Моногр. М., 2005; Электронный экономический словарь. <http://www.glossary.ru> и др.

¹⁰ В ноябре 2009 г. в Московском городском суде был оглашен приговор по уголовному делу так называемого «ночного губернатора» Санкт-Петербурга, известного криминального авторитета В. Барсукова-Кумарина. В нем фигурировали тринадцать эпизодов, в числе которых рейдерские захваты ЗАО «Кондитерская фабрика имени Крупской», СП «ЗАО «Петербургский нефтяной терминал», ОАО «Отель «Санкт-Петербург», ЗАО «Игристые вина», ночного клуба «Голливудские ночи» и др. Суд признал В. Барсукова-Кумарина и семерых его сообщников виновными в организации преступного сообщества, мошенничестве в особо крупном размере, легализации денежных средств, полученных преступным путем, и приговорил к длительным срокам лишения свободы (от 5 до 15 лет). В ходе расследования данного уголовного дела было установлено, что возглавляемые В. Барсуковым-Кумариным черные рейдеры, которых по версии следствия было не менее 20 чел., незаконным путем завладели имуществом и долями в уставном капитале компаний «Пушкинская» и «Магазин «Смольнинский»». За взятки, переданные сотрудникам Федеральной налоговой службы Санкт-Петербурга, им удалось внести изменения в электронную базу Единого государственного реестра юридических лиц и похитить документы. В результате они стали владельцами самого разнообразного бизнеса. Данная преступная группировка за короткий промежуток времени смогла завладеть акциями, долями, движимым и недвижимым имуществом ряда крупных коммерческих предприятий города. Затем легализовала, как указано в материалах уголовного дела, «добытое преступным путем имущество», приносящее доходы, оцененные экспертами в миллиарды рублей (см.: Федосенко В. Срок и «авторитет» // Российская газета. 2009. 13 нояб.).

¹¹ В числе негативных последствий незаконных корпоративных захватов для экономики страны специалисты называют: 1) снижение объема инвестиций; 2) снижение эффективности распределения ресурсов и использования национального богатства в экономике; 3) негативное изменение качества структуры собственности; 4) отток капитала за границу; 5) грубое нарушение института права собственности; 6) нестабильность гражданского оборота; 7) устранение конкуренции; 8) снижение эффективности захватываемого предприятия; 9) ликвидация научных учреждений и наукоемких промышленных предприятий с низкой

рентабельностью (см., напр.: Козловская А.Э. Уголовно-правовая охрана имущества юридических лиц от незаконных корпоративных захватов (криминологическое и уголовно-правовое исследование): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 18).

¹² Изучая учебную литературу экономической тематики, мы обратили внимание на то, что в ней принято выделять как минимум четыре типа слияний: горизонтальное, вертикальное, родовое, конгломератное. В числе их причин специалисты, как правило, называют личные мотивы управляющих, диверсификацию бизнеса, синергетический эффект (см., напр.: Бриггем Ю., Гапенски Л. Финансовый менеджмент (полный курс): В 2 т. / Под ред. В.В. Ковалева. СПб., 1999. Т. 2. С. 350).

¹³ Так, на практике поглощения (в том числе недружественные) могут осуществляться путем скупки акций у миноритарных акционеров либо приобретения долей у участников общества с ограниченной ответственностью и последующей смены руководства предприятия с использованием процедуры, предусмотренной федеральными законами и учредительными документами юридического лица, то есть путем реализации корпоративных прав (см.: Федеральные законы от 26.12.1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах», от 08.02.1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» и др.).

¹⁴ На эту характерную особенность корпоративного захвата безотносительно к его законной или незаконной природе обращают внимание очень немногие специалисты (см., напр.: Валуйских. Е.Г. О понятии «корпоративный захват» в современной России. http://nsaem.ru/Science/Publications/Science_notes/Archive/2008/3/480.pdf).

¹⁵ См.: Валласк Е.В. Криминологическая характеристика и программы расследования хищения путем мошенничества с использованием ценных бумаг: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 15.

¹⁶ См., напр.: Козловская А.Э. Уголовно-правовая охрана имущества юридических лиц от незаконных корпоративных захватов (криминологическое и уголовно-правовое исследование). С. 17–18.

¹⁷ См., напр.: Радыгин А.Д., Энтов Р.М. Проблемы слияний и поглощений в корпоративном секторе. М., 2002. С. 69; Волков В. Силовое предпринимательство: экономико-социологический анализ. М., 2005 и др.

¹⁸ См., напр.: Шастико А.Е. Проблемы корпоративного управления и особенности перераспределения прав контроля в России // Информационно-аналитический бюллетень фонда «Бюро экономического анализа». М., 2004. С. 15.

¹⁹ См.: <http://anticorr.ru/news/news674.html>

²⁰ См.: Российская газета. 2008. 30 янв.

²¹ См.: Бастрыкин А.И. Рейдерам почти всегда помогают чиновники органов государственной власти. <http://www.riarealty.ru/ru/article/2/62239.html>

²² См., напр.: Сычев П. Г. Рейдеры получают по заслугам // Слияния и поглощения. 2007. № 1–2. С. 104.

²³ См., напр.: Сергеев М.А. Особенности методики расследования преступлений, связанных с присвоением прав на владение и управление предприятиями и организациями (по материалам Уральского федерального округа): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2008. С. 1.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПСИХОЛОГИИ, ПЕДАГОГИКИ И СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

Пенитенциарный стресс

А.М. ЧИРКОВ – профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор медицинских наук

В статье рассматриваются узловые вопросы пенитенциарного стресса, являющегося фактором развития психогенных и психосоматических расстройств осужденных, а также основой формирования дезадаптивного поведения и правонарушений в исправительных учреждениях. Обосновывается необходимость интегративного подхода к познанию основных закономерностей развития дезадаптации осужденных на основе углубленных исследований медико-психологической, социальной и психобиологической сфер личности человека.

Ключевые слова: пенитенциарный стресс; здоровье; психопатология; психические расстройства; психосоматические заболевания; тюремная субкультура; осужденные; исправительные учреждения; ресоциализация.

Продолжение (начало в журнале № 8)

Социально-психологические и пенитенциарно-психиатрические проблемы дезадаптации правонарушителей с зафиксированными психическими расстройствами к настоящему времени достаточно хорошо изучены. Описан ряд клинически и теоретически обоснованных типологий личности осужденных, основанных на соотношении в ее структуре стенических (активность, волевые усилия, энергия и т.п.) и астенических (пассивность, истощаемость, невротическая симптоматика и т.п.) компонентов (радикалов) психического склада. Наибольшей криминогенной активностью обладают экспансивно-шизоидные, гипертимные, эпилептоидные, паранойяльные типы личности с исходной психопатологией; промежуточное положение занимают истероидные, циклоидные и эмоционально неустойчивые личности. С самой низкой криминогенностью связаны астенические типы – астено-невротические, психастенические и сензитивные¹.

Как указывают В.Ф. Трубецкой и О.И. Трифонов, криминальная агрессия в ИУ у осужденных, имеющих психические расстройства, также связана с декомпенсацией и типом психических нарушений – личностными расстройствами (параноидная, шизоидная, шизотипическая, пограничная, гастроническая, обсессивно-компульсивная, садистическая и др. личности), параноидными синдромами, органическими расстройствами (особо опасная группа осужденных), аффективными расстройствами и т.д. Во всех случаях, и особенно для лиц с психиче-

скими расстройствами, пенитенциарный стресс является мощным социально дезадаптирующим фактором повышения и потенцирования криминогенности в ИУ. Так, умышленные убийства и тяжкие телесные повреждения в ИУ различных видов режима достигают своего пика в первые два года пребывания осужденных в ИУ, а для ИУ усиленного и особого режима – в первые и последние годы (при сроке наказания до 10 лет), то есть в периоды максимального развития стрессиндуцируемой психопатологии².

Особую важность представляют данные об увеличении частоты межличностных конфликтов, их криминогенности и других правонарушений по причине пенитенциарного стресса. При отсутствии профилактики психотравмирующего влияния пенитенциарного стресса наряду с обострением различных психосоматических заболеваний в ИУ отмечаются и нарушения режима содержания – побеги, употребление наркотиков и алкоголя, резко агрессивные уголовно наказуемые деяния и другие общественно опасные действия. Девиантность поведения на определенных этапах изоляции можно рассматривать как клиническое психопатологическое выражение общего адаптационного синдрома или ПТСР: острого – в начале пребывания и хронического – в конце. Изменения психического состояния при поступлении осужденных в ИУ рассматривают в качестве острой психической травмы (острого стрессорного расстройства), связанной с социальной изоляцией, а перед освобождением – в виде хронического пенитенциарного стресса или ПТСР, связанного с истощением адаптационных механизмов³.

Появление тревожно-депрессивной и агрессивно-оборонительной реакций в виде ауто- и гетероагрессии перед освобождением из мест лишения свободы является плохим прогностическим признаком. Такие заключенные совершают повторные преступления, плохо реадаптируются к новым условиям жизни и свободы, прибегают к употреблению алкоголя и наркотиков и т.д. Так развиваются синдромы призонизации и карцеризации личности и появляются «завсегдатаи» мест лишения свободы с сформировавшимся ПТСР, что впоследствии предопределяет криминогенность их поведения⁴. Г.С. Човдырова отмечает, что быстрая и коренная ломка жизненных планов путем социальной изоляции приводит к развитию пенитенциарного стресса и порождает у человека комплекс специфических проявлений, названных «синдромом лишения свободы». В качестве наиболее стрессогенных автор отмечает следующие факторы: изоляцию как фактор лишения некоторых свобод, привычного окружения, трудовых навыков; ограничение свободы передвижения в пространстве; ограничение многих прав и некоторых физиологических потребностей; строгую регламентацию действий; необходимость общения с лицами криминального мира (для впервые осужденных возникает опасность заражения стереотипами криминального поведения); частое несоответствие мер взыскания тяжести совершенного проступка и др.; межличностные конфликты; конфликты с администрацией ИУ и др.

Считается, что многочисленные нарушения поведения осужденных пограничного характера также являются клинко-психологическими проявлениями пенитенциарного стресса. Так, многие лица, у которых выражен адаптационный синдром, длительное время посещают с разными жалобами на несуществующие болезни врачей, администрацию, пишут в различные инстанции в надежде освободиться из мест лишения свободы. Вследствие длительных и безрезультатных усилий у них развиваются агрессивные комплексы непонятых и незаслуженно обиженных людей, что выливается в асоциальное поведение с грубыми, внешне немотивированными реакциями. Осужденные совершают преступления, участвуют в организации массовых беспорядков в ИУ, отказываются от работы и могут совершить побег, несмотря на то, что до окончания срока лишения свободы осталось совсем мало времени, создавая напряженные, а подчас и опасные для жизни других заключенных и сотрудников условия существования.

Вторым по значимости после социальной депривации стрессорным фактором в пенитенциарных учреждениях является феномен так называемой тюремной субкультуры, представляющий совокупность духовных и моральных ценностей, регламентирующих и упорядочивающих неофициальную жизнь осужденных в местах лишения свободы. Уродливо социализи-

руя личность осужденных и стимулируя правонарушение, криминальная субкультура служит духовной и материальной основой существования и деятельности живущего по своим законам преступного мира⁵.

Тюремная субкультура включает специфические знания, умения, профессиональные преступные навыки и привычки, реализуемые в преступной деятельности; «философию» уголовного (тюремного) мира, отрицающую вину и ответственность за преступное деяние; особый тип индивидуального и группового нравственного и правового сознания (его основу составляют нравственный и правовой нигилизм и цинизм), оправдывающего противоправное поведение и т.д.⁶

Обладея высокой степенью референтности для личности в силу действия механизмов подражания и прессинга, тюремная субкультура выступает в качестве важного регулятора индивидуального поведения заключенного и вместе с тем является для него постоянным источником фрустрации, стресса и психологической травмы⁷. При этом она выполняет несколько функций: стратификационную, включающую нормы и правила определения статуса личности в группе в уголовном мире; поведенческую, предписывающую нормы поведения представителей уголовной «элиты», «чужих» и др.; ритуальные правил приема в уголовном (тюремном) сообществе; опознания «своих» и «чужих»; стигматизации и остракизма, разборок и наказания провинившегося члена сообщества; коммуникативную (уголовный жаргон) и др.⁸ Привлекательность тюремной субкультуры обусловлена тем, что в ней имеются возможности для самоутверждения осужденных и компенсации неудач, постигших их в обществе; ей присущи таинственность, необычность и динамичность, так как она развивается вместе с изменением характера и структуры преступности. Многие из впервые осужденных, попадая под влияние опытных преступников, начинают слепо следовать правилами тюремной субкультуры, стремятся стать «правильными пацанами» и т.д.

Представляя собой неизбежный поиск способов ослабления тяжелых условий и обретения своей роли в вынужденном сообществе, тюремная субкультура является, с другой стороны, и производной «величиной» пенитенциарного стресса, но главное, что ее характеризует, это жестокость по отношению к более слабым, отсутствие чувства сострадания, пониженная эмоциональная идентификация с членами группы, круговая порука, нечестность и двурушничество в отношении с администрацией и «чужими», паразитизм и тунеядство, вымогательство у лиц, стоящих на низшей ступени групповой иерархии, картежные игры, алкоголизм и другие факторы нравственной и физической деградации личности.

Поскольку пенитенциарный стресс в большинстве случаев сопряжен с серьезными и

даже тяжелыми клиническими состояниями, то есть заболеваниями, то с целью предупреждения излишней психологизации и социализации медицинских проблем центральными фигурами в диагностике и решении сложных и спорных вопросов в выборе тактики, стратегии и форм терапии, реабилитации сопряженных со стрессом психопатологических состояний, психических расстройств и психосоматических заболеваний естественно должны выступать специально подготовленные в вопросах пенитенциарного стресса, имеющие опыт клинической работы пенитенциарный врач и пенитенциарный психиатр, а никак не психолог, воспитатель или социальный работник. В то же время именно на пенитенциарных психологов, педагогов и социальных работников в настоящее время ложится ответственность за своевременную диагностику и психолого-педагогическое сопровождение заключенных в процессе их жизнедеятельности в ИУ. При этом многие психологи, воспитатели и другой персонал в большинстве случаев не в состоянии квалифицированно и своевременно диагностировать различные формы и последствия пенитенциарного стресса. Это связано с серьезными методическими трудностями его диагностики, сопряженностью стресса с многообразием клинических форм не только психопатологии, но и многих заболеваний внутренних органов, а также с тем, что под влиянием пенитенциарного стресса у заключенных происходят изменения клинических проявлений как индуцируемых стрессом различных психических расстройств, так и значительные сдвиги, «смазывание», «затушевание» клинической картины исходных психических и психосоматических нарушений. Несмотря на широкий арсенал используемых психологами методов диагностики стресса, до сих пор практически отсутствуют объективные методы оценки стресса и степени его патогенного влияния на различные системы и функции организма. Даже в современной клинической медицине далеко не всегда правильно диагностируются различные стрессиндуцируемые патологические состояния психики, поведения и различные формы заболеваний психосоматической природы. Определение устойчивости к действию того или иного стрессора требует еще более сложных диагностических методов, критериев и маркеров на стыке психо-, нейро-, иммуноэндокринологии и т.д.⁹

Несмотря на большое количество литературы о стрессе и его роли в пенитенциарной системе, многие его аспекты практически остаются без освещения как в плане диагностики, так и коррекции, профилактики и терапии. Частично проблема стресса рассматривается в учебных курсах «Основы психиатрии», «Основы психотерапии», «Психологии экстремальных ситуаций» и др. Однако, как показывает практика, у курсантов в большинстве случаев не удается сформировать глубоких и верных представлений о проблеме стресса и его последствиях, что, по

всей видимости, связано с фрагментарностью излагаемого по данной теме материала.

В настоящее время можно говорить не только о необходимости разработки специального курса «Основы пенитенциарной стрессологии», появлению которого давно является насущной необходимостью как для подготовки сотрудников всей пенитенциарной службы, так и для создания нового раздела науки – социальной стрессологии. Являясь междисциплинарной наукой, последняя должна быть сформирована на стыке философии, социологии, психологии, медицины и других наук. Актуальность такого подхода подтверждается позитивным опытом создания А.В. Пищелко и Д.В. Сочивко пенитенциарной антропологии для углубленного понимания природы личности преступника и мотивов его поведения, а также пенитенциарной медицины с целью понимания психофизиологических механизмов поведения личности преступника и преступной личности.

Знание патогенетических механизмов развития стресса и формирующихся на его основе нарушений психических процессов поведения и деятельности физиологических систем позволяет не только прогнозировать динамику функциональных психологических состояний осужденных, но и эффективно стимулировать процессы совладания со стрессом с целью исправления и духовного развития личности. Теоретический анализ ФС пенитенциарной системы в целом с позиции ГЕ мироздания позволяют заключить, что именно информационная составляющая тюремной субкультуры, представляющая АД, является основным и крайне мощным деструктивным и одновременно стрессиндуцирующим фактором, нивелирующим эффективность любых педагогических программ и концепции ресоциализации осужденных. Противодействие этих ФС с их особым деморализующим АД всего позитивного и гармоничного в едином поле ГЕ и составляет сущность социальной коллизии, преодоление которой требует радикального переосмысления целого ряда методологических построений, понятий, подходов и т.д. В первую очередь это касается таких современных, динамических и системных понятий, как здоровье и адаптация. Так, вычленение, гипертрофия или игнорирование (как это часто представляется в правозащитной литературе) какой-либо составляющей (соматической, социальной и др.) такого целостного процесса и явления, каким является здоровье, ни в коей мере не должно нивелировать системообразующее целеполагание деятельности сотрудников ИУ, направленное на исправление и нравственно-духовное совершенствование осужденных, которое и составляет важнейший показатель нравственного, психологического и психического здоровья. В связи с этим понятие «социальная адаптация» в пенитенциарной системе как приспособление личности к новым условиям жизнедеятельности в микросоциуме осужденных, по сути, скорее

означает не сохранение, а напротив, понижение уровня и качества здоровья, по крайней мере, его нравственного и духовного компонентов.

Обращение к фундаментальным медико-биологическим закономерностям протекания стресса и деятельности здорового и больного мозга позволит не только сократить избыточность «размаха» батарей эмпирических данных по социально-психологической типологии осужденных, но и приблизиться к построению адекватной научной базы для истинного понимания таких многогранных и сложных процессов, какими являются адаптация осужденных к ИУ, пенитенциарная и стрессорная патология, стрессоустойчивость, стратегия совладания с действием социальной депривации и др.

Введение в учебную практику курса «Основы пенитенциарной стрессологии», построенного на современных научно-методологических принципах анализа социальной сущности основных нейро- и психобиологических закономерностей деятельности здорового и больного мозга, позволит курсантам, а следовательно, и будущим специалистам-психологам, социальным работникам не только с большей эффективностью участвовать в процессах исправления и ресоциализации осужденных, но и адекватно использовать имеющиеся личностные ресурсы и различные стратегии совладающего поведения с целью повышения устойчивости к стрессу личного персонала ИУ.

Вопросы профилактики и коррекции пенитенциарного стресса, особенно его тяжелых клинических форм, напрямую связаны с организацией охраны здоровья в местах лишения свободы. В свою очередь многие аспекты охраны здоровья в России также требуют своего разрешения. Это касается несовершенства правовой базы, ухудшения общей криминогенной обстановки в ИУ, недостаточного обеспечения высококвалифицированными кадрами и необходимым оборудованием и т.д., дефицита материальных, финансовых и иных ресурсов, усложнения межведомственных связей, увеличения удельного веса работ высокой квалификации. Ситуацию осложняют большое число чрезвычайных ситуаций, увеличение численности больных активной формой туберкулеза, ВИЧ-инфицированных и т.д.¹⁰

К наиболее значимым проблемам в области обеспечения охраны здоровья осужденных следует отнести недостаточное финансирование медицинского обеспечения осужденных и отсутствие единой нормативно-правовой базы, регулирующей охрану их здоровья. Явным пробелом при этом остается правовая и медицинская регламентация вопросов, связанных с оценкой и диагностикой пенитенциарного стресса и формирующейся на его основе психопатологии. Более того, неоднозначность правового значения понятия изоляции в юридическом аспекте, несмотря на его активное использование в уголовном и уголовно-исполнительном праве, дает

основание утверждать, что изоляция не должна ограничивать права осужденных на охрану здоровья. Право на охрану здоровья осужденных закреплено в ст. 41 ч. 3 Конституции Российской Федерации и Законе РФ «Об охране здоровья граждан», а также в Основах законодательства об охране здоровья граждан и должно обеспечиваться всеми возможными для государства средствами, включая охрану окружающей природной среды, создание благоприятных условий труда, быта, досуга, предоставление доступной медико-санитарной помощи и т.д.

Порядок оказания осужденным медицинской помощи, организации и проведения санитарного надзора, использования лечебно-профилактических и санитарно-профилактических учреждений органов здравоохранения и привлечения для этих целей их медицинского персонала устанавливается законодательством Российской Федерации, нормативными правовыми актами ФСИН России (ст. 101 УИК РФ) и Министерства здравоохранения Российской Федерации, которые в целом соответствуют ч. 1 ст. 25 Всеобщей декларации прав человека, где указывается, что каждый человек имеет право на такой жизненный уровень, медицинский уход и социальное обслуживание, которые необходимы для поддержания здоровья и благосостояния его самого и его семьи. Изолируя преступника от общества и помещая его в специально созданное исправительное учреждение, государство берет на себя обязанность не просто исполнять наказание, но и сохранять при этом его здоровье.

В этой связи в ст. 101 УИК РФ, ст. 2 и 13 Закона «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы», других нормативных актах охрана здоровья осужденных определяется как одна из важнейших задач деятельности администрации исправительных учреждений, которая обязана обеспечить их конституционное право на охрану здоровья и медицинскую помощь.

Медико-санитарное обеспечение осужденных основывается на тех же принципах и осуществляется в тех же объемах, что и в отношении всех остальных граждан, что свидетельствует о правовом закреплении принципа гуманизма в уголовно-исполнительной политике России.

Следует отметить, что законодательство (ст. 81 УК РФ) предусматривает три вида оснований освобождения от отбывания наказания по болезни: психическое расстройство; заболевание иной тяжелой болезнью; заболевание военнослужащего, делающего его негодным к военной службе. Известно, что психическое расстройство, лишаящее лицо возможности осознавать характер и общественную опасность своих действий, являясь тяжелой болезнью, служит основанием для освобождения осужденного от отбывания наказания и принудительных мер медицинского характера. Этот вид освобождения является обязательным. Однако при заболевании иной тяжелой болезнью суд при рас-

смотрении вопроса об освобождении учитывает и характер болезни, и тяжесть совершенного преступления, и личность осужденного, а также другие обстоятельства дела. Такое освобождение является лишь возможным. Источником данной нормы является слияние норм медицинского и уголовного права. Перечень болезней, могущих служить основанием для освобождения, утверждает Министерство здравоохранения и Министерство юстиции России (ч. 5, 6 ст. 175 УИК РФ). Следует отметить, что данный аспект пенитенциарной теории и практики еще далек от своего правового решения и является одним из наиболее злободневных и ключевых вопросов защиты прав и охраны здоровья осужденных. Одной из важнейших проблем пенитенциарной медицины, психиатрии, психологии и уголовного права является проблема пенитенциарного стресса и индуцируемых им серьезных психических и психосоматических расстройств. Более того, пенитенциарный стресс не только приводит к развитию тяжелой психопатологии и целого ряда заболеваний, но и, усиливая криминогенную ситуацию, препятствует исправлению и ресоциализации осужденных. Поскольку в настоящее время стресс и ПТСР включены в Международный классификатор психических расстройств (МКБ-10), то данному вопросу следует уделить более серьезное внимание как в медицинском, так и в правовом аспектах.

Следовательно, российское уголовно-исполнительное законодательство в вопросах, связанных с охраной здоровья осужденных, основывается в большей степени на национальных правовых традициях, чем на международно-правовом опыте, причем национальный элемент является преобладающим, а институциональные механизмы рецепции международных норм в национальное право разработаны и реализуются весьма слабо. При этом возможность реализации права на охрану здоровья осужденных связана с рядом до конца не решенных вопросов нормативного характера, включающих несоответствие национального законодательства международным стандартам, наличие пробелов и коллизий в законодательстве, а также неадекватное регулирование содержания прав и свобод осужденных на уровне подзаконных актов и т.д.

Основополагающими для теории и практики любой цивилизованной пенитенциарной системы должны быть принципы, изложенные в ч. I Европейских пенитенциарных правил 2006 г., которые указывают, что содержание осужденных в условиях, ущемляющих их права человека, не может быть оправдано нехваткой ресурсов; жизнь в местах лишения свободы должна быть, насколько это возможно, приближена к жизни в обществе; а лишение свободы должно быть организовано таким образом, чтобы способствовать возвращению осужденных в общество. При этом международно-правовые акты, как правило, не определяют, каким образом государство долж-

но выполнять принятые обязательства. Государства, признавшие международные стандарты в области прав и свобод человека, берут на себя обязанность уважать и охранять права, свободы и законные интересы осужденных наравне с другими гражданами и лицами, находящимися под юрисдикцией государства¹¹.

Осужденные, вне зависимости от характера их преступления, сохраняют за собой «право на наивысший достижимый уровень физического и психического здоровья». Кроме того, «заключенные должны иметь возможность пользоваться медицинским обслуживанием без дискриминации в связи с их юридическим положением». В каждом учреждении, исполняющем наказания, должны быть обеспечены: консультации амбулаторных больных, оказание неотложной помощи, запас необходимых лекарств и препаратов, специальные диеты, которые необходимы по медицинским показаниям¹².

Таким образом, можно заключить, что осужденные, находящиеся в местах лишения свободы, испытывают действие многофакторного, так называемого пенитенциарного стресса, приводящего к нарушению общего здоровья и развитию психических, соматоформных (психосоматических) расстройств и патологическому поведению, включая и его криминальные формы. Наиболее тяжелые последствия пенитенциарного стресса следует ожидать у подростков и осужденных пожилого возраста, что отражает общую биологическую закономерность меньшей устойчивости к стрессу лиц незрелого и пожилого возраста. Все это, включая широкий спектр стресс-индуцированной пенитенциарной психопатологии в виде апатии, депрессии, суицида или, напротив, гетероагрессии, ПТСР и др., явно противоречит основной цели ИУ – исправлению и ресоциализации осужденных, нарушает их права и гарантии в сфере реализации личностных и социальных прав по охране здоровья.

В связи с этим комплекс юридических и медико-биологических аспектов, связанных с уточнением правовых аспектов причинения ущерба здоровью от действия пенитенциарных стрессов требует самого пристального внимания и разрешения. Данная научно-практическая проблема как в отечественной, так и в зарубежной пенитенциарной практике остается неразработанной.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Алферов Ю.А., Козюля В.Г. Деадаптация и стрессоустойчивость человека в преступной среде: Учеб. пособие. Дододедово, 1996.

² См.: Каретников И.В. Личность осужденного как объект профилактического воздействия ИТК // Личность осужденных и вопросы их исправления и перевоспитания. М., 1986. С. 81.

³ См.: Човдырова Г.С. Проблемы стресса, психической деадаптации и повышения стрессоустойчивости личности в условиях социальной изоляции // Тюремная библиотека. Вып. 4. С. 127.

⁴ См.: Там же. С. 178–213.

⁵ См.: Олейник А.Н. Тюремная субкультура в России: от повседневной жизни до государственной власти. М., 2001. С. 324; Сухов А.Н. Криминогенное общение в среде осужденных. Рязань, 1993. С. 75–120; Ушатиков А.И., Казак Б.Б. Основы пенитенциарной психологии: Учеб. / Под ред. С.Н. Пономарева. Рязань, 2001. С. 230–370.

⁶ См.: Антонян Ю.М., Михлин А.С. Гуманизация и дифференциация условий содержания осужденных // Государство и право. 1997. № 7. С. 27–113; Быков В.М. Криминалистическая характеристика преступных групп. Ташкент, 1986. С. 124–224. Бартол К. Психология криминального поведения. СПб.; М., 2004. С. 235; Блекборн Р. Психология криминального поведения. М., 2004. С. 45–156.

⁷ См.: Пирожков В.Ф. Криминальная психология. М., 2001. С. 516–601; Он же. Криминальная субкультура: психологическая интерпретация функций, содержания, атрибутики // Психологический журнал. 1994. С. 44–47.

⁸ Он же. Криминальная психология. С. 46.

⁹ Феномен насилия (от домашнего до глобального): Взгляд с позиции пренатальной и перинатальной психологии и медицины / Под ред. проф. Г.И. Брехмана и проф. П.Г. Федор-Фрайберга. СПб.; Хайфа, 2005.

¹⁰ См.: Голодов П.В. Правовое регулирование и организация деятельности руководителя учреждения уголовно-исполнительной системы: Моногр. Вологда, 2007; Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы (январь–декабрь 2004). С. 93.

¹¹ См.: Минимальные стандартные правила обращения с заключенными (приняты 30.08.1995) // Защита прав человека в местах лишения свободы: Сб. норм. актов и офиц. документов. М., 2003. С. 23–34.

¹² См.: Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах // Международные акты о правах человека: Сб. документов / Сост. В.А. Карташкин, Е.А. Лукашева. 2-е изд., доп. М., 2002. С. 46–47.

Особенности временной перспективы личности осужденных мужчин, имеющих наркотическую зависимость

Е.С. ЛОБАНОВА – старший преподаватель кафедры общей психологии ВИПЭ ФСИН России, кандидат педагогических наук;

А.А. МИХАЙЛОВА – психолог МРУИИ № 1 УФСИН России по Новгородской области

В статье рассматривается феномен временной перспективы личности и механизмы его формирования, в частности, под влиянием фактора наркотической зависимости. На основе сравнительного анализа представлений о времени и образе себя в прошлом, настоящем и будущем различных категорий мужчин, осужденных к лишению свободы, дается характеристика некоторых аспектов временной перспективы наркозависимых осужденных и определяются возможности ее коррекции в условиях психологического сопровождения процесса отбывания наказания.

Ключевые слова: временная перспектива личности; Я-концепция; образ мира; образ Я; идентичность; наркозависимость; социальное время; надличностное время; индивидуально-личностное время.

Понятие временной перспективы в психологии применяется для обозначения актуальных представлений субъекта о своем прошлом, настоящем и будущем, включающих образ себя и окружающего мира во временном пространстве. Аспекты временной перспективы разнообразными способами вплетаются в наше поведение и определяют некоторые его особенности. По мнению Н.Н. Толстых, данный феномен является проекцией мотивационной сферы человека и представляет собой в разной мере осознанные надежды, планы, проекты, стремления, опасения, притязания, связанные с различными жизненными периодами¹.

Исследованию проблемы временной перспективы посвящены работы К. Левина, Б.Г. Ананьева, К.А. Абульхановой-Славской, Л.С. Выготского, Е.И. Головахи, В.И. Ковалева, А.А. Кроника,

Н.Н. Толстых, Ж. Нюттена, П.И. Яничева, В. Франкла и др. Специфику сочетания прошлого, настоящего и будущего в структуре формирования личности изучали П.И. Яничев, Б.М. Петухов и др. Факты, выявленные некоторыми учеными, позволяют констатировать, что временная перспектива чрезвычайно варьируется у разных людей в зависимости от возрастных, индивидуальных особенностей, социальных, психологических факторов развития. Следовательно, можно предположить, что представления о времени и себе во временной проекции у людей, имеющих зависимость от психоактивных веществ и находящихся в условиях временной изоляции, имеют отличительные характеристики и в определенной мере опосредуют содержание самосознания, мотивационной, волевой, ценностной сфер. Знание таких особенностей поможет более точно

спланировать программу психологического сопровождения указанной категории осужденных. Формирование адекватной временной перспективы личности будет способствовать повышению эффективности процесса ресоциализации осужденных.

В рамках рассмотрения проблемы, касающейся временной перспективы личности, важно остановиться на таких моментах, как Я-концепция и идентичность личности. Я-концепция – динамическая система представлений человека о самом себе, включающая осознание своих физических, интеллектуальных и прочих свойств, самооценку, субъективное восприятие влияющих на собственную личность внешних факторов. Ее часто определяют как совокупность установок, направленных на себя, выделяя в структуре три элемента:

- когнитивный – образ Я (характеризует содержание представлений о себе);
- эмоционально-ценностный, аффективный (отражает отношение к себе в целом или к отдельным сторонам своей личности, деятельности и проявляется в системе самооценок);
- поведенческий (характеризует проявления первых двух компонентов в поведении).

Я-концепция является целостным образованием, все компоненты которого, хотя и обладают относительно самостоятельной логикой развития, тесно взаимосвязаны. Она имеет осознаваемый и неосознаваемый аспекты. Осознание времени своего существования выступает важным дополнением к осознанию собственной идентичности. Значимым в этом отношении представляется отождествление себя не только с другими людьми, но и с временным промежутком истории, в котором протекает твоя жизнь. Усвоение стандартов общества помогает человеку ориентироваться в мире и адекватно действовать в нем, но не менее важно для него и усвоение стандартов времени. Е.И. Головаха и А.А. Кроник полагают, что в сознании человека формируется определенная система обобщенных представлений о времени. Ее можно назвать концепцией времени личности в масштабах ее жизни². Другие авторы, анализируя мироощущение человека в различные исторические эпохи, также констатируют наличие определенного образа времени как одной из фундаментальных составляющих образа мира.

Существует ряд экспериментальных исследований, выясняющих влияние психофизиологических, личностных, социальных факторов на оценку длительности временных интервалов, обусловленную событийной насыщенностью того или иного отрезка времени. Различная временная перспектива личности возникает потому, что время разного масштаба задано личности определенными границами психологического поля в данный момент. Человек не только видит свое настоящее, но имеет всегда определенные ожидания, то есть планы, надежды, страхи, мечты о будущем. Вместе с тем временная

перспектива включает в себя и психологическое прошлое человека. Именно поэтому она крайне важна для определения уровня притязаний, настроения, проявления инициативы и характера активности личности³. Необходимо отметить, что значимым компонентом образа мира являются представления о характере отношений между произошедшими, происходящими и предстоящими событиями собственной жизни человека в соотношении с событиями жизни общества. Это и дает основания рассматривать проблему временной идентичности личности. Она заключается в том, что для человека раскрывается перспектива помещать себя в различные категории не только в силу того, что он одновременно является членом различных групп, но и потому, что он способен увидеть различия в своей групповой принадлежности на разных этапах жизни.

Переходя к анализу временной перспективы наркозависимых осужденных, важно обозначить психологические изменения, которые происходят с человеком, имеющим подобный вид зависимости. Наркомания многогранна, ее формы непосредственно зависят от свойств наркотика, который употребляет человек. Однако на развитие наркомании влияют не столько свойства веществ, изменяющих состояние сознания, сколько личность субъекта и потребности, которые он стремится удовлетворить путем употребления наркотических веществ.

При злоупотреблении наркотическими веществами формируются специфические черты поведения и образа жизни. Употребление наркотиков приводит к кардинальному изменению отношений человека с собой, другими людьми, окружающим миром. Происходит искажение образа мира, изменение временной перспективы, лежащей в основе существования человека, его мировидения, мировосприятия⁴.

Самооценка у наркозависимых носит нестабильный характер – от неадекватно завышенной до неадекватно заниженной. У них нарушено равновесие между потребностями и возможностями. Отмечается высокая тревожность этой категории в отношении настоящего, будущего, жизненной перспективы в целом, такие люди не могут реализовать в жизни свои влечения. У наркозависимых проявляется нарушение перспективы Я, при котором человек реально не осознает связи между тем, что он делает здесь и сейчас, и последствиями своих действий. Он также не видит дальних перспектив своей жизни в целом⁵. Употребление наркотиков приводит к непосредственному изменению реальности и одновременно изменению представлений о мире. Эти факторы воздействуют на сознание, стремления, цели и соответственно проявляются в деятельности, поведении человека.

Основываясь на известных науке и практике знаниях об изменении аспектов временной перспективы личности наркозависимого, мы провели эмпирическое исследование с целью изучения особенностей указанного феномена у

осужденных мужчин, имеющих наркотическую зависимость. В соответствии с целью исследования были сформулированы задачи:

1. Определить представление о собственной личности у осужденных мужчин, имеющих наркотическую зависимость, при субъективном восприятии ими себя в прошлом, настоящем и будущем.

2. Выявить оценку времени жизни осужденными, актуальность для них идеи времени, отношение к времени.

3. Провести сравнительный анализ основных характеристик временной перспективы у наркозависимых и здоровых осужденных.

В ходе исследования использовались такие эмпирические методы, как анализ документов (медицинской карты, индивидуальной карточки осужденного), тестирование, проективный метод, метод математической статистики (критерий Манна-Уитни), методы качественного анализа и интерпретация результатов.

Для реализации задач исследования применялись следующие методики:

1. Методика личностного дифференциала (ЛД), адаптированная в НИИ им. В.М. Бехтерева. Методика разработана на базе современного русского языка и отражает сформировавшиеся в нашей культуре представления о структуре личности. ЛД может быть использован в тех случаях, когда необходимо получить информацию о субъективных аспектах отношений испытуемого к себе или другим людям. Шкалы ЛД заполнялись испытуемыми с инструкцией оценить самих себя по отобранным чертам личности. При этом им предлагалось сделать это три раза: вспоминая себя в прошлом, анализируя в настоящем и представляя в будущем.

2. Методика «Нарисуй время», которая позволяет графически представить актуальную для субъекта идею времени, а также отношение субъекта к своей концепции времени или, точнее, отношения субъекта со временем.

Исследование проводилось на базе мужской колонии строгого режима ИК-7 (г. Великий Новгород). Выборка была представлена двумя группами мужчин, осужденных к лишению свободы, по 40 человек в каждой. Возрастной диапазон – от 20 до 50 лет, основная часть испытуемых находилась в возрасте от 30 до 39 лет. В экспериментальную группу вошли мужчины, имеющие наркотическую зависимость и отбывающие наказание по ст. 228 УК РФ, в контрольную – не имеющие наркотической зависимости, но также отбывающие наказание по ст. 228 УК РФ.

Диагностика изучаемых параметров при помощи выбранных методик позволила дать характеристику аспектов временной перспективы участников исследования. Можно констатировать, что в целом образ себя у наркозависимых осужденных во всех трех временных периодах является положительным, причем в будущем он представляется более позитивным. Причинами этого могут выступать: неадекватность оценки

себя ввиду сознательного стремления казаться в глазах окружающих лучше, чем есть на самом деле, действие психологического механизма защиты в виде отрицания реально сложившейся ситуации или высокая самооценка. Судить о степени адекватности восприятия себя осужденными довольно сложно, поскольку отсутствуют информация о личностных особенностях респондентов и их оценка, основанная на результатах наблюдения других людей.

Наркозависимые осужденные обнаруживают нарушение временной перспективы. Это подтверждается тем, что большинство из них не смогли либо не захотели отразить прошлое, наполнить его хоть каким-то содержанием, событиями. Некоторые описали прошедшее как период, связанный с употреблением наркотиков. Все это свидетельствует о несостоятельности этого этапа жизни для испытуемых, о том, что он не привнес ничего положительного в настоящее, только разочарования и неприятные воспоминания. Будущее также не отражается, представляется неведомым, неизвестным. Возможно, наркозависимые осужденные боятся строить планы на будущее или даже не видят смысла в этом, некоторые словами подтверждают, что его для них нет. Таким образом, настоящее у рассматриваемой категории осужденных не имеет связи ни с прошлым, ни с будущим. Значительная часть испытуемых, входящих в экспериментальную группу, отобразила идею цикличности времени, того, что человек над временем не властен, тем самым опять же заняв пассивную позицию, плывя по течению жизни, не ценя ее, считая, что колония и зависимость – это две преграды, которые нельзя преодолеть, особенно когда они совпали в одном временном периоде.

Для здоровых осужденных доминирующим является представление о времени как социальной, линейной, конечной величине, где существуют начальная и финальная точки отсчета, ими подчеркивается необратимость его течения от прошлого к настоящему и будущему. При этом значимое место занимают воспоминания о личной жизни и планы. Временной образ представителей этой группы не статичен, он меняется: в сравнении с прошлым и настоящим, и будущее представляются в более позитивном контексте. Выявлено, что у здоровых осужденных временная перспектива имеет целостную структуру, то есть временные периоды взаимосвязаны: отталкиваясь от прошлого, представители этой группы прогрессируют, видя линию своего развития через настоящее в будущее. Каждый из временных периодов имеет место быть, отчетливо отображается их взаимосвязь, присутствует плавный переход от одного к другому, актуальность наиболее значимого события прослеживается на всех трех этапах. Здоровые осужденные обладают умением, исходя из воспоминаний, отражать наиболее значимые события прошедшей жизни, фиксируя переход в настоящее с четкими целями и устремлением в

будущее. Настоящее большинству испытуемых, входящих в контрольную группу, представляется наименее позитивным этапом жизни (в силу пребывания в исправительном учреждении, оторванности от семьи, близких, своего любимого дела, работы). При этом будущее видится положительным ввиду наличия планов на дальнейшую жизнь и стремления к их реализации.

На основе теоретического анализа проблемы и результатов эмпирического исследования возможно сформулировать некоторые основные выводы. Временная перспектива – это целостное восприятие отношений между прошлым, настоящим и будущим, которые в свою очередь состоят из событий, происходящих в жизни человека, имеющих для него определенную значимость. Чем большим количеством событий человек наполняет указанные временные периоды, тем ярче, полноценнее, содержательнее и осмысленнее для него существование. Временная перспектива подвергается изменению, в том числе в результате приема наркотических веществ, приводящего к зависимости. В спектре социальных факторов факт отбывания наказания в виде лишения свободы присутствует, отражаясь в сфере представлений о личном времени респондентов. Однако результаты сравнительного анализа временной перспективы различных категорий осужденных позволяют утверждать, что наиболее значимым толчком к ее нарушению является зависимость от наркотических средств.

По мнению ученых, временная перспектива поддается коррекции, восстановление отношений между прошлым, настоящим и будущим возможно. Поэтому на основании проведенного исследования целесообразно сформулировать рекомендации психологам исправительных учреждений по вопросам содержания основных направлений деятельности, касающейся коррекции временной перспективы наркозависимых осужденных:

1. Ориентирование указанной категории осужденных на процесс самопознания с учетом представлений о себе в разные временные периоды, направленный на оценку своих возможностей и перспектив в рамках саморазвития.

2. Психологическое консультирование осужденных по результатам психодиагностики, способствующее уточнению информации, касающейся особенностей их личности. Объяснение

того, на что следует обратить внимание в данный период жизни, какими психологическими особенностями они обладают, при развитии и осознании каких качеств будут гармонично чувствовать себя в окружающем мире.

3. Ориентация на занятие активной жизненной позиции, в том числе в процессе принятия самостоятельных решений в сфере выбора жизненных приоритетов, целей, способов саморазвития.

4. Формирование позитивной самооценки и образа себя в настоящем с учетом реальных условий своего развития в будущем.

5. Прогнозирование будущего исходя из содержания настоящего и прошлого наркозависимого на основе принципа активности. При помощи психолога осужденный должен самостоятельно наметить развитие своего будущего – основные цели, желаемые события.

6. Формирование аспектов социального времени в представлениях осужденных с целью осознания ими важности настоящих фактов для развития будущего, уяснения взаимосвязи временных этапов, принятия ответственности за собственное будущее.

7. Использование как индивидуальной, так и групповой форм коррекции временной перспективы личности.

Результаты проведенного исследования могут представлять интерес для психологов психологических лабораторий, социальных работников, начальников отрядов, то есть специалистов, которые осуществляют с осужденными постоянную работу, связанную с социально-психологическим процессом их ресоциализации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Григоровская Н.Ю. Типологические особенности времени личности // Психология личности. Новые исследования. М., 1998. С. 222–239.

² См.: Головаха Е.И., Кроник А.А. Понятие психологического времени // Категории материалистической диалектики в психологии / Под ред. Л.И. Анциферовой. М., 1988. С. 199–215.

³ См.: Абульханова-Славская К.А. Психология и сознание личности (Проблемы методологии теории и исследования реальной личности) // Избранные психологические труды. М.; Воронеж, 1999. С. 25–31.

⁴ См.: Белинская Е.П. Временные аспекты Я-концепции и идентичности // Мир психологии. 1999. № 3. С. 141–142.

⁵ См.: Ранняя диагностика злоупотребления психоактивными веществами в практике военно-врачебной экспертизы: Метод. указания. М., 2000. С. 10–32.

О развитии института социально-правовой защиты сотрудников УИС средствами специального внутреннего разбирательства их дел по допущенным нарушениям служебного характера

О.Г. АНАНЬЕВ – старший преподаватель кафедры социальной психологии и социальной работы Академии права и управления ФСИН России (г. Рязань)

В статье рассматриваются проблемы социально-правовой защиты сотрудников УИС в контексте нового направления пенитенциарной социальной работы – социальной работы с персоналом. Проведен анализ проблем кадровой политики исправительных учреждений, предложена и обоснована новаторская форма их решения – создание апелляционной дисциплинарной комиссии (описаны ее полномочия и общая технология работы).

Ключевые слова: служебные нарушения; властно-управленческая деятельность; социально-правовая защита сотрудников УИС; апелляционная дисциплинарная комиссия.

Анализ нарушений служебного характера, допущенных сотрудниками УИС, показывает, что часть лиц, обвиненных в их совершении, негативно отзываются об объективности не только проведенных разбирательств, но и принятых по ним окончательных решений (наложение дисциплинарных взысканий или увольнение по отрицательным мотивам).

Все это порождает недовольство и жалобы, особенно со стороны младшего и среднего начальствующего состава, а также гражданского населения, имеющего отношение к деятельности УИС (родственники сотрудников зачастую работают или проходят службу здесь же). Люди сетуют на несправедливость, отсутствие механизмов, реально позволяющих противодействовать появлению тенденциозных и субъективистских решений.

Расточительством государственных средств можно назвать случаи увольнения по субъективным причинам специалистов-профессионалов, на подготовку которых были потрачены немалые деньги. Однако подобные решения принимаются, без промедления утверждаются вышестоящими кадровыми структурами, при этом мало кто задумывается о необходимости возмещения затрат на обучение (исключение, конечно, должны составлять лица, совершившие преступные действия). При незначительных нарушениях служебного характера и проведении соответствующей кадрово-воспитательной работы сотрудники могли бы еще проходить службу, но, как правило, в таких случаях принимаются крайние меры (увольнение)¹. В то же время существует практика, когда на освободившиеся места по протекции назначаются лица, не имеющие необходимой профессиональной подготовки, состоящие в родстве с «нужными» людьми либо способные на проявление личной преданности тому или иному руководителю. Производятся назначения на ответственную работу молодых

специалистов, чья компетентность недостаточна, и очевидно, что эти решения принимаются с учетом возможностей назначаемых незамедлительно выполнять любые устные распоряжения вышестоящих руководителей без нравственной или правовой оценки. С другой стороны, начальникам, назначившим молодого сотрудника, предоставляется потенциальная возможность возложить на него всю вину в случае неудач (провалов) на соответствующем направлении работы. Как показывает практика, такой специалист продолжительное время не проявляет какой-либо инициативы в службе. Сказывается отсутствие опыта генерирования новых идей, принятия решений и организации их исполнения.

Беседы на данную тему с сотрудниками показывают, что негативным фактором, обуславливающим субъективизм при принятии различных неправомерных решений на уровне руководства территориальных органов и учреждений УИС, многие считают систему единоначалия, которая не предусматривает использования форм демократического общественного контроля за деятельностью руководителей того или иного уровня. Так, в отдельных регионах (территориальных органах УИС) существует практика проведения только оперативных совещаний под руководством администрации, в то время как такой институт демократии, как общее собрание сотрудников, где могут быть высказаны критические замечания в адрес руководителей, а принятые решения могут предусматривать те или иные мероприятия, направленные на противодействие различным злоупотреблениям с их стороны, незаслуженно забывается.

Обсуждение случаев злоупотребления властными полномочиями позволяет сотрудникам делать выводы о руководителях: власть над людьми дает им возможность не только несправедливо, но и вопреки нормативным требовани-

ям принимать решения по вопросам служебного характера. При этом отмечается не только множественность злоупотреблений, но и их разнообразие – от корыстных до психологического воздействия на тех или иных лиц. Вышесказанное может быть следствием социализации не сформированных нравственных представлений руководителя при принятии управленческих решений и выстраивании своего поведения вопреки требованиям правил организационной культуры.

Исследуемая практика дискредитирует властно-управленческую деятельность вообще, влияет на оценку и характеристику УИС, а также восприятие системы населением, реализацию принципов законности, объективности и справедливости в деятельности ИУ. Обращение сотрудника УИС за восстановлением справедливости в судебные инстанции может закончиться увольнением со службы под благовидным или неблагоприятным предлогом, поэтому туда почти и не обращаются.

Низкая эффективность деятельности УИС вынуждает предпринимать шаги для поиска и реализации определенных механизмов, позволяющих сотрудникам и общественности надеяться на возможность изменения существующей ситуации.

Важность решения данной задачи подтверждается также необходимостью борьбы с коррупцией в УИС в связи с требованиями законодательства, а также выполнением указаний Президента Российской Федерации Д.А. Медведева о социальной защите сотрудников правоохранительных органов².

Отсутствие демократических институтов, в частности профсоюзных организаций начальствующего состава УИС, также негативно сказывается на возможности осуществления социально-правовой защиты сотрудников, обвиняемых в совершении нарушений служебного характера.

В целях дальнейшего развития демократических начал и решения вопроса о создании специального механизма, способного обеспечить социально-правовую защиту сотрудников УИС, которым инкриминируются противоправные либо аморальные действия при исполнении служебных обязанностей, целесообразно ввести в деятельность территориальных управлений ФСИН России институт апелляционных дисциплинарных комиссий (АДК). Комиссии представляют собой общественно-апелляционную инстанцию, в которую может обратиться сотрудник за восстановлением справедливости в случае, если в отношении его имело место тенденциозное разбирательство, а принятое решение влечет определенные негативные социально-правовые последствия и отражается на социальном положении его самого и его семьи. АДК могли бы также рассматривать апелляции сотрудников по вынесенным в отношении их неправомерным наказаниям, необъективно

составленным служебным документам (аттестации), справкам по результатам проверок, по итогам которых приняты решения о наложении дисциплинарных взысканий.

Опросы показывают, что сотрудники недовольны невыплатой премий без письменных обоснований, снятием с очереди на жилье, невыдачей жилищного сертификата, произведенными удержаниями в счет возмещения ущерба, якобы причиненного неправомерными действиями. Введение института АДК позволит служащим, в отношении которых вынесены заведомо тенденциозные обвинения, делать опровержения и восстанавливать свой социально-нравственный статус в особой профессиональной среде, где важнейшими факторами, влияющими на возможность дальнейшего прохождения службы, являются авторитет и уважение сослуживцев.

Необходимо помнить, что, боясь негативных последствий, далеко не все сотрудники УИС решаются обжаловать действия вышестоящих руководителей в суде. Следовательно, введение института АДК необходимо рассматривать как создание специальной процедуры внутреннего разбирательства по тем решениям, которые были приняты неправомерно именно руководителями территориальных органов и учреждений УИС и носят явно субъективный характер.

Предполагается, что участие в разбирательствах дел сотрудников, обратившихся за восстановлением справедливости, должно осуществляться теми людьми, которые будут избраны на общих собраниях подразделений УИС и включены в список лиц для участия в деятельности АДК. Для рассмотрения конкретного дела на АДК заинтересованное лицо (пострадавший) должно предложить пять кандидатур из этого общего числа, которые должны быть утверждены приказом соответствующего начальника. После объявления приказа о создании АДК для разбирательства конкретного обращения сотрудника, статус которого был неправомерно нарушен, избранных членов необходимо считать наделенными специальными полномочиями для проведения мероприятий по восстановлению истины и принятию решений, имеющих правовые и социально-экономические последствия, в отношении обратившегося лица и его семьи. Членам комиссии предоставлено право собирать доказательства невиновности (виновности) пострадавших лиц, получать копии документов, объяснения должностных лиц по расследуемому повторно делу независимо от должности.

АДК должны состоять из сотрудников-профессионалов, положительно характеризующихся, чей срок службы в УИС составляет не менее 10 лет. Возможно привлечение к работе комиссии ветеранов УИС, способных на должном уровне принимать участие в разбирательствах подобного характера. Основная задача АДК – разбирать служебные конфликты в апелляционных случаях.

Решения АДК по своей силе должны быть выше решений, принятых единолично руководителями, чьи волеизъявления обжалуются, включая начальников ИУ и территориальных управлений ФСИН России. Если соответствующие руководители в 10-дневный срок не обжалуют решения АДК в судебном порядке, то своими приказами они должны отменить прежде вынесенные неправомерные решения и утвердить новые, вынесенные АДК, со всеми правовыми последствиями.

Перед АДК могли бы ставиться вопросы о признании правомерного (либо неправомерного) использования средств федерального бюджета руководителями, которым КРО (КРУ) инкриминирует нецелевое использование денежных средств и их возмещение из собственных средств. При признании расходов правомерными (если они были произведены для предотвращения чрезвычайных ситуаций природного, техногенного или социального характера) с руководителя должно быть окончательно снято обвинение, а возмещение ущерба не должно производиться.

Процессуальный регламент АДК должен быть составлен таким образом, чтобы ее заседания проводились, во-первых, по аналогии с судебными заседаниями (соблюдение состязательности сторон, присутствие экспертов и специалистов и т.д.), а во-вторых, оперативно. При необходимости дополнительных проверок для завершения рассмотрения возможно объявление перерывов, но общее время рассмотрения не должно превышать трех суток. На свои заседания для участия в восстановлении истины и справедливости АДК могла бы приглашать руководителей УИС любого уровня, чья информация либо действия могут иметь значение для принятия объективного решения. Решения АДК должны приниматься тайным голосованием при простом большинстве голосов.

Сотрудникам, обжалующим неправомерные решения, должно быть предоставлено право собирать письменные доказательства для обоснования своей позиции через постоянно действующего секретаря, избираемого тайным голосованием, которому доверяют сотрудники

и деятельность которого в этой части не будет подотчетна руководителям территориального УФСИН России. Для этого в ведомственном нормативном акте необходимо закрепить, что письменные запросы названных секретарей обязательны для исполнения всеми руководителями территориальных УФСИН России и их учреждений.

Решения АДК уровня УФСИН России по своей силе должны быть выше решений начальника органа. Последний обязан подчиниться в случае, если решение не противоречит законодательству. Аналогичный принцип действия распространяется и на ИУ.

Решение АДК начальник территориального УФСИН России может обжаловать через суд.

Вся деятельность АДК должна строиться в соответствии с российским законодательством и может подвергаться проверке прокуратурой по надзору за соблюдением законов в ИУ со всеми вытекающими отсюда последствиями. При несогласии с выводами АДК руководство соответствующего территориального органа или учреждения может обжаловать их в суде.

Сотрудники УИС, препятствующие деятельности АДК, а также преследующие по субъективным мотивам лиц, обратившихся в АДК, соответствующими решениями на период проверки отстраняются от исполнения своих обязанностей и несут ответственность, которую необходимо закрепить в дисциплинарном и административном порядке.

Таким образом, введение специального порядка разбирательств дел сотрудников, которые обжалуют решения вышестоящих руководителей по вменяемым им нарушениям служебного характера, имеющим социально-материальные последствия, может обеспечить существенную социально-правовую защиту служащих уголовно-исполнительной системы России.

■ ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Шорников В.П. Правовые основы, формы и методы социальной работы с персоналом уголовно-исполнительной системы. Рязань, 2007.

² См.: Послание Федеральному Собранию Российской Федерации от 12 ноября 2009 г. <http://www.kremlin.ru>

Специфика ценностных ориентаций подростков с девиантным поведением

И.В. ФОКИНА – доцент кафедры общей и педагогической психологии Вологодского государственного педагогического университета, кандидат педагогических наук

В статье обозначена проблема определения понятий ценности и ценностных ориентаций на современном этапе развития гуманитарных наук, выделена специфика данных терминов в психологии. Указана связь между дефицитом специализированных программ по формированию просоциальных ценностей у подростков и их поведением, отклоняющимся от принятых в обществе норм. Данная точка зрения подтверждается описанием особенностей ценностных ориентаций подростков с девиантным поведением, выявленных в ходе эмпирического исследования, среди которых отмечается их индивидуалистический характер, отражающий агрессивное стремление к самоутверждению в ущерб ценностям, связанным с духовно-нравственным саморазвитием.

Ключевые слова: ценностные ориентации; подросток; девиантное поведение.

Как известно, конец XX в. был ознаменован процессами, поставившими под сомнение многие ценности и идеалы человечества. Изменения в политической, экономической и духовной сферах нашего общества происходят и по сей день, что создает постоянную потребность в продолжении исследований, посвященных изучению ценностной сферы личности¹.

Существует множество определений терминов «ценность» и «ценностные ориентации». Понятие «ценность» может приобретать различные значения в зависимости от рассматриваемого аспекта:

- ценность как общественный идеал, выработанный общественным сознанием, содержащееся в нем абстрактное представление об атрибутах должного в различных сферах общественной жизни – это общечеловеческие и конкретно-исторические ценности;

- ценности, представляющие в объективированной форме, в виде произведений материальной и духовной культуры либо человеческих поступков;

- социальные ценности, которые, преломляясь через призму индивидуальной жизнедеятельности, входят в психологическую структуру личности в форме личностных ценностей.

Необходимо отметить, что ценности являются объектом изучения преимущественно философии и социологии, в рамках которых они понимаются как общественно значимые для личности, социальной общности, общества в целом материальные, социальные объекты, духовная деятельность человека и ее результаты; как социально одобряемые и разделяемые большинством людей представления о том, что такое добро, справедливость, патриотизм, любовь, дружба и т.п. Ценности не подвергаются сомнению, они служат эталоном, идеалом для всех людей, они выступают или могут выступать предметом стремления, интереса, потребности и т.п. для какого-нибудь субъекта.

Предметом психологического анализа являются ценностные ориентации как личностное

образование, избирательное отношение личности к ценностям, которое характеризуется осознанностью, устойчивостью, положительной эмоциональной окрашенностью, готовностью реализовать ценность деятельности.

Одним из наиболее распространенных подходов к изучению ценностных ориентаций является концепция М. Рокича. Он определяет понятие ценностей двояко: либо как убеждение индивида в преимуществах каких-либо целей, определенного смысла существования по сравнению с другими целями, либо как убеждение индивида в преимуществах определенных типов поведения по сравнению с другими типами. Исходя из этого формулируется гипотеза о двух видах человеческих ценностей: ценностях-целях и ценностях-средствах. Ценности-цели он называет терминальными, в них отражается приоритетность для индивида определенных жизненных целей. Ценности-средства называются инструментальными, они свидетельствуют о приоритетности для индивида определенных типов поведения, ведущих к реализации соответствующих терминальных ценностей.

Поскольку ценностные ориентации обычно определяются как направленность личности на цели и средства деятельности и таким образом выражают ее отношение к миру, то есть являются элементом мировоззрения, логично предположить, что формирование их как целостной психологической структуры начинается в период между старшим подростковым возрастом и началом юношеского возраста. О том, что именно подростковый возраст является этапом интенсивного формирования ценностных ориентаций, свидетельствуют достаточно высокий уровень рефлексии, накопление необходимого морального опыта, произвольное поведение подростков. Процесс формирования системы ценностных ориентаций также стимулируется значительным расширением круга общения, столкновением с многообразием форм поведения, взглядов, идеалов, интересов².

Как известно, подростковый возраст – один из наиболее сложных периодов развития человека. Он определяется специалистами как переходный, трудный, критический. Поведение подростков обнаруживает следующие особенности: недостаточность жизненного опыта, низкий уровень самокритичности, отсутствие всесторонней оценки жизненных обстоятельств, повышенная эмоциональная возбудимость, импульсивность, двигательная и вербальная активность, внушаемость, подражательность, обостренность чувства независимости, стремление к престижу в референтной группе, негативизм, неуравновешенность возбуждения и торможения.

При оптимальных условиях воспитания указанные особенности могут быть компенсированы соответствующей социально-положительной деятельностью. При неблагоприятных условиях они катализируют вредные влияния, приобретают отрицательную направленность. Таким образом, динамизм психической деятельности подростков в одинаковой степени делает их податливыми как в сторону социально-положительных, так и в сторону социально-отрицательных влияний.

В настоящее время девиантное поведение в подростковой среде приобретает массовый характер³. Как считалось ранее, отклонения в поведении являются неотъемлемой частью личности, выросшей в неблагополучной семье. Содержание понятия «девиантное поведение» эволюционно вытекало из более привычных педагогических терминов: трудновоспитуемый, социально и педагогически запущенный ребенок.

В современной педагогической, психологической, социологической, медицинской, криминалистической литературе слово «девиация» имеет свои специфические особенности употребления и восприятия, однако в любом случае речь идет об отклонении поведения человека от норм, принятых на определенном культурно-историческом и временном отрезке развития конкретного общества.

Отклоняющееся поведение может классифицироваться по следующим параметрам:

- по видам преступлений (уголовные, административные) и аморальных поступков (пьянство, проституция);
- уровню и масштабам отклонения (принадлежность к той или иной социальной группе, половозрастные особенности);
- ориентированности отклонения на внешнюю среду (семейные ссоры, насильственные преступления и др.) или на самого себя (суицид, алкоголизм).

Формированию и проявлению моделей девиантного поведения способствуют многие факторы. В руководстве для педагогов, психологов, социальных работников по профилактической работе с несовершеннолетними различных групп социального риска выделяются следующие:

1. Индивидуальный фактор, действующий на уровне биологических предпосылок асоциаль-

ного поведения, которые затрудняют социальную адаптацию индивида.

2. Психолого-педагогический фактор, проявляющийся в дефектах школьного и семейного воспитания.

3. Социально-психологический фактор, раскрывающий неблагоприятные особенности взаимодействия несовершеннолетнего со своим ближайшим окружением на улице, в учебно-воспитательном коллективе.

4. Личностный фактор, который проявляется, прежде всего, в активно-избирательном отношении индивида к предпочитаемой среде общения, нормам и ценностям своего общения, а также в личностных ориентациях и личной способности к саморегулированию поведения.

5. Социальный фактор, определяющийся социальными и социально-экономическими условиями существования общества.

Авторы замечают, что выявление негативных влияний затруднено, поскольку они не выступают изолированно, а представляют собой взаимодействие самых разнообразных факторов, действующих с разным негативным вкладом в развитие отклоняющегося поведения⁴.

В результате проведения ряда исследований в области девиантного поведения (В.Г. Бочарова, Л.И. Белозерова, С.А. Беличева, К.Е. Игошев, Н.Г. Лусканова, Р.В. Овчарова, В.Г. Степанов и др.) сформировалась научная система взглядов, довольно полно отражающая сложные процессы изменения массового сознания подростков. Однако большинство выполненных работ относится к периоду развития общества, существенно отличающемуся своими социальными параметрами от современных конкретно-исторических условий. Наша работа призвана внести свой вклад в понимание на современном этапе особенностей ценностных ориентаций подростков с девиантным поведением.

Исследования, проведенные студентами Вологодского государственного педагогического университета под нашим руководством (последняя работа «Особенности ценностных ориентаций подростков 13–14 лет с девиантным поведением» выполнена А.С. Кирсановой в 2009 г. на базе МОУ «Вашкинская средняя общеобразовательная школа села Липин Бор»), показали, что в сознании девиантных подростков интенсивно протекает процесс отторжения таких норм нравственности, как доброта, милосердие, порядочность, честность, ответственность и др. Взамен этого культивируется агрессивность, стремление самоутвердиться.

В структуре ценностей подростков с девиантным поведением на первом месте расположены индивидуальные, а не общественные ценности: семья, любовь, личный успех, материальная обеспеченность, здоровье.

В иерархии ценностей снижается статус духовности, падает значимость ценностей саморазвития, трудовой, образовательной, общественной деятельности, угасает интерес к духовно-эстетической сфере, наблюдается истощение духовного мира подростка.

Таким образом, необходимо постоянное оперативное изучение подростковой группы в целях организации контроля над воздействием экономических и политических перемен на сознание детей, определение возможности коррекции этого влияния. Профилактика девиантного поведения подростков, на наш взгляд, предполагает формирование позитивных ценностных ориентаций через различные программы, осуществляемые в школах (например, вовлечение учащихся в школьное планирование; программы предупреждения употребления наркотиков и алкоголя, возникновения ранней беременности, вовлечения в криминальные группы; программы

обучения критическому отношению к СМИ; формирование партнерских взаимоотношений с родителями и т.п.).

■ ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Собкин В.С. Ценностные ориентации старшеклассников в условиях социальной нестабильности. М., 2002.

² См.: Шафранская К.Д., Суханова Т.Г. К вопросу о ценностных ориентациях личности. М., 1999.

³ См.: Змановская Е.В. Девиантология. М., 2006; Шнейдер Л.Б. Девиантное поведение детей и подростков. М., 2007.

⁴ См.: Профилактическая работа с несовершеннолетними различными групп социального риска по злоупотреблению психоактивными веществами: Руководство для педагогов, психологов, социальных педагогов / Под ред. Л.М. Шпицыной, Л.С. Шпилени. М., 2004.

Программа «Жизненные умения» как методический инструмент организации подготовки осужденных к освобождению (на примере учреждений УФСИН России по Мурманской области)

■ **Н.А. КОНОВАЛОВА** – доцент кафедры социальной психологии и социальной работы ВИПЭ ФСИН России, кандидат педагогических наук, доцент

В статье представлен норвежский опыт пенитенциарной социальной работы в части подготовки осужденных к освобождению, а также проанализирована программа «Жизненные умения», ставшая результатом сотрудничества Северного департамента тюрем и пробации Министерства юстиции и полиции Норвегии и УФСИН России по Мурманской области.

Ключевые слова: педагогика переживания; пенитенциарная социальная работа; подготовка осужденных к освобождению; технология социальной работы.

Наиболее актуальной задачей пенитенциарной социальной работы в современных условиях является поиск путей результативного взаимодействия с клиентами. С этой целью специалистами моделируются разнообразные методики и технологии деятельности, а также используются и совершенствуются механизмы, уже признанные эффективными за рубежом.

Подготовка к освобождению – важный этап в пенитенциарной социальной работе. Одной из его задач является формирование и развитие у осужденных социально значимых знаний и умений, наличие которых позволит им быстро и эффективно адаптироваться к условиям жизни на свободе и успешно пройти процесс интеграции в общество. Для этого необходимы меры, направленные на приобретение (то есть социализацию) или восстановление (то есть реабилитацию) утраченных осужденными общественных связей и отношений.

Накоплению такими людьми позитивного социального опыта в виде знаний, ценностей, правил поведения, установок, преодолению ими трудной жизненной ситуации в значительной мере может способствовать использование программы «Жизненные умения», реализуемой

в настоящее время в ряде исправительных учреждений УФСИН России по Мурманской области.

В целях обеспечения эффективности работы по подготовке осужденных к освобождению 26 апреля 2005 г. состоялось подписание соглашения о сотрудничестве между УФСИН России по Мурманской области и Северным департаментом тюрем и пробации Министерства юстиции и полиции Норвегии. Взаимодействие осуществляется в рамках проекта Совета Европы «Тюрьмы-побратимы». В ходе совместной работы сотрудники пенитенциарных учреждений России и Норвегии составили программу «Жизненные умения». Ее цель – способствовать формированию и развитию у осужденных навыков, благодаря которым они смогут автономно жить на свободе, не прибегая к криминалу.

Содержание программы сформировано на основе передового опыта пенитенциарной социальной работы Норвегии. Будучи актуальным и результативным в зарубежных условиях, он был адаптирован к потребностям практической деятельности групп социальной защиты осужденных в отечественной уголовно-исполнительной системе.

Норвежский вариант программы «Жизненные умения» содержит в себе отдельные подпрограммы для осужденных, совершивших различные виды преступлений и имеющих различные проблемы. При формировании рабочих групп (5–8 человек) клиенты не смешиваются. Так, группы алкогольно-зависимых, наркозависимых, лиц, совершивших насильственные преступления на сексуальной почве, работают обособленно друг от друга, так как каждая требует специфического подхода и своей технологии социальной работы, особой организации процесса взаимодействия.

Любая подпрограмма предусматривает:

- теоретическую подготовку, направленную на формирование и развитие у осужденных жизненно важных компетенций, наличие которых позволит им автономно существовать в обществе (профорIENTATIONальная подготовка осужденных, развитие у них умений поиска работы, составления резюме, целеполагания, формирование медицинских навыков по оказанию экстренной помощи, научение приготовлению пищи, гигиене и уходу за собой и т.п.);

- культурную деятельность, нацеленную на сокращение разрыва между осужденными, находящимися в исправительных учреждениях, и общественной жизнью (возможность посещать театры, музеи, спортивные мероприятия и т.п. за пределами исправительного учреждения);

- физическую подготовку, позволяющую расширять у осужденных представления о себе, преодолевать кажущиеся границы своих физических возможностей, а также поддерживать спортивную форму (например, подготовка и организация сплава по горной реке группы осужденных в сопровождении инструктора).

Следует отметить, что норвежский опыт подготовки осужденных к освобождению основывается на приемах педагогики переживания¹. Переживание в данном контексте понимается как проживание какой-либо значимой жизненной ситуации, когда человек не наблюдает ситуацию на экране, не читает о ней в книге, а сам становится одним из ее участников.

Переживание (проживание) ситуации более эффективно, чем ее проговаривание или просмотр. Пополнение знаний и умений через пережитые испытания дает стойкий долгосрочный эффект, у осужденного меняются позиции и намерения, что позволяет в дальнейшем откорректировать модель его поведения.

Для реализации идей педагогики переживания специалист по социальной работе целенаправленно создает условия, позволяющие осужденным непосредственно участвовать в проживании новых для них жизненных ситуаций, способствующих развитию личного опыта². Таким образом, основным путем осуществления данной технологии является погружение клиентов в новые для них обстоятельства (смоделированные или реальные). Например, для человека с ограниченными возможностями подготовка и

участие в футбольном матче могут рассматриваться как переживание, способствующее преодолению кажущихся границ своих возможностей, но для здорового человека футбол таким потенциалом может не обладать.

Основной формой в педагогике переживания является совместное дело (наиболее целесообразно для его реализации формировать группы по 5–8 человек). Любое совместное дело (переживаемая или проживаемая ситуация) включает в себя следующие этапы:

- теоретический – сбор информации о предстоящем деле (например, поиск необходимой информации о футболе, изучение правил игры в футбол и т.п.);

- подготовительный – практическая подготовка к делу (формирование и тренировки команды, физическая подготовка членов команды и т.п.);

- операциональный – совместная реализация дела (проведение товарищеского матча с какой-либо командой, участие в каком-либо чемпионате и др.);

- рефлексивный – обмен впечатлениями о деле (разбор игры в целом, сыгранности команды, вклада каждого игрока в успех команды и т.д.).

На каждом этапе особым образом выстраивается взаимодействие клиента и специалиста. Основными принципами при этом становятся:

- доверие (специалист должен верить в возможности клиентов, а они в свою очередь должны верить в собственные силы и силы своих товарищей);

- ориентация на максимальную самостоятельность клиентов (любую операцию они должны выполнять самостоятельно, помогая и поддерживая друг друга);

- концентрация внимания на процессе, а не на его результатах (неудачи тоже важны, не обязательно каждому добиваться успеха, но для любого значима поддержка группы).

Специалистом по социальной работе могут быть организованы четыре вида дела:

1. Помощь ближнему, когда клиенты создают «службу спасения» и занимаются решением доступных им социальных и экологических проблем.

2. Физическая подготовка, направленная на преодоление себя, своих комплексов, страхов и, как следствие, на открытие себя, своих возможностей.

3. Проект, когда клиенты участвуют в подготовке и реализации какого-либо мероприятия (например, съемка фильма, выпечка хлеба).

4. Экспедиция, позволяющая клиентам проявить себя в нестандартной ситуации, когда добиться успеха можно, лишь активно взаимодействуя друг с другом.

Следует отметить, что в условиях отечественных исправительных учреждений спектр возможных видов дела будет существенно ограничен, однако потенциал для использования идей педагогики переживания велик.

При реализации данной технологии специалисту очень важно правильно выбрать совместное дело для организации переживания. Основными критериями при этом должны стать ориентация на проблему, пол, личностное развитие, активность и самостоятельность клиента в процессе подготовки и реализации дела; возможность многократного, длительного воздействия, оптимизации картины собственного Я клиента. Эти же моменты определяют и принципы формирования групп.

В настоящее время программа «Жизненные умения» реализуется в ряде исправительных учреждений УФСИН России по Мурманской области (ИК-17, ИК-18, ИК-16, ИК-23 и др.). В ее осуществлении задействованы наиболее опытные сотрудники колоний, представители служб занятости. При этом в каждом учреждении процесс имеет определенную специфику, обусловленную характером проблем осужденных, проходящих обучение, имеющимися материально-техническими возможностями, профессиональными связями, сложившимися у сотрудников группы социальной защиты осужденных, занятых в проведении учебных занятий.

В целях внедрения программы «Жизненные умения» в отечественную практику сотрудниками УФСИН России по Мурманской области был разработан учебный план, представляющий собой, по мнению его авторов, курс активного обучения, направленный на подготовку осужденных к освобождению и адаптацию их к жизни в обществе после выхода из исправительного учреждения. План содержит следующие разделы: общеобразовательная подготовка (включает в себя «Историю России», «Основы экономики», «Основы вычислительной техники»), социально-психологическая подготовка, дискуссионный практикум, физическая подготовка.

Целевой аудиторией программы «Жизненные умения» являются осужденные, которым вскоре предстоит освобождение из исправительного учреждения. Они переводятся в реабилитационный центр и в течение 11 недель проходят учебный курс.

К сожалению, анализ учебного плана и опыта реализации программы в исправительных учреждениях УФСИН России по Мурманской области показал, что заявленная технологическая основа (педагогика переживания) не обнаруживает себя на практике. Проводимые мероприятия имеют целью лишь организацию свободного времени и учебных занятий, отчасти решают задачи профориентации. Имеющийся учебный план не предполагает создания подпрограмм для работы с отдельными категориями клиентов. Поверхностное понимание норвежского опыта, по нашему мнению, не позволяет специалистам-участникам проекта в полной мере достичь целей программы и использовать потенциал педагогики переживания в подготовке осужденных к освобождению.

В целях совершенствования реализации программы «Жизненные умения» основной задачей

специалистов при разработке содержания и организации мероприятий следует определить создание условий для полноценного погружения осужденных в нестандартную социально значимую ситуацию, а также вооружение их интеллектуальными средствами для осмысления пережитого.

Важным условием достижения позитивных результатов является понимание осужденным целей работы. Клиенту необходимо осознать, что он должен делать, чтобы не совершить новое преступление, почувствовать готовность управлять своей жизнью, чтобы жить без криминала. Для этого специалисту по социальной работе следует научить его управлять коммуникацией, вооружить различными ненасильственными техниками решения проблем.

В процессе подготовки осужденных к освобождению по программе «Жизненные умения» следует учитывать, что содержание учебного плана и проводимые мероприятия должны быть ориентированы на содействие приобретению социально значимых компетенций (например, умения воспринимать свои чувства и обходиться с ними; самостоятельности и ответственности при принятии решений; способности к разрешению несиловым путем конфликтных ситуаций и т.п.).

Соблюдение указанных выше требований позволит одновременно решать многие задачи социальной работы на этапе подготовки осужденных к освобождению.

Использование в пенитенциарной социальной работе программы «Жизненные умения» (или самостоятельной технологии педагогики переживания) обеспечит удовлетворение тех запросов и потребностей, которые осужденные не могут реализовать без посторонней помощи, даст возможность предотвратить негативные последствия (наркомания, правонарушения и др.), связанные с нерациональным использованием собственной активности.

В целом опыт деятельности УФСИН России по Мурманской области по подготовке осужденных к освобождению следует признать положительным, практику реализации программы «Жизненные умения» (в усовершенствованном варианте) – заслуживающей распространения в исправительных учреждениях Северо-Западного федерального округа.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Педагогика переживания – это технология социальной работы, базирующаяся на аутентичных (не наигранных или конструируемых) интенсивных переживаниях в целях их включения в процесс личностного роста (см.: Игровая терапия как метод интеграции и реабилитации: Учеб. пособие / Отв. ред. С.В. Колкова. М., 2001).

² См.: Konowalowa N., Kotelnikowa N. Anwendungsmöglichkeiten der innovativen Methode der Erlebnisgestaltung in der Sozialen Arbeit in Russland // Treffpunkt - Soziale Arbeit (5 Jahre Alexander – Herzen – Programm). Wologda, 2003. С. 236–240.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЭКОНОМИКИ, УПРАВЛЕНИЯ И ТЕХНОЛОГИИ

Оценка инвестиционных возможностей сотрудников уголовно-исполнительной системы на региональном рынке жилья

А.А. КОЛЬЕВ – доцент кафедры экономики и управления ВИПЭ ФСИН России, кандидат экономических наук

Статья посвящена исследованию проблем обеспечения жильем служащих в пенитенциарной системе. Предметом выступает инвестиционный потенциал сотрудников УИС на жилищном рынке Вологодской области.

К л ю ч е в ы е с л о в а : правовые основы обеспечения жильем сотрудников УИС; направления улучшения жилищных условий; оценка инвестиционных возможностей сотрудников УИС; продолжительность накопительного периода для приобретения жилья на первичном и вторичном рынке.

В условиях реформирования УИС одной из приоритетных задач является совершенствование системы социальной защиты ее сотрудников. Это отметил Президент Российской Федерации Д.А. Медведев в своем вступительном слове на заседании Президиума Госсовета «О состоянии уголовно-исполнительной системы», прошедшем 11 февраля 2009 г. в г. Вологде.

Ключевым направлением социальной защиты сотрудников пенитенциарной системы выступает решение жилищного вопроса. Обеспечение жильем сотрудников органов и учреждений уголовно-исполнительной системы, пенсионеров УИС и членов их семей на протяжении длительного периода времени представляет острейшую социальную проблему. Успехи и недостатки в деле обустройства достойной жизни десятков тысяч сотрудников прямо влияют на состояние дел в системе, качество выполнения личным составом стоящих перед ним задач. Отсутствие жилья, а также ясных перспектив решения жилищной проблемы оказывает существенное дестабилизирующее воздействие на морально-психологическое состояние служащих, их способность сосредоточиться на выполнении своих служебных обязанностей, отношения в семьях.

В течение продолжительного времени обстановка в рассматриваемой сфере по ряду объективных причин оставалась стабильно напряженной. В недалеком прошлом уровень бюджетного финансирования уголовно-исполнительной системы на развитие социальной сферы был крайне низким и не превышал 10–15% от потребности¹. К сожалению, и сейчас, даже несмотря на

предпринимаемые меры, ситуация улучшается крайне медленно.

Обеспечение жильем сотрудников УИС и членов их семей, признанных в установленном порядке нуждающимися в получении жилых помещений или улучшении жилищных условий по месту службы, осуществляется в настоящее время по следующим направлениям:

1. Приобретение жилья за счет государственных жилищных сертификатов по подпрограмме «Выполнение государственных обязательств по обеспечению жильем категорий граждан, установленных федеральным законодательством» федеральной целевой программы «Жилище» на 2002–2010 гг.

2. Оказание безвозмездной финансовой помощи на строительство и приобретение жилья в соответствии с Приказом Минюста России от 29.11.2002 г. № 322 «О порядке оказания безвозмездной финансовой помощи членам жилищно-строительных (жилищных) кооперативов и индивидуальным застройщикам».

3. Осуществление ФСИН России функций государственного заказчика по жилищному строительству².

Следует отметить, что приведенный перечень путей решения жилищной проблемы сотрудников УИС не является исчерпывающим, ввиду дефицита бюджетных средств он носит ограниченный характер. В последнее время все активнее выдвигаются и обсуждаются различные новаторские предложения по изменению форм и порядка обеспечения данной категории граждан жильем. В средствах массовой информации все чаще предлагаются три перспективных направления решения жилищной проблемы со-

трудников УИС, военнослужащих, сотрудников ОВД и приравненных к ним граждан:

- ипотечное кредитование;
- ведение накопительной системы жилья;
- предоставление служебного жилья³.

Выяснение сущности и особенностей ипотечного кредитования требует проведения дальнейших научных изысканий. Предоставление служебного жилья как способ решения квартирного вопроса сотрудников ограничено возможностями соответствующих ведомств и министерств. В силу этого наиболее активно пропагандируется идея о введении различных схем так называемой накопительной системы жилья.

Предполагается, что при ее применении с момента начала службы для каждого сотрудника, военнослужащего будет открываться специальный накопительный счет, на который федеральным органом исполнительной власти, в котором предусмотрено прохождение службы, регулярно будут перечисляться определенные суммы. Прогнозируется, что скопившаяся таким образом сумма, размер которой будет зависеть от выслуги лет и отношения к исполнению служебных обязанностей, будет достаточной для приобретения жилья. Действие накопительной системы жилья первоначально предполагается распространить на служащих, заключивших первые контракты после 1 января 2004 г. Таким сотрудникам на весь период прохождения службы в соответствии с законодательством будут предоставляться служебные жилые помещения.

По мнению экспертов, активное внедрение накопительной системы жилья позволит решить жилищную проблему военнослужащих через 10–15 лет⁴. Однако даже весьма ориентировочные подсчеты не подтверждают этот оптимистический прогноз. В частности, к 2015 г. планируется обеспечить жильем с использованием накопительной системы только около 20 тыс. офицеров, что составляет весьма скромную часть от общего числа нуждающихся. Очевидны и другие недостатки накопительной системы жилья. Так, отсутствие необходимого финансирования федеральной целевой программы «Государственные жилищные сертификаты» позволяет допустить возможность дефицита денежных средств и на реализацию накопительной системы жилья.

Таким образом, вопросы обеспечения мер по реализации права военнослужащих и сотрудников УИС на жилье, в том числе и по внедрению накопительной системы жилья и других новых форм, требуют тщательной проработки, правовой регламентации, определения достаточных и конкретных источников финансирования соответствующих программ.

В условиях дефицита государственных средств большинству сотрудников УИС придется решать жилищную проблему самостоятельно. В сложившихся условиях актуальной становится оценка их собственных инвестиционных возможностей с помощью расчета продолжительности периода накопления денежных средств, необходимых для приобретения жилья:

$$T_c = \frac{1}{K_{дс}} = \frac{C \times S}{D \times N},$$

где T_c – продолжительность накопительного периода, лет;

$K_{дс}$ – коэффициент доступности жилья;

C – средняя стоимость 1 м² жилья, руб.;

S – площадь условной квартиры, м²;

D – среднедушевой доход семьи, руб./чел. в год;

N – число человек в семье⁵.

Следует отметить, что искомый коэффициент является условным, поскольку учитывает все совокупные доходы семьи без вычета потребительских расходов. Следовательно, период накопления денежных средств, необходимых для приобретения жилья, за вычетом минимальных потребительских расходов определяется по формуле:

$$T_p = \frac{1}{K_{др}} = \frac{C \times S}{(D - P) \times N},$$

где T_p – продолжительность накопительного периода без учета минимальных потребительских расходов, лет;

P – минимальные среднедушевые расходы семьи, руб./чел. в год⁶.

Приведенные ниже расчеты выполнены на основе статистических данных по области для условной семьи сотрудников из двух трудоспособных человек и ребенка.

Таблица

Расчет возможностей средней вологодской семьи сотрудников, состоящей из двух трудоспособных человек и ребенка, по накоплению средств для приобретения типового жилья в 2009 г.

Показатели	Квартира			
	Однокомнатная	Двухкомнатная	Трехкомнатная	Четырехкомнатная
Располагаемый средний семейный годовой доход, руб. ⁷	159 408	159 408	159 408	159 408
Средняя стоимость 1 м ² типового жилья, руб.				
- первичный рынок	35 877	35 877	35 877	35 877
- вторичный рынок	38 763	38 763	38 763	38 763
Средняя площадь квартиры, м ²	35,3	46,8	59,3	79,2
Средняя стоимость типового жилья, руб.				
- первичный рынок	1 266 458	1 679 044	2 127 506	2 841 458
- вторичный рынок	1 368 334	1 814 108	2 298 646	3 070 030

Продолжительность накопительного периода для приобретения жилья, лет - первичный рынок	7,9	10,5	13,3	17,8
- вторичный рынок	8,6	11,4	14,4	19,3
Продолжительность накопительного периода для приобретения жилья с учетом инвестирования средств на накопительном этапе в доходные активы, лет - первичный рынок	6,4	7,9	9,4	11,5
- вторичный рынок	6,8	8,4	10,0	12,1
Доходность финансовых активов, %	8,0	8,0	8,0	8,0
Продолжительность накопительного периода для приобретения жилья с учетом продажи уже имеющегося, лет. При наличии 1-комнатной квартиры: - первичный рынок	-	1,9	4,8	9,2
- вторичный рынок	-	2,8	5,8	10,7
При наличии 2-комнатной квартиры: - первичный рынок	-	-	2,0	6,4
- вторичный рынок	-	-	3,0	7,9
При наличии 3-комнатной квартиры: - первичный рынок	-	-	-	3,4
- вторичный рынок	-	-	-	4,8

Так, согласно расчетам при учете реально располагаемой части доходов семьи за вычетом минимальных потребительских расходов продолжительность накопительного периода для приобретения однокомнатной квартиры составляет на первичном рынке 8 лет, на вторичном – 9 лет.

Вместе с тем реальные инвестиционные возможности населения по накоплению средств для приобретения жилья не ограничиваются соблюдением минимального уровня потребления. Граждане могут вкладывать деньги на накопительном этапе в доходные активы и продавать уже имеющееся жилье. В этой связи нами были выполнены расчеты продолжительности периода накопления необходимой суммы денежных средств для приобретения квартир различной площади с учетом этих обстоятельств.

Продолжительность накопительного периода для приобретения жилья с учетом инвестирования на накопительном этапе средств в доходные активы определяется по следующей формуле:

$$\dot{O} = \log_{(i+1)} \left(\frac{C \times S}{(A - D) \times N} \times i + 1 \right),$$

где i – годовая доходность финансовых активов (при сложных процентах), $i = 8\%$ (соответствует средним реальным процентным ставкам по сберегательным вкладам в рублях для населения, предлагаемых банками в конце 2009 г.)⁸.

Произведенные расчеты подтверждают вывод о практической недоступности жилья для основной части сотрудников УИС. Так, для средней вологодской семьи, состоящей из двух трудоспособных человек, имеющей средние доходы, период накопления денежных ресурсов для приобретения новой однокомнатной квартиры составит 6,4 года, а четырехкомнатной – 11,5 лет. Даже при наличии у семьи какого-то жилья, намерение увеличить его размеры может быть реализовано не ранее чем через 2 года.

Следует отметить, что доля семей сотрудников среднего начальствующего состава со сред-

ним достатком в общей массе нуждающихся незначительна. А в других сферах деятельности доходы супругов могут быть значительно ниже. Средняя месячная зарплата рядового и младшего начальствующего состава УИС составляет всего 16 947 руб.

Таким образом, оценка инвестиционных возможностей сотрудников УИС на рынке жилья показывает, что, несмотря на некоторое снижение цен в 2009 г. вследствие мирового финансового кризиса, подавляющая часть служащих самостоятельно решить жилищную проблему не может. Выходом из сложившейся ситуации может стать развитие системы ипотечного кредитования либо расширение действия схемы ссудо-сберегательных касс, не получившей пока распространение на практике в силу отсутствия нормативно-правовой базы.

■ ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Барков В. Каждому сотруднику – достойное жилье // Преступление и наказание. 2003. № 10. С. 2–6.

² См.: Заиченко А. Обеспечение жильем сотрудников УИС в условиях действия нового Жилищного кодекса Российской Федерации // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2006. № 9. С. 17–22.

³ См.: Пчелинцева Л.М. Новые способы решения жилищной проблемы военнослужащих // Жилищное строительство. 2003. № 9. С. 26–27.

⁴ См.: Барков В. Каждому сотруднику – достойное жилье. С. 3; Пчелинцева Л.М. Обеспечение жильем военнослужащих // Законность. 2003. № 11. С. 45–47.

⁵ См.: Старкова Н.А. Инвестиционный потенциал населения на ярославском рынке жилья // Стратегия бизнеса и социально-экономического развития региона: Сб. ст. Ярославль, 2003.

⁶ См.: Пахолков Н.А., Носок С.П. Организация управления строительным комплексом региона. Вологда, 2002.

⁷ Из расчета средней месячной зарплаты сотрудников УИС среднего начальствующего состава 22 140 руб. в месяц в Вологодской области на конец 2009 г. и затрат на минимальные потребительские расходы в размере 30% от совокупного семейного дохода.

⁸ См.: Пахолков Н.А., Носок С.П. Организация управления строительным комплексом региона.

Инновационные подходы к реабилитации и ресоциализации осужденных с применением информационных и интернет-технологий

О.А. ШАХОВ – начальник инженерно-экономического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат технических наук, доцент;

А.А. БАБКИН – начальник кафедры информатики и математики ВИПЭ ФСИН России, кандидат педагогических наук;

Д.Ю. КРЮКОВА – аспирант кафедры автоматики и вычислительной техники Вологодского государственного технического университета

В статье обозначаются проблемы информатизации учреждений уголовно-исполнительной системы и предлагаются пути их решения, рассматриваются инновационные подходы к ресоциализации и реабилитации осужденных с применением информационных и интернет-технологий, дается краткий аналитический обзор развития информационно-технологического аспекта социальной, воспитательной и психологической пенитенциарной работы.

Ключевые слова: информационная технология; ресоциализация осужденных; система видеосвиданий; социальная сеть; технология виртуального общения; электронный сервис; аудиозапись сообщения.

В последние годы в уголовно-исполнительной системе России произошли значительные изменения, которые затронули принципы, методы, нормативно-правовую базу, концепцию осуществления исполнения наказаний. В 2001 г. в штатную структуру исправительных учреждений были введены такие должности, как психолог, социальный работник, инспектор по воспитательной работе, что стало серьезным стимулом для дальнейшей гуманизации и совершенствования УИС. Появление новых должностей в исправительных учреждениях ведет к развитию материально-технической базы, информационного обеспечения, появлению новых взаимосвязей между структурными подразделениями, в том числе и информационного характера, а также к оказанию более качественной помощи осужденным на всех этапах исполнения наказаний, связанных с лишением свободы.

В жизни современного человека важную роль играет социальное общение и социальный статус. Для осужденного, отбывающего наказание в виде лишения или ограничения свободы, общение и налаживание связи с родственниками, друзьями и просто единомышленниками становится жизненно необходимым. На сегодняшний день в ИУ связь с внешним миром осужденный может осуществить посредством:

- обычной почты;
- телеграфа;
- строго регламентированных по времени и частоте свиданий;
- системы видеосвиданий, которая еще только проходит апробацию в ряде ИУ.

Применение новейшего средства связи – системы видеосвиданий, несомненно, перспек-

тивно, однако имеет не только положительные черты, но и недостатки. Плюсы состоят в расширении возможностей общения осужденных с родственниками, экономии средств на проезд, повышении качества контроля деятельности ИУ, обеспечении разнообразия досуга осужденных. Из недостатков отметим дороговизну оборудования, временные затраты на согласование с администрацией ИУ каждого сеанса, наличие специальных центров видеоконференцсвязи «Ростелеком» не во всех регионах России.

С недавних пор распространение в сети Интернет приобрели так называемые социальные сети (например, odnoklassniki.ru, vkontakte.ru, mirtesen.ru и др.), которые предоставляют пользователю широкие возможности, такие как создание собственной странички, знакомства по интересам, поиск одноклассников, родственников, личная переписка, мультимедиа. Все это чрезвычайно значимо для осужденных, так как они испытывают острый дефицит в общении с родственниками и трудности с налаживанием социальных связей. Немалым потенциалом в области развития социокультурных связей осужденных обладают различные сайты учреждений, организаций, обществ, направленные на расширение мировоззрения и кругозора, сайты почтовых агентов, сайты знакомств и программы он-лайн общения. Важную роль возможность обучения и общения с помощью виртуальных контактов, компьютерного инструментария, технических и информационных средств играет в воспитании несовершеннолетних осужденных.

Кроме образовательных и социальных интернет-ресурсов большой интерес для осужденных представляют духовно-просветительские сай-

ты. Получив доступ к массивам соответствующей информации, осужденный сможет не только повысить уровень своих религиозных знаний, но и наладить виртуальное общение с духовником, задать интересующие вопросы. Виртуальное религиозное просвещение особенно актуально для отбывающих наказания в тех ИУ, которые не имеют домового церкви, храма, где отсутствует возможность постоянно приглашать представителей церкви (более всего это касается осужденных, исповедующих не православие).

Министр юстиции России А.В. Коновалов в докладе о результатах и основных направлениях деятельности Министерства юстиции Российской Федерации на 2009–2011 гг. отметил следующее: «Основной целью совершенствования информационного и телекоммуникационного обеспечения деятельности УИС в 2009–2011 годах является повышение эффективности механизмов управления на основе создания ведомственной информационно-технологической инфраструктуры, включающей специализированные информационные и телекоммуникационные службы на каждом уровне управления УИС, имеющийся научно-технический потенциал, ведомственные информационные системы и ресурсы, а также средства связи и специальную технику, обеспечивающие их функционирование и взаимодействие. Функционирование указанной инфраструктуры должно способствовать повышению оперативности и обоснованности принятия необходимых управленческих решений на соответствующих уровнях управления УИС за счет их своевременного и качественного информационного обеспечения. Показателем, характеризующим уровень решения данного направления деятельности УИС, являются доведение обеспеченности подразделений УИС средствами вычислительной техники (в % от норматива) с 15,6% в 2007 году до 30% в 2011 году». Обратим внимание, что средняя себестоимость организации современного мультимедийного компьютерного класса (10 компьютеров и сервер) в учреждении УИС составляет порядка 200 тыс. руб., а значит, на сегодняшний день для большинства территориальных органов управления ФСИН России это неосуществимо без привлечения дополнительных средств из федерального бюджета.

Несмотря на проблемы технического оснащения ИУ, некоторые учреждения ФСИН России включают в пенитенциарную практику новые формы общения осужденных с внешним миром. Так, служба отправки сообщений работает с 1 декабря 2008 г. на базе следственного изолятора № 1 «Кресты» ГУФСИН России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Сервис предназначен для отправки электронных сообщений лицам, находящимся в следственных изоляторах или отбывающим наказание в местах лишения свободы. По мере развития системы к ней подключаются другие учреждения управления Федеральной службы исполнения

наказания. Технические возможности постоянно расширяются¹. Все письма подлежат цензуре, и, по словам начальника пресс-службы ГУФСИН России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области Сильвы Арутюнян, разбор электронной почты существенно экономит время сотрудников СИЗО, работающих с корреспонденцией для осужденных. Также отмечается, что в созданных условиях осужденный имеет возможность обмениваться практически неограниченным количеством сообщений со своими друзьями и родственниками, налицо существенная экономия средств на телефонных переговорах и оплате проезда для личных встреч. К сожалению, на данный момент сервис работает только в одностороннем порядке, то есть имеется возможность только отослать письмо в адрес осужденного, тот же не имеет доступа к сервису, потому отправитель может получить только сканкопию письма в ответ. Эксперимент уже вызвал интерес руководства ФСИН России. Для полномасштабного внедрения, по нашему мнению, необходимы:

- наличие официального распоряжения ФСИН России, регламентирующего порядок предоставления осужденным доступа к сервису и порядок обмена информацией;
- соответствующее материально-техническое оснащение ИУ;
- отработка процесса предоставления доступа к сервису, согласование со всеми заинтересованными отделами, а также наличие общих для всех ИУ правил цензуры;
- тарификация услуги согласно действующему законодательству.

Самым простым, дешевым и безопасным способом предоставления услуги отправки электронных сообщений самим осужденным является аудиозапись этих сообщений с последующей цензурой и отправкой по указанному осужденным адресу. Современные форматы голосовых сообщений поддерживают высокое качество записи при минимальных размерах файла. Например, формат файла с высокой степенью сжатия DSS (Digital Speech Standart) – это простой и эффективный способ передачи голосовых файлов по электронной почте. Также в сети Интернет распространен формат файлов WAVE, хотя он является более емким, чем DSS. Передача сообщений с прикрепленными файлами в формате .dss или .wav позволит сэкономить время и интернет-трафик, так как пересылка письма с прикрепленным файлом небольшого размера занимает минимум времени и сделает услугу отправки электронных писем несложной и недорогой. Для организации обмена электронными сообщениями (с прикреплением голосовых файлов) необходимо:

- произвести подключение современного компьютера к сети Интернет;
- приобрести элементарное звукозаписывающее оборудование (микрофон) и подключить его к компьютеру;

- оборудовать место в помещении для осуществления записи передаваемых осужденными сообщений;

- обучить сотрудника ИУ правилам цензуры, обработки и отправки электронных сообщений с вложением;

- отработать систему оплаты предоставляемой услуги.

Технологии виртуального общения с осужденными не ограничиваются налаживанием социальных связей с родственниками, они также находят применение в судопроизводстве. Так, например, в Курске существует прецедент общения судей с осужденными через видеотерминал. По специальному каналу видео- и аудиосигналы передаются из зала суда в СИЗО и обратно. Осужденный может видеть и слышать судей, не выходя из камеры, а те в свою очередь видят и слышат его. Участник процесса может даже написать письменную жалобу и отправить ее в суд по электронной почте, не покидая СИЗО. «Затраты на организацию видеообщения должны окупиться благодаря экономии на перевозке подсудимых и их охране», – считает начальник УИН Курской области Виктор Федичев².

На современном этапе развития общества невозможно представить жизнь без компьютерных игр, обучающих, просветительских, культурных и других электронных сервисов. Компьютерные игры дают возможность снять психологическое напряжение, совершив действия, которые человек по разным причинам не в состоянии выполнять в повседневной жизни (например, ездить на гоночном авто, управлять самолетом, построить город и др.), развить свои умственные способности и двигательные навыки, расширить кругозор, а при сетевой версии игр – посоревноваться с партнерами в виртуальном мире. Применение компьютерных игр для организации досуга осужденных, по нашему мнению, имеет большой воспитательный-психологический потенциал, позволяя осужденным не только повышать свой интеллектуальный уровень, но и ощущать себя полноценными членами современного общества. Для установки компьютерных игр на локальный компьютер не требуется подключение к сети Интернет. Из наиболее популярных можно назвать следующие компьютерные игры, представляющие интерес для контингента осужденных: WarCraft, Street Racing, Microsoft Flight Simulator. Особо следует подчеркнуть, что для допуска осужденного к занятию компьютерными играми обязательно необходимо проводить тестирование на устойчивость к ряду психологических воздействий, стимулируемых виртуальной средой.

Кроме ожидаемого положительного эффекта при внедрении предложенных информационных технологий в условиях исправительных и воспитательных учреждений, несомненно, возникнет ряд трудностей и проблем, например:

- нормативно-правовое регулирование применения технических средств в условиях ИУ;

- организация просмотра только строго регламентированных интернет-страничек (предотвращение выхода осужденных на порносайты, взламывания баз данных и т.п.);

- фильтрация содержимого исходящих запросов и ответов на них;

- необходимость введения новой должности администратора компьютерного зала или дополнение уже существующих должностных инструкций новыми обязанностями;

- обучение осужденных основам пользования персональным компьютером и сетью Интернет;

- организационные проблемы, связанные с освобождением осужденных, не закончивших обучение по образовательным программам;

- финансирование обучения осужденных.

Преодолеть возникающие трудности возможно путем реализации таких мер, как:

- подготовка (переподготовка, повышение квалификации) сотрудников учреждений по программам «Информационные технологии» и другим, позволяющим повысить уровень компьютерной грамотности;

- предотвращение несанкционированного доступа осужденных к запрещенным сайтам, служебным программам, сетевым ресурсам посредством программ фильтрации Интернет и сетевого трафика, средств политики безопасности операционной системы, путем закрытия определенных портов на компьютерах;

- заключение договоров на предоставление образовательных услуг с учетом особенностей отбывания обучаемыми наказания в виде лишения или ограничения свободы, обеспечение возможности пролонгирования договоров после освобождения.

В заключение следует отметить, что для любых нововведений, особенно в специфических условиях, к которым относится и система исполнения наказаний, требуется большая подготовка, немалую роль в которой играет психологический аспект. Нельзя вести разговоры о внедрении новых технологий, защите прав человека, гуманизации и в то же время констатировать тот факт, что в России понятия «осужденный» и «человек» пока еще не равны. Кроме того, те правила и положения, касающиеся реабилитации и ресоциализации осужденных, нашедшие применение в европейских странах, совсем необязательно будут актуальны или применимы в российских условиях исполнения наказаний. Поэтому все мероприятия по использованию современных информационных технологий в УИС России следует изначально проводить в экспериментальном режиме с последующим вынесением окончательного решения о внедрении их в повседневную практику.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Служба отправки сообщений лицам, находящимся под стражей или в заключении. <http://fsin-pismo.ru/?a=main>

² См.: Жалобы – на «мыло» // Коммерсантъ (Воронеж). 2003. № 188. С. 32.

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Смертная казнь как фактор обуздания преступности и очищения общества

Е.П. ИЩЕНКО – заведующий кафедрой криминалистики Московской государственной юридической академии им. О.Е. Кутафина, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации

В статье представлена ретроспектива применения смертной казни, анализируется развитие уголовного законодательства Республики Беларусь с точки зрения применения исключительной меры уголовного наказания. На основе статистических данных судебной практики делается вывод о необходимости отмены моратория на применение смертной казни.

Ключевые слова: смертная казнь; уголовное законодательство; пожизненное заключение; мораторий на применение смертной казни.

Проблема взаимоотношений власти и гражданина, государства и субъекта, общественно-го и частного давно занимает одно из важных мест в различных правовых доктринах. При этом наиболее остро стоит вопрос о применении смертной казни как наказания за совершение наиболее тяжких преступлений. Дадим краткую ретроспективу применения смертной казни, чтобы четче определить ее значение как фактора обуздания преступности, в первую очередь организованной, профессиональной.

Смертная казнь была впервые законодательно закреплена в Двинской судной грамоте 1397 г. и полагалась за татьбу (воровство), совершенную в третий раз. Псковская судная грамота 1467 г. предусматривала смертную казнь за наиболее тяжкие преступления. Так, ст. 7 гласила: «Вора, обокравшего псковский Кремль, конокрада, изменника и поджигателя в живых не оставлять»¹. Судебник 1497 г. предполагал ее назначение уже за 8 составов преступлений, в том числе крамолу, мятеж, поджигательство, церковную и повторную кражи, убийство холопом своего господина и похищение человека.

Смертная казнь в то время обычно осуществлялась через повешение на виселице или дереве, обезглавливание и утопление. Практиковались и квалифицированные ее виды, сопряженные с особыми мучениями для приговоренного. К ним относились сожжение на костре в клетке или срубе; четвертование, при котором казнимому поочередно отрубали руки, ноги и голову; заливание в горло расплавленного металла.

Согласно Судебнику 1550 г. смертная казнь назначалась еще и за сдачу города неприятелю, бунт, квалифицированное мошенничество. В соответствии с другими правовыми актами того времени она полагалась за срыв церковной службы, измену судебного поверенного своему клиенту, должностные преступления губных и земских чиновников, квалифицированный разбой, фальшивомонетчество, внутрисемейное убийство, изнасилование и некоторые другие преступления. Конкретизировались и способы ее реализации. Так, лицу, сорвавшему богослужение, предписывалось отсекал мечом голову, фальшивомонетчику – заливать в горло расплавленные «воровские деньги», а человека, вопреки запрету продавшего за рубеж соль, предполагалось вешать.

Говоря об отечественной практике применения смертной казни во второй половине XVI – первой половине XVII вв., можно констатировать, что в целом она была довольно умеренной. Выделяются лишь годы опричнины и Смуты, когда число казней резко возрастало, да и то в сравнении с предыдущими годами, а не с «просвещенной» Европой. За годы опричнины погибло 3–4 тыс. чел. В Англии же при королеве Елизавете I (1558–1603) было казнено как минимум 18 тыс. чел. В Германии один только судья фон Карпцов (1595–1666) подписал около 20 тыс. смертных приговоров. 24 августа 1572 г. (Варфоломеевская ночь) в Париже было убито до 2 тыс. гугенотов, а вскоре в других городах Франции погибло еще около 30 тыс.²

Согласно Соборному уложению 1649 г. смертной казнью карались следующие преступления:

богохульство, умышленный срыв литургии, обращение православного в ислам, умысел на жизнь и здоровье государя, государственная измена, учинение смуты, подделка или использование заведомо фальшивых официальных документов, квалифицированные кража и разбой, поджог, убийство, похищение человека, изнасилование и др.³ – всего 20 составов, которые с различными вариациями приводили к упоминанию смертной казни в ст. 71 уложения. К ранее существовавшим видам смертной казни добавились закапывание мужеубийц по плечи в землю, четвертование, сажание на кол, повешение за ребро⁴.

Смертная казнь носила публичный характер. В частности, уложение устанавливало, что военнотрудовой, виновный в выдаче врагу военных тайн, должен быть повешен на виду у неприятельских полков. Для достижения большего социально-психологического эффекта тело казненного могло быть оставлено на определенное время на виселице или на колу, а если виновный был обезглавлен или четвертован, то отсеченные части могли быть посажены на колья.

Во второй половине XVII в. преступления, караемые смертной казнью, пополнились такими составами, как злостное «стояние» в расколе, хищение пошлин таможенным головой или целовальником, повторное нарушение засечного режима, квалифицированный побег холопа или крестьянина, квалифицированное хулиганство, неисполнение противоэпидемических правил, обмен валюты в приграничных городах с извлечением прибыли, казнокрадство, присвоение ясака, купля-продажа и мена целебного корня ревеня в ущерб монополии государства на торговлю им.

Претерпели изменение и формы казни. Так, упорных раскольников стали сжигать в срубе, а их прах развеивать; поджигателей стали вешать, а не сжигать; мужеубийцам стали отсекать голову. Что касается масштабов смертных казней, то во второй половине XVII в. они были больше, чем в предшествующие годы. В частности, за 1654–1663 гг. было казнено более 7 тыс. фальшивомонетчиков, что существенно превосходило, в частности, общее количество жертв опричнины.

Для сравнения укажем, что во Франции по дореволюционному законодательству смертной казнью каралось 115 составов преступлений. Но и ей было далеко до Англии, где еще в XVIII в. таких преступлений насчитывалось 160. Были времена, когда их число в Английском королевстве доходило до 240. Еще в начале XIX в. смертная казнь полагалась даже за мелкую кражу, а также за бродяжничество и нищенство.

Смертная казнь на Руси производилась во все дни недели, кроме воскресенья, обычно на месте совершения преступления или месте жительства преступника, чтобы «иным неповадно было». Что же касается масштабов применения этого наказания во второй половине XVII в., то они были более высокими, чем в предшествующие

периоды. Усилению уголовно-правовых репрессий способствовала весьма трудная социальная, политическая и экономическая обстановка, сложившаяся в стране. В условиях серьезного общественного брожения и народных волнений, апофеозом которых стали такие грандиозные социальные потрясения, как разинский бунт и церковный раскол, казнь преступников обоснованно расценивалась государственной властью как одно из необходимых и важнейших средств восстановления и поддержания законности⁵.

Первые письменные свидетельства обычного права Беларуси встречаются в грамотах и договорах Полоцка, Витебска и Смоленска с Ригой и Ливонским орденом. Так, в тексте договора Смоленска, Витебска и Полоцка с Ригой и Готским берегом 1229 г. приведены нормы уголовного права: ст. 1–3 договора предусматривали наказание за убийство и увечье человека. В Судебнике Казимира 1468 г. получила свое закрепление смертная казнь, которая предусматривалась в шести случаях, главным образом за кражу. Смертная казнь нашла свое отражение и в последующих законодательных актах великого княжества Литовского: статутах 1529, 1566 и 1588 гг. В результате второго и третьего разделов Речи Посполитой, произошедших в 1792 и 1795 гг., вся территория Беларуси вошла в состав Российской империи, и система уголовных наказаний стала постепенно сближаться с существовавшей в России⁶.

В связи с вышеизложенным представляется вполне обоснованным вывод Н.Д. Сергиевского о том, что до XIX в. смертная казнь применялась в широких пределах, была явлением вполне ординарным и общепринятым. Даже в XVIII в. она не только в России, но и в европейских кодексах считалась наказанием «самым обыкновенным и наиболее часто применяемым». Но уже в начале XIX в. намечается тенденция, выражающаяся в стремлении обходить смертную казнь⁷.

В 1812 г. при издании Воинского полевого уложения смертная казнь была сохранена только за воинские преступления, совершенные в походе. Однако в 1826 г. по делу о восстании декабристов пятеро его главных участников были повешены. Свод законов 1832 г. установил смертную казнь за тяжкие государственные и некоторые другие преступления. В то же время за ряд общеуголовных посягательств назначались такие меры, как битье кнутом и шпицрутенами, что нередко приводило к смерти осужденного.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. значительно сократило число преступлений, наказуемых смертной казнью, исключив из перечня в том числе отдельные посягательства против священной особы государя и членов императорского дома, ряд проявлений бунта против власти верховной, государственную измену и преступления против народного права⁸.

Таким образом, пределы применения смертной казни в XVIII–XIX вв. начали постепенно сокращаться. В России за бурные и тревожные

1866–1881 гг. было приговорено к смертной казни за политические преступления всего 46 чел., а приведены в исполнение приговоры в отношении 28 лиц. В остальные периоды нашей новейшей истории случаи применения смертной казни еще более редки⁹.

В Уголовном уложении 1903 г. ранее обозначившаяся тенденция к ограничению смертной казни еще более усилилась. Сохранив смертную казнь как наказание за достаточно узкий круг политических преступлений, законодатель указывал, что она не применяется к лицам моложе 21 года и старше 70 лет, а женщинам может назначаться только за посягательство на жизнь императора и его семьи. Однако во время революции 1905–1906 гг. количество смертных казней ежегодно исчислялось тысячами. Смертная казнь продолжала применяться до Февральской революции. 12 марта 1917 г. Временное правительство опубликовало Постановление о повсеместной отмене смертной казни, но уже через 4 месяца ее применение было восстановлено на фронте за измену, разбой, побег к неприятелю, сдачу в плен и другие воинские преступления.

Буквально на второй день после Октябрьского переворота Второй всероссийский съезд Советов своим декретом отменил смертную казнь, и до весны 1918 г. советские карательные органы ее не применяли. Однако после начала гражданской войны и покушения на Ленина ситуация резко изменилась. 21 февраля 1918 г. СНК РСФСР принял Декрет «Социалистическое отечество в опасности!», который разрешал расстрел на месте за совершение преступлений агентами неприятеля, спекулянтами, контрреволюционными агитаторами, германскими шпионами. 5 сентября того же года СНК РСФСР в Декрете «О красном терроре» подтвердил право ВЧК применять высшую меру наказания без суда и следствия.

17 января 1920 г. ВЦИК и СНК РСФСР приняли Постановление «Об отмене применения высшей меры наказания (расстрела)», однако уже через несколько месяцев она была восстановлена. В 1930-е гг. принимались жестокие законы против врагов народа, вредителей, диверсантов, расхитителей социалистической собственности, предусматривающие широкое применение смертной казни, которая в ряде случаев подлежала незамедлительному исполнению.

Очередная попытка отказаться от смертной казни была предпринята в 1947 г. Указ ПВС СССР от 26 мая «Об отмене смертной казни» заменил ее в мирное время лишением свободы сроком на 25 лет. В 1948 г. СССР внес в Организацию Объединенных Наций проект резолюции о полной отмене смертной казни в мирное время, однако эта резолюция принята не была.

Решение об отмене смертной казни существенно осложнило обстановку в местах лишения свободы. К междоусобным битвам среди воровских группировок заключенных тотчас добавились массовые побегии с нападением на охрану и ее разоружением. Отсутствие решаю-

щего сдерживающего фактора очень затруднило работу администрации по наведению в ИТУ порядка. Поэтому МВД СССР в 1952 г. внесло в Совет министров СССР предложение о нераспространении указа об отмене смертной казни на заключенных, совершивших бандитские действия в лагерях и колониях. Уже в 1950 г. было разрешено применять ее к изменникам Родины, шпионам, диверсантам, а в 1954 г. – к совершившим умышленные убийства при отягчающих вину обстоятельствах. Впоследствии перечень таких преступлений был расширен¹⁰.

Не раскрывая всех перипетий, произошедших после 1961 г., в целом не изменивших общей тенденции к сокращению и неприменению смертной казни, а также гуманизации ее исполнения, отметим, что острота этой проблемы резко возросла после того, как с февраля 1999 г. в России был введен мораторий на применение смертной казни. Его действие порождает множество вопросов и вызывает неоднозначную оценку думающих представителей формирующегося в стране гражданского общества. Потрясающие по своей жестокости преступления имеют бурный социальный резонанс, граждане ждут от государства адекватного ответа на очередной вызов, брошенный правопорядку. Дождутся ли?

Отменяя применение высшей меры наказания, государство тем самым сохраняет жизнь наиболее опасным преступникам. Но при таком подходе оно как бы становится союзником самых оголтелых злодеев, поскольку тем самым не обеспечивает остальным гражданам страны безопасность, не гарантирует им право на жизнь. Число опасных преступников с каждым годом увеличивается.

Как справедливо подчеркивается в литературе, современная преступность характеризуется не только ростом числа совершаемых в стране преступлений, но и жестоким, зверским отношением к потерпевшим, особенно по делам об убийствах, изнасилованиях, грабежах¹¹.

В Республике Беларусь смертная казнь применяется. В УК РБ, принятом в 1999 г., она предусмотрена в виде расстрела как исключительная мера наказания лишь за совершение наиболее тяжких преступлений, сопряженных с умышленным лишением человека жизни при отягчающих обстоятельствах, предусмотренных ч. 2 ст. 122, ч. 2 ст. 124, ст. 126, 127, 128, 134, ч. 3 ст. 135, ст. 139, ч. 2 ст. 356, ч. 3 ст. 357, ст. 359, 360, 362. Новый УК РБ отменил высшую меру наказания за целый ряд преступлений: хищение имущества в особо крупных размерах, подделку денег или ценных бумаг, получение взятки, шпионаж, бандитизм, изнасилование и др.

Анализ развития уголовного законодательства Беларуси за последние годы свидетельствует, что сфера применения смертной казни постепенно сокращается. В соответствии со ст. 59 УК РБ не допускается назначение смертной казни лицам: а) совершившим преступления в возрасте до 18 лет; б) женщинам; в) мужчинам,

достигшим ко дню постановления приговора 65 лет. В порядке помилования смертная казнь может быть заменена пожизненным заключением.

В соответствии с ч. 3 ст. 24 Конституции Республики Беларусь смертная казнь до ее отмены может применяться как исключительная мера наказания за особо тяжкие преступления и только по приговору суда. В этой же статье записано, что «каждый имеет право на жизнь. Государство защищает жизнь человека от любых противоправных посягательств». Думается, что белорусский законодатель имел при этом в виду не только преступников, заслуживающих смертной казни, но и законопослушных граждан. В этой связи необходимо напомнить результаты республиканского референдума, прошедшего в ноябре 1996 г., когда за отмену смертной казни высказалось около 18% избирателей, а за ее сохранение – более 80%. В референдуме приняли участие 84,14% граждан от числа внесенных в списки избирателей¹².

Применение смертной казни обусловлено необходимостью бескомпромиссной борьбы с наиболее опасными преступлениями. Она не является актом расчета за совершенное преступление, а преследует цель общего и специального предупреждения преступлений. Ее противники выдвигают аргумент, что жестокое отношение к преступникам тормозит моральный прогресс общества и его членов, понижает уважение к человеческой личности. Они заявляют, что применять смертную казнь к особо опасным преступникам могут только государства с высоким уровнем общественной морали. Одним из таких государств они считают США, однако ничуть не смущаются тем, что в этой «высокоморальной» стране можно казнить беременную женщину, несовершеннолетнего. А в России расстрелять человека, лишившего жизни многих людей, видите ли, негуманно¹³.

Еще в 70–80-х гг. прошлого века США отказались от идеи реабилитации заключенных, поскольку «подавляющее большинство правонарушителей вновь и вновь проходят через “вращающиеся двери” системы судопроизводства»¹⁴, а в 90-х гг. распространили смертную казнь на 50 составов федеральных преступлений в отношении наиболее опасных преступников: террористов, членов организованных преступных группировок, патологически агрессивных и ситуативно агрессивных людей, сексуальных маньяков. В результате за 8 лет количество серьезных преступлений уменьшилось на 22%¹⁵.

Отстаивая право злостного убийцы на жизнь, некоторые ученые ссылаются на конституционное положение о том, что человеческая жизнь – самая большая ценность. А как же быть с ценностью жизни тех людей, которых зверски убил преступник? Так можно договориться до драгоценности жизней убийц-рецидивистов и нулевой ценности жизней их жертв.

Отнюдь не случайно около ста государств сохраняют смертную казнь в своем уголовном законодательстве и применяют ее на практике. В

их числе Китай, США, Япония, Нигерия, Саудовская Аравия. Как совершенно обоснованно указывает Р.С. Нагорный, только смерть осужденного дает стопроцентную гарантию того, что он в будущем больше не совершит преступления¹⁶.

В 2002 г. Конституционный Суд Республики Беларусь по предложению палаты представителей Национального собрания дал заключение о законности применения смертной казни в качестве исключительной меры наказания, рекомендуя главе государства и парламенту объявить мораторий на ее применение или вообще отменить ее, обосновав это еще и тем, что 45 государств-членов Совета Европы отказались от применения данного наказания¹⁷.

Представляется, что негативный опыт России в этом плане тоже весьма показателен. До начала 90-х гг. XX в. убийства в СССР совершались в основном на бытовой почве (ревность, месть, личная неприязнь, хулиганские побуждения и т.п.) и не имели столь широкого распространения, как теперь. С начала перестройки число убийств в России, согласно официальным данным, возросло в 3 раза: с 10 тыс. в 1985 г. до 30 тыс. в 2005 г., когда страна вышла на первое место в мире по уровню умышленных убийств (21,5 на 100 тыс. населения). Даже если взять за основу лишь официально зарегистрированные убийства (30 тыс. за 2005 г.), то их в России регистрируется в 20 раз больше, чем в Японии (в расчете на 100 тыс. населения), в 17 раз больше, чем в ФРГ, в 14 раз больше, чем во Франции, и в 3,5 раза больше, чем в США¹⁸.

Поэтому права Б.Г. Караганова, считающая не случайным появление в настоящее время самосуда, который выступает отрицанием целесообразности замены смертной казни на пожизненное заключение, свидетельством недоверия населения к правосудию¹⁹.

Пожизненное заключение некоторые авторы называют «погребением заживо», «смертью в рассрочку», «сухой гильотиной». Оно и впрямь похоже на издевательство над человеком, которого обрекли на «растительное» существование. Но если его сравнить с участью большинства российских пенсионеров, живущих только на мизерные пенсии, то, увы, обитатели ИК-5 на о. Огненный в Вологодской области (пожизнники) ей едва ли позавидуют²⁰.

А. Кулешов пишет: «Ведутся бесконечные споры с позиций “высшей гуманности”, расплывчатой статистики. А ведь все достаточно просто и ясно – есть те, от кого общество должно избавляться как от неизлечимых болезней. Злокачественные опухоли надо удалять, а не лелеять... Речь идет не о психически больных людях, не о случаях, когда смертная казнь неадекватна тяжести совершенного преступления... Речь об извергах, на трезвую голову, хладнокровно и продуманно совершивших чудовищные преступления... Это не посягательство на жизнь человека, потому что те, кто подобные преступления совершают, не люди. Это существа, которым не должно быть места на Земле. Избавлять мир от

них и есть подлинная гуманность. По отношению к людям»²¹. Воистину, преступно смешивать демократию со вседозволенностью, проявлять гуманизм только к убийцам, напрочь забывая об убитых и их близких.

Признавая несомненную необходимость очищения общества от опасных преступников, некоторые авторы предлагают возродить смертную казнь за совершение убийства в третий раз²². Думается, что такая соглашательская позиция ничем не оправдана, разве что попыткой успокоить советчиков из Совета Европы.

Отъявленных душегубов нужно казнить. «У таких нелюдей от человеческого фактически осталась одна внешняя оболочка – их тело. Мозг же всецело поражен вирусом насилия... Жестокость уголовной репрессии по отношению к таким монстрам представляется вполне оправданной. Библейская заповедь “не убий” из религиозного догмата должна превратиться в табу; страх нарушить эту заповедь должен войти в “генетическую память” поколений»²³.

Итак, высшая мера наказания за наиболее тяжкие преступления против жизни, несомненно, имеет право на исполнение. Ее применение оказывает серьезное сдерживающее влияние, играет в системе мер борьбы с преступностью важную роль. Мораторий на применение высшей меры наказания сегодня не соответствует представлениям большинства граждан России о справедливости.

И тем не менее 19 ноября 2009 г. Конституционный Суд Российской Федерации, толкуя право на жизнь как право не быть подвергнутым смертной казни, думается, ошибочно признал, что назначение смертной казни в России невозможно. 2 февраля 1999 г. этот суд постановил, что до введения на всей территории Российской Федерации судов присяжных наказание в виде смертной казни назначаться не может. Став членом Совета Европы, Россия с 16 апреля 1997 г. не может ни назначать наказание в виде смертной казни, ни исполнять его. В течение 10 лет в стране действует комплексный мораторий на смертную казнь, идет процесс ее отмены, поэтому введение с 1 января 2010 г. суда присяжных на всей территории России не создает возможности назначения смертной казни. Иначе, чем изозированной казуистикой, эту позицию не назовешь.

Пока люди не настолько совершенны, чтобы не совершать особо тяжких преступлений, смертная казнь была и будет абсолютно необходимой. С учетом нынешних сложных условий жизни российского общества мораторий на ее применение давно следует отменить. В стране как можно скорее должна быть восстановлена нормальная справедливость, тогда мы, добропорядочные граждане, будем жить в безопасном государстве, самоочищающемся от скверны преступности, а не накапливающим в социальном организме ее наиболее сильные яды. Если молчит здравый смысл, пусть сработает инстинкт самосохранения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Антология мировой правовой мысли: В 5 т. М., 1999. Т. IV. Россия XI–XIX вв. С. 59–71.

² См. подр.: Рожнов А.А. Смертная казнь в Московском государстве по Уложению 1649 г. и законодательству второй половины XVII в. // Российский юридический журнал. 2008. № 1. С. 42–59.

³ См. подр.: Антология мировой правовой мысли. Т. IV. С. 239–248.

⁴ См.: Рожнов А.А. Смертная казнь в Московском государстве по Уложению 1649 г. и законодательству второй половины XVII в. С. 97–101, 165–168.

⁵ См.: Там же. С. 160–165.

⁶ См. подр.: Пацкевич А.П., Стороженко С.Н. Право на жизнь и проблемы смертной казни в контексте Конституции Республики Беларусь // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2007. № 1. С. 59–60.

⁷ См.: Сергиевский Н.Д. Избр. тр. М., 2008. С. 247–248.

⁸ См.: Антология мировой правовой мысли. Т. IV. С. 600–611.

⁹ См. подр.: Фойницкий И.Я. Учение о наказании в связи с тюремным ведением // Антология мировой правовой мысли. Т. IV. С. 794–795.

¹⁰ См. подр.: Пацкевич А.П., Стороженко С.Н. Право на жизнь и проблемы смертной казни в контексте Конституции Республики Беларусь. С. 59–63.

¹¹ См.: Романов В.В., Топорикова О.О. Защита прав жертв преступлений в уголовном процессе по делам о тяжких и особо тяжких насильственных, корыстно-насильственных и корыстных преступлениях с учетом положений современной криминальной виктимологии // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы: Сб. науч. тр. Минск, 2005.

¹² См.: Володько М.В. Морально-правовые аспекты смертной казни // Южно-Уральские криминалистические чтения: Сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. Уфа, 2003. Вып. 11. С. 170–177.

¹³ См.: Бахин В.П., Карпов Н.С. Мораторий смертной казни: маньякам – жизнь, а что потенциальным жертвам? // Воронежские криминалистические чтения: Сб. науч. тр. / Под ред. О.Я. Баева. Воронеж, 2008. Вып. 9. С. 57–58.

¹⁴ См.: Янина Я.Ю. Компромиссные модели разрешения конфликтов уголовного судопроизводства: анализ зарубежного опыта и возможности его применения в России // Уголовный процесс и криминалистика: современные проблемы и пути их решения: Сб. ст. Калининград, 2006. С. 179.

¹⁵ См.: Стойко Н.Г. Уголовный процесс западных государств и России: сравнительное теоретико-правовое исследование англо-американской и романо-германской правовой систем: Моногр. СПб., 2006. С. 244.

¹⁶ См.: Нагорный Р.С. Смертная казнь: превентивная роль. Ужесточение наказания против неотвратимости наказания // Российский следователь. 2006. № 2.

¹⁷ См.: Пацкевич А.П., Стороженко С.Н. Право на жизнь и проблемы смертной казни в контексте Конституции Республики Беларусь. С. 61–63.

¹⁸ Алексеев А.И., Овчинский В.С., Побегайло Э.Ф. Российская уголовная политика: преодоление кризиса. М., 2006. С. 17–18.

¹⁹ См. подр.: Караганова Б.Г. Лишение свободы и смертная казнь в санкциях статей УК РФ // Государство и право. 2003. № 11.

²⁰ См. подр.: Ищенко Е.П. Сколько стоит жизнь? (в порядке постановки проблемы) // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2009. № 6. С. 72–76.

²¹ Кулешов А. Так казнить или миловать? // Смертная казнь: за и против. М., 1989. С. 346.

²² См.: Давыдов А., Малков В. Неоднократность преступлений и ее уголовно-правовое значение // Российская юстиция. 2000. № 1; Бахин В.П., Карпов Н.С. Мораторий смертной казни: маньякам – жизнь, а что потенциальным жертвам? С. 63–65.

²³ Побегайло Э.Ф. Проблема смертной казни в свете криминологической ситуации в России // Криминология: вчера, сегодня, завтра: Тр. Санкт-Петербургского криминологического клуба. 2002. № 3. С. 54–61.

ПРИГЛАШАЕМ К ДИСКУССИИ

Качество и фундаментальность образования: взаимосвязи и противоречия

В.А. ТЕСТОВ – заведующий кафедрой алгебры, геометрии и теории обучения математике Вологодского государственного педагогического университета, доктор педагогических наук, профессор

Для оценки качества образования ныне принят подход, используемый для объектов и процессов, формируемых и реализуемых в производственной практике. Этот подход не раскрывает внутреннюю взаимосвязь качества и фундаментальности образования. Образование – это объект гораздо более сложных антропосоциокультурных отношений, чем производство, и при определении его качества нужны другие подходы.

Ключевые слова: качество образования; фундаментальность образования; целостность образования; постнеклассическая методология.

В последние годы о качестве образования часто говорят и пишут в самых разных аспектах, разрабатываются различные модели и технологии оценки качества подготовки специалистов, создаются многочисленные службы управления качеством. С другой стороны, в научной печати широко обсуждается проблема фундаментальности образования. С фундаментализацией образования некоторыми исследователями в нашей стране и за рубежом напрямую связывается уровень образованности и культуры общества, возможность предотвращения цивилизационных кризисов, которые все чаще угрожают современному обществу. Однако в педагогической науке отсутствует единое понимание как понятия «качество образования», так и понятия «фундаментальность образования», не раскрыта их взаимосвязь.

Большое разнообразие трактовок этих категорий вызвано их многоаспектностью. Рассматриваемые понятия выглядят несколько по-разному, если делать срезы с точек зрения различных научных подходов. В научных исследованиях по этой тематике наблюдается не только отсутствие единства в толковании основных терминов, но и неоднозначность целого ряда исходных положений.

С философской точки зрения, качество объекта или явления обнаруживается в совокупности его свойств. Но категория качества объекта не сводится к отдельным его свойствам, она выражает целостную характеристику функционального единства существенных свойств объ-

екта, его внутренней и внешней определенности. Качество связано с предметом как целым, охватывает его полностью и неотделимо от него. Предмет не может, оставаясь самим собой, потерять свое качество. Применительно к образованию это означает, что, с философской точки зрения, качество – его неотъемлемая черта, его суть, иными словами, если есть образование, то есть и качество, нет качества – нет фактически и самого образования. Следовательно, чтобы улучшить качество образования, надо улучшить само образование. Качественное образование занимались всегда, а сам термин «качество образования» есть просто новое модное слово, хотя в нем и отражена существенная черта образования.

Между тем большинство современных исследователей философское определение качества отвергли. На первый план было выдвинуто требование измеряемости. Было высказано мнение, что философское определение качества не имеет сколько-нибудь существенного значения, так как в философии эта категория не носит оценочного характера и при такой трактовке бессмыслен вопрос об измерении или иной оценке качества, различении плохого или хорошего качества. В связи с этим рядом авторов за основу было принято совсем другое определение качества – определение, используемое для объектов и процессов, формируемых и реализуемых в производственной практике. Согласно ему качество продукции – это совокупность существенных потребительских свойств этой продукции,

значимых для потребителя. Иными словами, это полезность, ценность продукции, ее пригодность или приспособленность к удовлетворению определенных потребностей. В данном контексте свойства объекта рассматриваются с позиции потребителя, а не с позиции производителя. С учетом сказанного можно сделать вывод, что качество образования есть соответствие (адекватность) образования потребностям общества и личности, установленным нормам, требованиям, стандартам¹.

Использование такого определения кардинально меняет плоскость рассмотрения понятия качества и делает весьма шаткой методологическую основу дальнейших исследований. При данной трактовке сразу же проявляется лежащая в ее основе исследовательская позиция – некий внешний подход, «внешний методологизм». На первый план выдвигается не внутренняя определенность объекта, а его чисто внешняя, утилитарная сторона – приспособленность к удовлетворению определенных потребностей. Этот подход порождает описательно-объясняющий, а не конструктивный характер оценки качества образования, позволяет производить внешнюю оценку качества, но не реально управлять им, исходя из внутренних оснований содержания образования. В образовании, на наш взгляд, первичным является его качество, а оценка качества, несмотря на всю ее важность, вторична.

При заявленном подходе внимание акцентируется на том, что нужно от образования различным внешним заинтересованным сторонам – личности, работодателям, обществу, государству и т.д. Отсюда можно вывести лишь какие-то действия администрации разных уровней системы образования. А каковы внутренние пути совершенствования качества образования, что делать для этого субъектам педагогического процесса (авторам стандартов, программ и учебников, преподавателям и студентам) – все это отодвигается на задний план. Место и роль содержания образования, его фундаментализация в предлагаемых различными авторами системах управления качеством образования определены в наименьшей степени.

Как известно, в высшем образовании кроме прикладной составляющей, качество которой в первую очередь должны определять быстро меняющиеся внешние условия, то есть рынок, имеется фундаментальная составляющая. А вот ее качество в гораздо большей степени зависит не от внешних, а от внутренних условий.

С точки зрения классической дидактики, фундаментальность образования базируется на таких принципах, как научность, систематичность и последовательность. В соответствии с ними содержание образования должно являться строго научным, объективно отражающим современное состояние соответствующей отрасли научного знания и учитывающим тенденции и перспективы его развития. Знания, умения и навыки должны формироваться в определен-

ном порядке, системе: каждый элемент учебного материала должен быть логически связан с другими, последующее должно опираться на предыдущее и готовить к усвоению нового.

С точки зрения деятельностного подхода, рассматривающего учение как деятельность, фундаментальность имеет те же структурные элементы, что и все содержание образования: опыт познавательной деятельности – в форме ее результатов (знаний); опыт осуществления известных способов деятельности – в форме умений действовать по образцу; опыт творческой деятельности – в форме умений принимать нестандартные решения в проблемных ситуациях; опыт осуществления эмоциональных отношений – в форме личностных ориентаций. Перечисленные элементы связаны между собой таким образом, что каждый предшествующий служит предпосылкой для перехода к следующему.

С точки зрения системного подхода, фундаментальность образования характеризуется целостностью, взаимосвязанностью и взаимодействием элементов, а также наличием системобразующих стрижней.

Значимость фундаментального образования заключается в его целостности, которая является одним из основополагающих принципов формирования содержания обучения. Вуз должен дать студентам представление как о конкретной науке, так и о всей науке в целом, чему, к сожалению, в значительной степени препятствуют «стены» между отдельными вузовскими предметами. В российской высшей школе сложились определенная традиция формирования у студентов целостного естественно-научного мировоззрения. Как пишет В.А. Садовничий, в отличие от других наций, мы сразу стали учиться научно мыслить и учить студенчество мыслить целостными, фундаментальными теориями и действовать в практике сообразно методам получения фундаментальных знаний².

Однако целостная научная картина мира основывается не только на естественно-научной, но и на гуманитарной составляющей. Поэтому фундаментальное образование необходимо строить на базе сочетания новейших естественно-научных и гуманитарных знаний, диалога двух культур. С этим связано более глубокое осмысление связей между дисциплинами, которое обеспечивает фундамент, позволяющий будущему специалисту решать различные проблемы, выдвигаемые научно-техническим прогрессом.

Одним из основных направлений происходящей модернизации образования является как раз интеграция различных отраслей наук. Существенную помощь в решении этой задачи может оказать формирование у студентов нового междисциплинарного синергетического мировоззрения. С точки зрения синергетики как междисциплинарного мышления, содержание различных учебных курсов в совокупности со-

ставляет единое содержание обучения. Взаимосвязь учебных предметов, их объединение (в смысле содержания обучения) имеют своей целью создание в сознании будущего специалиста целостной научной картины, служащей основой его последующей практической деятельности.

Общие, целостные свойства системы не сводятся к сумме свойств ее элементов, а возникают в результате взаимодействия последних. Поэтому принцип целостности обязательно должен дополняться принципом взаимосвязанности знаний, который предполагает рассмотрение совокупности устойчивых связей, обеспечивающих целостность изучаемого объекта. То, чему учат, должно иметь много связей – этого требовал еще Я.А. Каменский. То, что взаимосвязано, легче изучается и удерживается в памяти.

Еще одной системной характеристикой фундаментальности образования является направленность на постижение глубинных, сущностных, системообразующих оснований и связей между разнообразными процессами окружающего мира. Фундаментальные знания – это стержневые, системообразующие, методологически значимые представления, восходящие к истокам понимания, первичным сущностям. В отличие от конкретных знаний и фактов они меняются сравнительно медленно, живут сравнительно долго, и это позволяет надеяться, что трансформироваться в течение среднего срока трудового стажа выпускника школы или вуза они способны незначительно. Выработанное на их основе умение думать, самостоятельно добывать знания должно существенно помочь выпускнику и в ситуации смены специальности или даже профессии. Принцип, предполагающий четкое выделение стержней курса, его основных идей, будем называть принципом генерализации знаний.

Наиболее полное воплощение генерализации и взаимосвязанность знаний, их эволюция и соединение в целостную научную картину окружающего мира находят в синергетической концепции эволюции и самоорганизации сложных систем. Эта концепция вбирает в себя не только системный, но и культурологический подход, позволяет усваивать знания как часть культуры, вести поиск такой системы ценностей, которая бы изменила стратегию современного образования, в последние годы ориентированную в большой степени на идеалы потребительского общества. Предполагается, что приоритетными задачами фундаментализации образования должны стать создание у людей внутренней потребности в саморазвитии и самообразовании, овладении методами получения знаний; формирование у них таких качеств, которые позволят им успешно адаптироваться, жить и работать в условиях нового века.

Перечисленные важнейшие качественные характеристики образования остаются вне рамок приведенного выше определения качества образования. Образование не есть просто объ-

ект купли-продажи, это объект более сложных и тонких экономических и социокультурных отношений, имеющий свои внутренние традиции и тенденции. Поэтому для определения качества высшего образования необходимо использовать принципиально иной подход, учитывающий не только потребности различных внешних сторон, но и внутренние процессы, происходящие в образовании, его природу.

Такой подход Т. Елисеева и В. Батурина предложили назвать внутренним методологизмом. По их мнению, только он и имеет право на обоснованное использование, поскольку задает приоритеты в образовании, исходя из самой его природы. Кроме прочего, при этом устраняется субъективизм, волюнтаризм, конъюнктурность и им подобные наполнения содержания качества образования. В соответствии с данным подходом за эффективность образования в равной степени ответственны как обучающий, так и обучающийся, то есть качество образования, его ценность создаются и тем и другим, причем производство и потребление находятся здесь в неразрывном единстве³.

Показателем качества образования предлагается считать его духовность, которая является мерой человеческого в образовании. Духовность – степень соответствия образования как производства и воспроизводства человеческой сущности. Однако, несмотря на всю важность этого показателя, он все же не охватывает все образование, в частности не характеризует степень фундаментальности. На наш взгляд, за основу определения качества образования следует взять самое широкое философское понимание качества предмета или явления, согласно которому качество объекта (явления) – это его существенные, устойчивые свойства, благодаря которым он этим объектом является.

Чтобы обнаружить внутреннюю связь между качеством и фундаментальностью образования, под качеством образования будем понимать определенный уровень освоения учеником содержания образования и, прежде всего, методологически важных, долгоживущих и инвариантных элементов человеческой культуры (знаний, способностей деятельности, опыта творческой деятельности, эмоционально-ценностных отношений), способствующих инициации, развитию и реализации творческого потенциала обучающегося, обеспечивающих качественно новый уровень его внутренней интеллектуальной и духовной культуры, создающих внутреннюю потребность в саморазвитии и самообразовании на протяжении всей жизни человека, способствующих адаптации личности в быстро изменяющихся социально-экономических и технологических условиях.

Разумеется, приведенное определение (как и определение фундаментальности) недостаточно четко для квалиметрических целей. Однако многие качества в образовании (например, ту же

духовность) измерить практически невозможно. Да и с точки зрения современной постнеклассической методологии переход от четких, определенных понятий к менее четким является одним из средств сделать понятия более соответствующими сложной, динамичной, неопределенной реальности. Необходимость рассмотрения таких нечетких понятий с размытым набором признаков, имеющих больше степеней свободы своего использования, коренится не столько в недостаточной проницательности человеческого ума, сколько в сложности самого мира, отсутствии в нем жестких границ и ясно очерченных классов, во всеобщей изменчивости, текучести вещей. Нестрогие и нечеткие понятия не в меньшей степени, чем строгие, являются эффективным орудием познания сложных динамичных систем.

Понятие качества образования должно служить главной задаче – улучшению качества образования, а этого можно достичь только путем его фундаментализации и сохранения лучших педагогических традиций.

■ ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Новое качество высшего образования в современной России. Концептуально-программный подход / Под науч. ред. д-ра техн. наук Н.А. Селезневой и д-ра экон. наук А.И. Субетто. М., 1995.

² См.: Садовничий В.А. Традиции и современность // Высшее образование в России. 2003. № 1. С. 11–18.

³ См.: Елисеева Т., Батурин В. Качество образования: методологические основания дискуссии // Высшее образование в России. 2005. № 11. С. 115–120.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Милиция в системе органов по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)

В.А. Гусак – доцент кафедры оперативно-розыскной деятельности Челябинского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент

Статья посвящена вопросам борьбы с детской беспризорностью и безнадзорностью в годы Великой Отечественной войны. В работе анализируются причины данных социальных явлений в военный период, особенности деятельности органов милиции по реализации государственной политики в этой области, а также вопросы координации работы милиции с другими элементами системы органов по борьбе с беспризорностью и безнадзорностью. Делается вывод о том, что особая социальная и правовая природа органов милиции обусловила ее роль как непосредственно действующего элемента, обладающего необходимыми правовыми и организационными ресурсами для эффективного противодействия беспризорности и безнадзорности.

Ключевые слова: беспризорность; безнадзорность; преступность несовершеннолетних; система органов по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью; детские комнаты милиции; отделы по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью.

В годы Великой Отечественной войны детская беспризорность и безнадзорность приобрела массовый неконтролируемый характер. Историко-правовое исследование опыта преодоления этих негативных социальных явлений актуально для решения проблем современного общества. Целью настоящей статьи является анализ причин детской беспризорности и безнадзорности в военный период, особенностей деятельности органов милиции по реализации государственной политики в этой области, а также вопросов координации работы милиции и других элементов системы органов по борьбе с беспризорностью и безнадзорностью.

Исследование соотношения понятий детской беспризорности и детской безнадзорности позволяет установить, что в их содержании присутствует ряд общих признаков. Как известно, беспризорность – особое социальное положение несовершеннолетнего, характеризующееся: а) отсутствием постоянного места жительства, жилья для проживания (бездомностью); б) разрывом отношений с родителями (лицами, их заменяющими), родственниками, педагогами, воспитателями и другими лицами; в) отчуждением от всех институтов социализации личности детей и подростков (семьи, учебно-воспитательных, досуговых, медицинских и других учреждений), что влечет отсутствие семейного и государственного попечения, систематического воспитательного воздействия в результате ут-

раты родителей, ухода из семьи, бегства из воспитательных учреждений и по другим причинам; г) незанятостью общественно полезным трудом (учебой, работой). К дополнительным признакам беспризорности относят также отсутствие у детей и подростков определенных занятий, проживание в местах, не предназначенных для жилья, приобретение необходимых для жизни средств способами, нарушающими правовые либо другие социальные нормы¹.

Безнадзорными, в свою очередь, являются несовершеннолетние, контроль за поведением которых отсутствует вследствие неисполнения или ненадлежащего исполнения обязанностей по их воспитанию, обучению и (или) содержанию со стороны родителей или иных законных представителей либо должностных лиц. Беспризорность и безнадзорность – это взаимосвязанные социальные явления, масштаб которых обычно возрастает под воздействием природных (неурожаи, стихийные бедствия) и социальных (революции, войны) потрясений. При этом беспризорность и безнадзорность могут быть как сопутствующими явлениями, так и самостоятельными. Однако безнадзорность, как правило, влечет за собой беспризорность, которая в свою очередь является существенным криминальным фактором.

С началом Великой Отечественной войны уровень беспризорности и безнадзорности возрос настолько, что можно было говорить о таком

опасном социальном явлении, как массовая беспризорность и безнадзорность. Только через детские приемники-распределители НКВД за военный период прошло около 1 млн беспризорных и безнадзорных детей².

Авторы, осуществляющие анализ многообразных причин, вызвавших увеличение уровня детской беспризорности и безнадзорности в период Великой Отечественной войны, обычно не разделяют эти социальные явления. Представляется, что различия между ними требуют выявления двух самостоятельных групп причин беспризорности и безнадзорности.

Основной причиной беспризорности в военный период являлась высокая смертность родителей как на фронте, так и в тылу. Дети-сироты составляли значительную часть беспризорных детей. К примеру, из числа задержанных в 1943 г. в Казахстане беспризорных детей 81% не имел родителей. По данным детских приемников Челябинской области, 70% беспризорных, задержанных органами милиции, были круглыми сиротами, остальные 30% потеряли с родителями связь или убежали из дома³.

Отсутствие продовольствия и товаров первой необходимости приводило к резкому ухудшению уровня жизни населения, голоду, которым были охвачены целые регионы страны. Сотни тысяч семей, особенно многодетных, оказались не в состоянии прокормить своих детей. Это также приводило к росту смертности, в результате чего дети оставались без родителей. Так, вследствие значительного недобора сельскохозяйственных продуктов в 1943 г. население ряда районов Алтайского края испытывало серьезные затруднения с продовольствием. В колхозах «Сибиряк», им. Микояна и «Просвет» Андреевского района Алтайского края в феврале–марте 1944 г. умерло от истощения более 30 чел., большинство из которых были дети⁴. В Татарской АССР получило широкое распространение заболевание дистрофией и резкое истощение из-за недоедания. По состоянию на 5 апреля 1945 г. в 26 районах республики было выявлено 46 тыс. чел., заболевших дистрофией и нуждавшихся в срочной помощи⁵.

При эвакуации населения из прифронтовой полосы в тыл, которая часто сопровождалась авиабомбардировками и обстрелами железнодорожных составов, а позднее при возвращении из тыловых областей в освобожденные от оккупации районы, в процессе стихийных перемещений населения многие дети отставали от эшелонов, теряли своих родителей или связь с ними, оставаясь при этом одновременно и без помощи родителей, и без места жительства.

Из местностей, в которых возникла угроза оккупации, в первую очередь эвакуировались дети и детские учреждения. За вторую половину 1941 г. и в начале 1942 г. было вывезено 976 детских домов с 107 223 воспитанниками⁶. В течение июня 1941 г. из Ленинграда было отправлено свыше 300 тыс. детей. За счет эвакуации в

Чкаловскую область детских домов из прифронтовой полосы, главным образом из Орловской, Ростовской, Смоленской, Гомельской и Полтавской областей, число детских домов в области увеличилось с 25 до 68, то есть в 2,7 раза, а количество детей, проживавших в них, с 2792 до 7829 чел., то есть в 2,8 раза⁷. В Челябинскую область в период Великой Отечественной войны были эвакуированы из прифронтовых районов (Московской, Тульской, Рязанской, Калининской, Орловской и других областей) 92 детских дома, 133 интерната, которые насчитывали 15 624 воспитанника⁸. В Барнауле, Омске, Новосибирске, Томске и Кемерово были созданы центральные детские эвакуационные пункты. В целом за период с 1 сентября 1941 г. по 1 января 1942 г. через эвакуационные пункты городов Западной Сибири прошли более 12 тыс. детей⁹.

Причиной роста беспризорности также являлось увеличение числа побегов несовершеннолетних из детских домов, школ ФЗО, ремесленных и железнодорожных училищ, мест трудоустройства. Только органы транспортной милиции в 1945 г. задержали 28 861 ребенка, бежавшего из детских домов, и 17 871 подростка, бежавшего из школ ФЗО, ремесленных и железнодорожных училищ. Больше всего побегов было зарегистрировано в детских домах Молотовской и Свердловской областей – соответственно 470 и 376 чел. В числе причин побегов назывались отсутствие материальной базы, приспособленных помещений, оборудования, инвентаря, однако, представляется, что основной причиной являлось плохое питание. Неудовлетворительное состояние работы ряда детских домов было отмечено в Приказе НКВД от 31 января 1945 г.¹⁰, в котором были вскрыты факты хищения вещевого довольствия и продуктов питания в Юговской детской трудовой воспитательной колонии УНКВД по Молотовской области, начальник которой не обеспечил сохранность вверенных ему государством материальных ценностей, в результате чего в течение 1944 г. воспитанниками и обслуживающим персоналом колонии было расхищено различных предметов вещевого довольствия и продуктов питания на 45 тыс. руб.

От побегов не удерживали даже меры ответственности, предусмотренные Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 декабря 1940 г. «Об ответственности учащихся ремесленных, железнодорожных училищ и школ ФЗО за нарушение дисциплины и за самовольный уход из училища (школы)». За самовольный уход из школ и училищ и за систематическое и грубое нарушение школьной дисциплины, повлекшее исключение, воспитанники подвергались по приговору суда заключению в трудовые колонии сроком до одного года¹¹.

Значительный масштаб приобретали побег из детских колоний. Только за январь 1944 г. в 47 колониях было зарегистрировано 445 побегов воспитанников, среди которых больше всего побегов из Новосибирской колонии (44 чел.) и

Медногорской колонии Чкаловской области (43 чел.)¹². В феврале 1944 г. был совершен групповой побег 29 воспитанников из Саратовской трудовой колонии. В директиве НКВД от 13 марта 1944 г.¹³ были названы основные причины побегов из детских колоний: тяжелые бытовые и жилищные условия, плохое питание, незанятость воспитанников школьным и производственным обучением, неукомплектованность штата воспитателей и охраны, неудовлетворительное состояние зон ограждения и др. По мере освобождения территории СССР от оккупации увеличивалось число детей, бежавших из детских учреждений с целью возвращения в родные места.

Обратимся теперь к анализу причин детской безнадзорности. Первой причиной является массовая мобилизация мужского населения в ряды Красной Армии и трудовая мобилизация. Все обязанности по воспитанию были возложены на матерей, часто занятых на производстве в течение 12-часового рабочего дня. Истощение и тяжелые нагрузки в этих условиях неизбежно приводили к отсутствию контроля за детьми.

Вторую причину составляли недостаток квалифицированных педагогических кадров, сокращение занятий в школах до 2,5–3 часов в день, проведение занятий в три смены, перегрузка учителей – все это отрицательно влияло на организацию и проведение внеклассной воспитательной работы с детьми. Произошло сокращение сети детских учреждений, ряд помещений которых был занят госпиталями. По сравнению с довоенным периодом сократилось количество проводимых для детей культурных мероприятий. С.П. Шатилов отмечает также недостаточную работу со стороны некоторых местных органов, комиссий по устройству детей, отделов народного образования, школ и других общественных организаций и формально-бюрократическое отношение некоторых руководителей к подросткам, работающим на предприятиях¹⁴.

Сравнение динамики беспризорности и безнадзорности показывает, что борьба с последней представляла наибольшие трудности, поскольку социальной базой безнадзорности являлась постоянно воспроизводящая ее семейная, школьная и внешкольная среда, испытывавшая на себе деструктивное воздействие войны. К примеру, рост безнадзорности в Челябинске в первом полугодии 1945 г. на 23,2% по сравнению с тем же периодом 1944 г. свидетельствовал о том, что на заключительном этапе войны факторы, порождающие данное явление, сохраняли свою силу¹⁵. В Кировской области из 1735 детей, задержанных в 4 квартале 1944 г., безнадзорных насчитывалось 1105 чел., или 63,6% (в предшествующем квартале того же года эта цифра составляла 2547 чел.)¹⁶.

Органы милиции при реализации деятельности по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью осуществляли две функции – правообеспечительную и правоохранительную.

Необходимо было, с одной стороны, организовать защиту детей, оказать им социальную помощь в сложной обстановке военного периода, с другой – не допустить массовых нарушений общественного порядка и ухудшения криминальной обстановки в связи с ростом преступности несовершеннолетних. Общественная опасность беспризорности заключается в следующей закономерности: дети, живущие на улице или не приспособленных для этого местах, не имеющие источников для существования, чаще всего собираются в группы и начинают совершать преступления или попадают под влияние взрослых, вовлекающих их в преступную деятельность. Если в 1941 г. несовершеннолетними было совершено 5% зарегистрированных в стране преступлений, то в 1944 г. этот показатель увеличился до 11%¹⁷. Неконтролируемый всплеск беспризорности и безнадзорности мог привести к массовым нарушениям общественного порядка и дестабилизации обстановки в тыловых регионах. Реализация органами милиции функций по борьбе с беспризорностью и безнадзорностью позволила предотвратить наступление таких последствий, хотя в полной мере решение этой проблемы с учетом условий военной обстановки не представлялось возможным.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что в условиях Великой Отечественной войны основной объем работы по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью (выявление и задержание беспризорных и безнадзорных детей, проведение с ними воспитательной работы; профилактика беспризорности и безнадзорности; дальнейшее устройство детей на воспитание в семьи граждан, направление в детские дома, ремесленные и железнодорожные училища, трудоустройство в промышленности и в сельском хозяйстве; направление в детские приемники-распределители и трудовые воспитательные колонии; применение административных мер по отношению к родителям беспризорных и безнадзорных; выявление и привлечение к ответственности лиц, вовлекавших детей в преступную деятельность; помощь в розыске детей, потерявших во время войны связь с родителями) осуществлялся, в первую очередь, органами милиции в рамках реализации правообеспечительной и правоохранительной функций.

23 января 1942 г. Совнарком СССР принял решение «Об устройстве детей, оставшихся без родителей»¹⁸, в котором подчеркивалось, что воспитание осиротевших детей и проведение мероприятий по предупреждению детской безнадзорности является важнейшим государственным делом. В соответствии с директивой НКВД СССР от 11 февраля 1942 г. на органы милиции были возложены обязанности по выявлению всех оставшихся без родителей детей и направлению их в приемники-распределители НКВД, оказанию помощи родителям и родствен-

никам по розыску потерявшихся детей в период эвакуации через создание справочно-адресных детских столов¹⁹.

В начале войны участковые уполномоченные и милиционеры обеспечивали выявление и изъятие безнадзорных и беспризорных детей с вокзалов, улиц и других общественных мест и передавали их в детские комнаты милиции, где они содержались до направления их в детские приемники-распределители или к родителям. В приемниках-распределителях решался вопрос об устройстве детей в детские учреждения, на патронат или на работу в промышленности или сельском хозяйстве. Все дети проходили регистрацию в справочных адресных детских столах, которые были созданы в целях оказания помощи родителям в поиске детей при Главном управлении милиции НКВД СССР и при управлениях милиции НКВД-УНКВД республик, краев и областей²⁰.

Трудовой занятости беспризорных лиц подросткового возраста, получению ими начальных трудовых навыков уделялось значительное внимание. В 1943 г. было принято Постановление СНК СССР «О трудовом устройстве подростков старше четырнадцати лет – воспитанников детских домов, трудовых колоний НКВД СССР и детей, оставшихся без родителей». Это постановление обеспечило направление летом 1943 г. Наркоматом просвещения РСФСР и НКВД СССР в ремесленные, железнодорожные училища и школы ФЗО 36 тыс. воспитанников детских домов и детей, оставшихся без родителей, и 5400 воспитанников трудовых колоний НКВД СССР старше 14-летнего возраста²¹. Главному управлению трудовых резервов при СНК СССР разрешалось проводить набор детей из детских домов от 14 лет и старше для обучения в школах ФЗО, ремесленных и железнодорожных училищах. Руководители предприятий и совхозов, председатели правлений колхозов при приеме подростков на работу должны были обеспечить их жильем.

Организация детских комнат милиции была необходима, чтобы задержанные беспризорные и безнадзорные дети в дежурных отделениях не находились вместе со взрослыми задержанными, в том числе с уголовными элементами, которые могли бы оказать на них негативное воздействие. В большинстве случаев детские комнаты организовывались по инициативе местных органов милиции. Работники детских комнат совмещали свои обязанности с другими и поэтому иногда даже не знали, за какую работу несут персональную ответственность. Свыше 27% всех детских комнат милиции размещались в малопригодных для нормальной работы помещениях или вообще не имели помещений. В Смоленской, Сталинградской и других областях детские комнаты милиции долгое время не создавались.

До 22 сентября 1942 г., когда была издана директива о повсеместном открытии детских

комнат и введении штатных должностей инспекторов и их помощников, детские комнаты действовали не во всех областных и городских центрах, а на железнодорожных станциях их создание вообще не было предусмотрено. Борьбой с беспризорностью на транспорте занимались поездные бригады, кроме того, действовали заградительные посты для предупреждения проезда беспризорных детей.

Отсутствие детских комнат на транспортных линиях являлось серьезной проблемой, так как именно железнодорожный транспорт использовался беспризорными детьми для передвижения по стране. К примеру, только за апрель–май 1943 г. работниками милиции Оренбургской железной дороги было снято с поездов и изъято со станций и вокзалов свыше 820 беспризорных детей, из них на станции Оренбург – более 420. В соответствии с распоряжением СНК СССР от 17 мая 1943 г. с целью усиления борьбы с детской безнадзорностью и беспризорностью на железнодорожном транспорте НКПС и НКВД СССР своими приказами от 28 мая 1943 г. обязали начальников дорог и дорожных отделов милиции организовать в двухнедельный срок при органах транспортной милиции детские комнаты на железнодорожных станциях, выделить для этого соответствующие помещения и оборудовать их необходимым инвентарем²². Приказы этих ведомств были своевременными, поскольку в летний период на железной дороге отмечалось большое количество случаев, когда беспризорные дети оседали на станциях и вокзалах.

Детские комнаты транспортных органов милиции организовывались и ликвидировались совместными приказами органов НКВД, НКМФ и НКРФ на основании постановления СНК СССР. Для органов транспортной милиции было выделено 487 единиц старших инспекторов и инспекторов детских комнат. При линейных отделениях и оперативных пунктах железнодорожной милиции было открыто 228 детских комнат, кроме того, они создавались в наиболее крупных портах. Помещения для детских комнат транспортных органов милиции предоставлялись управлениями железных дорог и пароходств бассейнов. Детские комнаты транспортных отделений милиции полностью содержались по смете НКВД СССР за счет специальных ассигнований для этой цели СНК СССР, а хозяйственное обслуживание осуществлялось управлениями железных дорог и пароходств бассейнов. Приказом НКВД СССР № 231 от 12 июня 1943 г. были объявлены штаты детских комнат при органах транспортной милиции. К примеру, по Октябрьской железной дороге они составляли 14 штатных единиц и были объявлены 5 июля 1943 г.²³

В течение всего военного периода сеть детских комнат постоянно расширялась. К концу войны в стране их насчитывалось свыше тысячи (260 в 1941 г.²⁴). По состоянию на 1 мая 1944 г. наиболее широкая сеть детских комнат по РСФСР была создана в Москве и Московской

области – 142 (21,3% от общего числа комнат в СССР), Горьковской области – 27 (4%), Свердловской области – 22 (3,3%), Калининской области – 21 (3,1%).

В связи со значительным увеличением детских комнат возникла необходимость повысить их роль в борьбе с беспризорностью и безнадзорностью. С этой целью НКВД СССР 28 июня 1944 г. издал нормативный акт, регулировавший их деятельность, определявший порядок организации и финансирования. Детские комнаты стали именоваться «детскими комнатами милиции», в 1944–1945 гг. процесс их повсеместной организации и правового закрепления в целом завершился²⁵.

Устройство всех беспризорных и безнадзорных детей требовало координации и оперативности в работе. Однако существовавшие в системе НКВД СССР специальные органы, чья деятельность была направлена на борьбу с детской беспризорностью и безнадзорностью, то есть детские комнаты при органах милиции и детские приемники-распределители, в своей повседневной работе были в значительной мере разобщены. Так, в справке о недостатках работы детских комнат милиции от 21 октября 1944 г. отмечалось «отсутствие должного контакта в работе между детскими комнатами милиции и приемниками-распределителями»²⁶. Детские комнаты при органах милиции подчинялись отделу службы и боевой подготовки Главного управления милиции НКВД СССР, а детские приемники-распределители – административно-хозяйственному управлению ГУЛАГа НКВД СССР. Данное обстоятельство в значительной мере препятствовало успешной реализации поставленных перед ними задач. Кроме того, ГУЛАГу не были свойственны функции по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью. В связи с этим руководство ГУЛАГа в феврале 1942 г. обратилось в Народный комиссариат внутренних дел СССР с рапортом, в котором было изложено мнение о необходимости передачи приемников-распределителей из системы ГУЛАГа в распоряжение Главного управления милиции НКВД СССР²⁷. Однако данный подход не был поддержан руководством наркомата. Возможно, причиной являлось то обстоятельство, что детские приемники-распределители не случайно были созданы в системе ГУЛАГа, так как в предвоенный период в приемники в первую очередь поступали несовершеннолетние, чьи родители были подвергнуты репрессиям. Функции надзора за детьми репрессированных не утратили своего значения в военный период.

До 1943 г. в системе НКВД отсутствовал единый специальный аппарат, основной функцией которого являлась организация борьбы с детской беспризорностью и безнадзорностью. Вся координация деятельности в этой области в соответствии с решением Совнаркома СССР от 23 января 1942 г. «Об устройстве детей, оставшихся без родителей»²⁸ осуществлялась комиссия-

ми по устройству детей, оставшихся без родителей, при исполнительных комитетах краевых, областных, городских и районных Советов депутатов трудящихся, в состав которых входили заместитель председателя соответствующего исполнительного комитета и представители профсоюзов, ВЛКСМ, органов НКВД, народного образования и здравоохранения для непосредственной работы по устройству детей в детские учреждения.

В июне 1943 г. в НКВД СССР, союзных и автономных республик, УНКВД краев и областей были созданы отделы по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью (ОБД ББ НКВД). Они координировали деятельность всех служб НКВД по борьбе с беспризорностью, осуществляли руководство приемниками-распределителями и трудовыми колониями НКВД для подростков, обеспечивали трудоустройство несовершеннолетних. Однако анализ нормативных правовых актов, регламентирующих деятельность отделов, показывает, что предоставленные ему полномочия были недостаточны. Детские комнаты милиции остались в ведении отдела службы и боевой подготовки Главного управления милиции и не были подчинены отделам по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью, что в определенной степени затрудняло деятельность в данной сфере. Не подчинялись отделам по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью и сотрудники органов внутренних дел, которые осуществляли изъятие беспризорных и безнадзорных детей, то есть постовые милиционеры и участковые уполномоченные, а собственными силами для задержания отделы не располагали.

В последующие годы разобщенность между отделом по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью и органами милиции, в первую очередь детскими комнатами, не была преодолена и в ряде случаев препятствовала эффективной реализации функций подразделений. Предложения о передаче детских комнат милиции и детских адресных столов в ведение отделов по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью не были приняты ни во время войны, ни в послевоенные годы. Как отмечает Е.Г. Ермаков, после создания отделов отмечались факты ослабления контроля руководящих органов милиции на местах за деятельностью детских комнат, так как считалось, что все мероприятия по борьбе с детской беспризорностью должны стать прерогативой отделов²⁹. К примеру, проверкой работы детских комнат Челябинска в 1944 г. было установлено, что руководство ими как со стороны областного управления, так и со стороны начальников городских отделений милиции практически отсутствует.

Таким образом, несмотря на процесс формирования в течение всего военного периода системы органов по борьбе с беспризорностью и безнадзорностью, в которую входили детские комнаты милиции (территориальные и транс-

портные), отделы и отделения милиции городов и областей, детские приемники-распределители, а также специализированные аппараты (отделы по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью), особая социальная и правовая природа органов милиции обусловила их ведущую роль в этой системе – роль основного непосредственно действующего элемента, обладающего необходимыми правовыми и организационными ресурсами для эффективного противодействия таким негативным социальным явлениям, как беспризорность и безнадзорность.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См.: Нечаева А.М. Детская беспризорность – опасное социальное явление // Государство и право. 2001. № 6. С. 58.
² См.: ГАРФ. Ф. 9412. Оп. 1. Д. 242. Л. 51.
³ См.: Сеницын А.М. Забота о беспризорных и беспризорных детях в СССР в годы Великой Отечественной войны // Вопросы истории. 1969. № 6. С. 25.
⁴ См.: ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 66. Л. 13–14.
⁵ См.: Там же. Д. 94. Л. 383.
⁶ См.: Сборник Законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета (1939 – июль 1956 гг.). М., 1956. С. 285.
⁷ См.: ГАОО. Ф. Р-1893. Оп. 3. Д. 290. Л. 1.
⁸ См.: Эти детские военные годы 1941–1945: Сб. документов и материалов. Челябинск, 2000. С. 124, 127, 129; ГАРФ. Ф. Р-9412. Оп. 1. Д. 34. Л. 38, 39.
⁹ См.: Гаврилов Н.С. Западная Сибирь в Великой Отечественной войне. Барнаул, 1998. С. 134–135.
¹⁰ См.: ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 25а. Д. 7352. Л. 19–24.
¹¹ См.: Там же. Ф. 7523. Оп. 4. Д. 42. Л. 151.
¹² См.: Там же. Ф. 9412. Оп. 1. Д. 97. Л. 85об.

- ¹³ См.: Там же. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 210. Л. 2.
¹⁴ См.: Шатилов С.П. Деятельность милиции Западной Сибири в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (историко-правовой аспект): Дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2001. С. 113–114.
¹⁵ См.: ОГАЧО. Ф. П-92. Оп. 5. Д. 271. Л. 77.
¹⁶ См.: Порфирьев Ю.Б. Органы внутренних дел Кировской области в годы Великой Отечественной войны: Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2000. С. 197.
¹⁷ ГАРФ. Ф. 9415. Оп. 3. Д. 12а. Л. 42.
¹⁸ См.: СП СССР. 1942. Л. 75.
¹⁹ См.: ГАРФ. Ф. 9415. Оп. 3. Д. 40. Т. 1. Л. 42.
²⁰ См.: Там же. Ф. 9412. Оп. 1а. Д. 123. Л. 37об.
²¹ См.: Герман Р.Б. Организационно-правовые основы деятельности российской милиции по охране общественного порядка и борьбе с преступностью в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период (1941–1960 гг.): Дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 1999. С. 23–24.
²² См.: ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 7. Д. 154. Л. 8.
²³ См.: ОСФ и РИЦ ГУВД Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Ф. 2. Оп. 1. Д. 53. Л. 188.
²⁴ См.: История Советской милиции: В 2 т. М., 1977. Т. 1. С. 75.
²⁵ См.: Смирнова Н.В. Деятельность органов НКВД–МВД в борьбе с беспризорностью и безнадзорностью несовершеннолетних в Ленинграде и Ленинградской области. 1941–1949 гг. (историко-правовой аспект): Дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1997. С. 55.
²⁶ ГАРФ. Ф. 9412. Оп. 1. Д. 35. Л. 225.
²⁷ См.: Там же. Ф. 9412. Оп. 1. Д. 42. Л. 71–72.
²⁸ См.: СП СССР. 1942. Л. 75.
²⁹ См.: Ермаков Е.Г. Организационно-правовые основы деятельности органов внутренних дел по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период (1941–1950 гг.) (историко-правовой аспект): Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 17–18.

К истории изучения уголовно-исполнительной политики в отношении несовершеннолетних в России

Н.А. БЕЛОВА – преподаватель кафедры философии и истории ВИПЭ ФСИН России, кандидат исторических наук

В статье анализируются работы российских исследователей, посвященные проблеме становления и эволюции отечественной уголовно-исполнительной политики в отношении несовершеннолетних. Рассмотрены труды ученых дореволюционного, советского и современного (постсоветского) периодов. Автором сделан вывод о том, что модернизация современного российского государства существенно повлияла на содержание уголовно-исполнительной политики в целом и в отношении несовершеннолетних осужденных в частности. В отечественной пенитенциарной науке в постсоветский период приоритетное развитие получила идея гуманизации исполнения уголовных наказаний.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная политика в отношении несовершеннолетних; малолетние преступники; гуманизация исполнения наказаний; ресоциализация осужденных.

Научное переосмысление направлений уголовно-исполнительной политики, проводимой государством в отношении несовершеннолетних, становится необходимой предпосылкой

гуманизации уголовно-правовых отношений, оздоровления общественных отношений в целом. В этой связи представляется актуальным анализ опыта уголовно-исполнительной поли-

тики Российского государства. Специальные исследования, прямо или опосредованно посвященные проблемам становления и эволюции отечественной уголовно-исполнительной политики в отношении несовершеннолетних, условно можно разделить на три группы: 1) исследования дореволюционного периода; 2) исследования советского периода; 3) исследования современного (постсоветского) периода (с начала 1990-х гг. до настоящего времени).

Градация исследовательской литературы по хронологическому принципу обусловлена тем обстоятельством, что историография каждого периода выявляет определенный круг вопросов развития уголовно-исполнительной политики, проводимой государством в отношении несовершеннолетних, актуальность которых обусловлена процессами, происходящими в уголовно-исполнительной сфере в данный период.

Отличительной чертой первого этапа историографии является отсутствие работ обобщающего характера, посвященных исследуемой тематике. Более того, самостоятельным направлением разработку уголовно-исполнительной политики в отношении несовершеннолетних не являлась ввиду неурегулированности порядка и условий исполнения уголовного наказания в отношении подростков, совершивших различного рода преступления, отсутствия до 1860-х гг. специальных исправительных учреждений для содержания несовершеннолетних правонарушителей.

Практическая потребность выработки концептуальных подходов к реформированию пенитенциарной системы в условиях буржуазной модернизации страны во второй половине XIX в. явилась главным стимулом научных исследований общеправового характера. В этот период в связи с распространением в России идеи гуманизации исполнения наказания традиционная система взглядов на преступление и наказание претерпела существенные изменения. Не остался без внимания и вопрос об ответственности и наказании несовершеннолетних. Разработкой этой темы занимались А.М. Богдановский, А.Ф. Кистяковский, Н.С. Таганцев и др.¹

Совершенно новой для отечественной науки и практики стала проблема создания специальных исправительных учреждений для содержания несовершеннолетних преступников. В условиях отсутствия в России собственного опыта организации исполнения уголовных наказаний в отношении лиц, не достигших совершеннолетия, исследователи обратились к зарубежному опыту с целью изучения пенитенциарной практики, а также форм и методов воздействия на несовершеннолетних правонарушителей.

Одной из наиболее значительных публикаций, посвященных анализу деятельности подобных учреждений на Западе, стала работа Е.А. Альбицкого и А.Г. Ширгена «Исправительно-воспитательные заведения для несовершеннолетних преступников и детей, заброшенных в связи с законодательством о принудительном воспита-

нии» (Саратов, 1873). Авторам удалось собрать и обобщить достаточно богатый материал об организации исполнения уголовного наказания в отношении подростков. Анализируя развитие идеи принудительного воспитания подростков в ряде стран Западной Европы и Америки, исследователи не только акцентировали внимание на положительных моментах в законодательстве и пенитенциарной практике, но и отмечали отрицательные стороны накопленного опыта в обращении с несовершеннолетними правонарушителями. Неоднозначность оценок была продиктована стремлением избежать ошибок и просчетов при внедрении зарубежных достижений в отечественную практику.

Российский опыт организации исполнения уголовного наказания в отношении подростков впервые был обобщен на Первом съезде представителей воспитательно-исправительных приютов в 1881 г. Главной целью таких учреждений, по мнению К.В. Рукавишникова, попечителя Московского городского исправительного приюта для малолетних, являлось «религиозно-нравственное перерождение всех помещенных в приют»².

Практика проведения подобных мероприятий под эгидой ГТУ была продолжена. Их основной задачей стал поиск наиболее эффективных средств воспитательного воздействия на личность несовершеннолетнего преступника. Значительный вклад в теоретическое осмысление проблемы исправления несовершеннолетних преступников внес директор Санкт-Петербургской земледельческой колонии А.Я. Гердт. Являясь последователем идей К.Д. Ушинского, он разработал и воплотил на практике необходимые для перевоспитания малолетних правонарушителей педагогические принципы педагогического оптимизма, опоры на положительные качества личности подростка, руководства педагогом жизнью детей, использования органов самоуправления, организации посильного труда и обязательного обучения основам знаний и т.п.³

Необходимо отметить, что в целом карательные меры, применявшиеся в дореволюционной России в отношении малолетних правонарушителей, были малоэффективны. Д.А. Дриль, в частности, объяснял это недостаточным количеством специальных учреждений, предназначенных для отбывания наказания несовершеннолетними заключенными, а также ежегодным увеличением преступлений, совершаемых подростками⁴. М.Н. Гернет, оценивая результаты деятельности мест лишения свободы для малолетних преступников, связывал рост рецидивной преступности среди несовершеннолетних с их ранним приобщением к тюремной субкультуре. Он называл юных осужденных «гвардией общей армии преступников», «отрядом бессмертных»⁵.

Примечательно, что в тот период большинство карательных учреждений для несовершеннолетних – приютов и колоний – были обязаны

своим возникновением и процветанием благотворительности частных лиц⁶.

В данном контексте следует особо выделить научную разработку проблемы патроната⁷ над несовершеннолетними осужденными. В числе наиболее значимых трудов можно назвать работы И. Гурлянда, Г.С. Фельдштейна и др.⁸

В целом развитие уголовно-исполнительного законодательства и учреждений для содержания несовершеннолетних правонарушителей рассматривалось в конце XIX – начале XX вв. в рамках общеправовой политики дореволюционной России. Вместе с тем тенденция к отделению малолетних преступников от взрослых нашла отражение в гуманизации уголовного и уголовно-исполнительного законодательства и открытии новых учреждений для отбывания наказания несовершеннолетних правонарушителей. По мнению Е.Н. Тарновского, именно «приюты приносили пользу, задерживая поступательное развитие преступности»⁹.

Однако, несмотря на все меры, принимаемые правительством и общественностью, в дореволюционный период добиться на практике полного отделения несовершеннолетних преступников от взрослых так и не удалось.

Доминирующей чертой историографии советского этапа стал политико-идеологический подход, обусловивший отсутствие критического взгляда при освещении различных аспектов рассматриваемой темы, а также максимальную закрытость советской пенитенциарной системы для исследователей.

Первые годы советской власти характеризовались как период всесторонней гуманизации института ответственности и наказания несовершеннолетних вопреки общей тенденции усиления уголовной репрессии, политической основой которой явился ленинский тезис о «диктатуре пролетариата». В связи с отменой в 1918 г. тюремного заключения для подростков центр тяжести в работе с малолетними преступниками был перемещен на комиссии по делам несовершеннолетних, к ведению которых было отнесено исполнение мер воспитательного характера. Массовое освобождение из тюрем несовершеннолетних осужденных потребовало решения, позволяющего не только ослабить меры уголовной репрессии в отношении несовершеннолетних, но и противостоять нарастающему валу подростковой преступности и беспризорности. В 1920 г. была восстановлена уголовная ответственность несовершеннолетних, в отношении которых меры воспитательного характера оказались неэффективными. Для содержания подростков, лишенных свободы, были учреждены воспитательно-исправительные заведения – трудовые дома и колонии, в которых основой перевоспитания был провозглашен труд и установлена прогрессивная система отбывания наказания. Значительный интерес для понимания сущности советской исправительно-трудовой политики тех лет в отношении несовершеннолетних правонарушителей, про-

блемы социальной защиты детства представляет труд И.И. Любинского¹⁰.

В публикациях М.С. Погребинского, Д.Е. Розенберга, Б.С. Утевского, А.Я. Шестаковой, В. Якубсона и др., вышедших в конце 1920-х – первой половине 1930-х гг., нашло отражение обобщение первого опыта деятельности учреждений нового типа по борьбе с преступностью несовершеннолетних. Вполне естественно, что все упомянутые выше исследователи, находясь на официально-идеологических позициях, пытались доказать преимущество советской модели перевоспитания несовершеннолетних правонарушителей, сгладить негативные явления и не отмечать принудительного характера¹¹.

В 1930-е гг. в порядке эксперимента, преследующего гуманные и позитивные цели, для подростков с высокой степенью криминальной запущенности было создано несколько трудовых коммун. Основными принципами их функционирования стали самоуправление и самообслуживание, строгая дисциплина и обеспечение внутреннего порядка. Воспитанники коммун привлекались к выполнению работ, требующих относительной квалификации и личной ответственности за порученное дело, что, по мнению идеолога и организатора коммунарского движения А.С. Макаренко, должно было играть основную роль в ресоциализации педагогически запущенных подростков¹².

Возникшая в середине 1930-х гг. тенденция к ужесточению уголовной репрессии в отношении подростков (снижение возрастного рубежа наступления уголовной ответственности, расширение круга преступлений, ответственность за совершение которых предполагала лишение свободы и т.д.) фактически сохранялась до начала 1950-х гг. Идеологической основой репрессивной политики стала сталинская доктрина борьбы с врагами народа, что позволило пропустить через систему ГУЛАГа десятки миллионов советских граждан. Тем самым достижения в области гуманизации уголовного наказания фактически были сведены к нулю.

В этот период тема детских закрытых учреждений была запретной для открытой печати и свободного изучения. Лишь в 1945 г. Отделом по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью (ОБДБ) НКВД-МВД СССР начат выпуск методического бюллетеня «Детские колонии» под грифом «Для служебного пользования». В нем наряду с публикациями официальных документов помещались материалы, призванные помочь сотрудникам трудовых колоний в их практической деятельности; обобщался положительный опыт на местах; давались разъяснения отдельных вопросов¹³.

В связи с изменением во второй половине 1950-х – начале 1960-х гг. государственной политики по отношению к подросткам-правонарушителям, направленным на улучшение положения несовершеннолетних осужденных после длительного периода репрессий (в указанный период принимается целый комплекс норматив-

ных актов, призванных гуманизировать процесс пенитенциарного воздействия на осужденных подростков), повышается интерес к исследуемой теме. Так, Н.П. Грабовская анализировала цели наказания и воспитания малолетних осужденных, В.И. Карушин – задачи по исправлению и перевоспитанию несовершеннолетних правонарушителей¹⁴.

Развитие отечественной пенитенциарной науки в 1960-е – 1970-е гг. позволило обосновать необходимость внедрения в практическую деятельность учреждений, исполняющих различные виды наказаний (в том числе и в отношении несовершеннолетних), прогрессивных методов работы с осужденными, основанных на достижениях в области пенитенциарной педагогики и психологии.

В данный период проводилось множество научных изысканий, направленных на гуманизацию исполнения и отбывания наказания. Среди работ, касающихся проблем преступности несовершеннолетних и совершенствования исполнения наказаний в отношении них, необходимо выделить труды Г.А. Аванесова, Ю.М. Антоняна, З.А. Астемирова, Л.В. Багрий-Шахматова, Н.А. Беляева, А.И. Васильева, Г.С. Гаверова, В.А. Елеонского, А.И. Зубкова, И.В. Каретникова, И.И. Карпеца, А.П. Кондусова, А.В. Маслихина, М.П. Мелентьева, Г.М. Миньковского, А.С. Михлина, А.Е. Наташева, П.М. Огородникова, Е.Ф. Плюта, А.Л. Ременсона, И.А. Сперанского, Н.А. Стручкова, Ю.М. Ткачевского, В.М. Трубникова, Г.Ф. Хохрякова, А.В. Шамиса, И.В. Шмарова и др.¹⁵

Одна из основных идей, направленных на совершенствование процесса исполнения наказания в отношении несовершеннолетних, заключалась в сочетании традиционных мер исправления и перевоспитания (основанных, прежде всего, на манипуляциях между ужесточением или ослаблением репрессий) с общевоспитательным воздействием на личность осужденного, призванным восполнить недостаток социально полезных качеств. Пенитенциаристы чаще стали говорить не о перевоспитании несовершеннолетних преступников, а о необходимости воспитания таких лиц. По мнению Г.М. Миньковского, в процессе ресоциализации осужденных подростков основополагающее место должны занимать общевоспитательные цели, так как их исправление возможно лишь в единстве с этими целями¹⁶. Указанная научная концепция не осталась без внимания и была закреплена на нормативном уровне. Лежавший в ее основе дифференцированный подход к исправительно-воспитательной работе среди несовершеннолетних осужденных с учетом их возрастных и психологических особенностей был нацелен на оптимизацию воспитательной работы среди указанной категории лиц, а также призван способствовать их постпенитенциарной адаптации.

Дальнейшая демократизация и гуманизация исправительно-трудовых правоотношений

в этот период связана с активизацией работы, направленной на формирование института участия общественности в процессе исправления осужденных, а также в наблюдении за законностью при исполнении наказаний. Важнейшие формы участия общественности в деятельности воспитательно-трудовых колоний – комиссии по делам несовершеннолетних и шефство – рассматривались Н.А. Стручковым¹⁷.

Включение воспитательно-трудовых колоний в связи с принятием в 1969 г. Основ исправительно-трудового законодательства Союза ССР и союзных республик в общую систему исправительно-трудовых учреждений привело к изменению структуры их управления (ликвидации самостоятельности отдела ВТК МВД СССР) и снижению эффективности деятельности в целом. Они, по мнению А.Ф. Кудимова, «стали напоминать учреждения для взрослых, откуда были перенесены в их деятельность многие формы и методы работы»¹⁸.

К середине 1980-х гг. было признано, что действовавшая система исправления и перевоспитания осужденных в условиях ВТК не обеспечивает цели возвращения обществу социально полезных граждан, не соответствует реальному уровню преступности несовершеннолетних и проводимой уголовной политике. По этой причине в последние годы существования СССР особое внимание исследователями уделялось совершенствованию трудового воспитания несовершеннолетних осужденных, переосмыслению педагогического наследия А.С. Макаренко. В ряду наиболее заметных работ можно назвать труды В.В. Невского и Е.М. Данилина¹⁹.

Модернизация российской государственности существенно повлияла на содержание уголовно-исполнительной политики в целом и в отношении несовершеннолетних осужденных в частности. В отечественной пенитенциарной науке в постсоветский период приоритетное развитие получает идея гуманизации исполнения уголовных наказаний. Связанные с ней вопросы рассматривались в многочисленных публикациях, но наиболее полно разработка правовых основ гуманизации исполнения и отбывания наказания несовершеннолетних нашла отражение в монографиях В.В. Невского и И.В. Никитенко²⁰. По мнению Е.А. Антоняна, процесс гуманизации уголовно-исполнительной политики в отношении несовершеннолетних коснулся вопросов смягчения уголовного наказания при его назначении и улучшения условий отбывания наказания²¹.

Большой вклад в теоретическое осмысление проблем уголовно-исполнительной политики Российского государства в отношении несовершеннолетних внесли работы Л.И. Беляевой, Ю.А. Кашубы, В.Н. Ткачева, В.М. Волошина и др.²² Следует отметить, что эти исследования были использованы при разработке уголовно-исполнительного законодательства и системы мер и средств исправления несовершеннолетних, совершивших общественно опасные деяния.

Собственное видение решения проблем воспитательных колоний, опираясь на отечественный и зарубежный опыт, достижения в различных областях науки, предлагают Р.И. Пакратов, Е.Г. Тарло и В.Д. Ермаков (установление вневедомственного контроля за условиями содержания несовершеннолетних осужденных, открытие частных тюрем, расширение спектра мер постпенитенциарного воздействия)²³.

В заключение хотелось бы отметить, что работа по изучению проблем, связанных с гуманизацией уголовно-исполнительной политики в отношении несовершеннолетних, обеспечением эффективности исправительного процесса в отношении данной категории осужденных, продолжается и в настоящее время. К числу наиболее перспективных направлений развития отечественной уголовно-исполнительной политики в отношении несовершеннолетних можно отнести: принятие необходимых законодательных и организационных мер, направленных на создание оптимальных условий для реализации прав, свобод и законных интересов несовершеннолетних осужденных к лишению свободы, предусмотренных международными актами об исполнении наказаний; проведение научных исследований по вопросам эффективности применения, исполнения и отбывания уголовных наказаний в отношении несовершеннолетних; определение возможности использования положительного пенитенциарного опыта зарубежных государств в условиях российской действительности; обеспечение реального участия общественных организаций в осуществлении контроля за исполнением и отбыванием уголовного наказания в виде лишения свободы в воспитательных колониях.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Богдановский А.М. Молодые преступники. Вопрос уголовного права и уголовной политики. СПб., 1871; Кистяковский А.Ф. Молодые преступники и учреждения для их исправления, с обозрением русских учреждений. Киев, 1878; Таганцев Н.С. Исследования об ответственности малолетних преступников по русскому праву. СПб., 1871.

² Цит. по: Детков М.Г. Становление и развитие системы уголовных наказаний и их исполнения в отношении несовершеннолетних: исторический аспект. Вологда, 2001. С. 6.

³ Цит. по: Беляева Л.И. Воспитание несовершеннолетних правонарушителей в России: В 3 ч. М.; Воронеж, 2007. Ч. 1. Учреждения для несовершеннолетних правонарушителей в Российской империи. С. 41.

⁴ См.: Дриль Д.А. Малолетние преступники. М., 1888. С. 16.

⁵ См.: Гернет М.Н. Моральная статистика. М., 1892. С. 109.

⁶ См.: Отчет Главного тюремного управления за 1883 год. СПб., 1884. С. 116.

⁷ Под этим термином понималось покровительство, оказание различной помощи лицам, освободившимся из мест лишения свободы.

⁸ См.: Гурлянд И. Идея патроната как идея внутреннего управления. Ярославль, 1898; Фельдштейн Г.С. Патронат. Его необходимость и принципы организации // Вопросы права. 1900. № 4–5. С. 4–30 (приложение); Он же. Принудительное воспитание молодежи и патронат исправительных приютов как средства борьбы с преступностью // Журнал министерства юстиции. 1900. № 3. С. 143–193.

⁹ Тарновский Е.Н. Преступность малолетних и несовершеннолетних в России // Журнал министерства юстиции. 1899. № 9. С. 19–21.

¹⁰ См.: Любинский И.И. Борьба с преступностью в детском и юношеском возрасте. М., 1923.

¹¹ См.: Погребинский М.С. Трудовая коммуна ОГПУ. Б.м., 1928; Розенберг Д.Е. Детские правонарушения и методы борьбы с ними в РСФСР // Вестник советской юстиции. 1927. № 9–10. С. 358–359; Утевский Б.С. В борьбе с детской преступностью: очерки жизни и быта Московского трудового дома для несовершеннолетних правонарушителей. М., 1927; Шестакова А.Ф. Принципы организации ИТУ для молодежи // От тюрем к воспитательным учреждениям: Сб. ст. М., 1934. С. 309–349; Якубсон В. Трудовые дома для несовершеннолетних правонарушителей в системе учреждений по борьбе с детской преступностью // Реформа тюрем и перспективы исправительно-трудового дела в СССР. М., 1929. С. 179–197.

¹² См.: Макаренко А.С. К 100-летию со дня рождения: Указатель трудов и литературы о жизни и деятельности / Сост. А.В. Жилина. М., 1988.

¹³ См.: Маневич Б. Курсы для старших воспитателей детских колоний // Детские колонии. Бюллетень № 1. 1945. С. 40–41; Леонюк Ф.А. Организация производственного обучения – одна из важнейших задач в работе детских колоний // Детские колонии. Бюллетень № 3. 1946. С. 3–6 и др.

¹⁴ См.: Грабовская Н.П. Цели наказания и воспитания в детской трудовой колонии // Теоретическая конференция, посвященная вопросам советского исправительно-трудового права и советской исправительно-трудовой политики. Л., 1958. С. 20–21; Карушин В.И. Наши задачи по исправлению и перевоспитанию несовершеннолетних правонарушителей // Материалы из опыта работы колоний для несовершеннолетних. М., 1964. С. 5–29.

¹⁵ См.: Астемиров З.А. Уголовная ответственность и наказание несовершеннолетних. М., 1970; Елеонский В.А. Наблюдательные комиссии. М., 1966; Кондусов А.П. Лишение свободы как вид наказания, применяемый к несовершеннолетним по советскому уголовному праву. Саратов, 1966; Миньковский Г.М. Личность несовершеннолетнего преступника и современные проблемы борьбы с преступностью несовершеннолетних в СССР. М., 1972 и др.

¹⁶ См.: Миньковский Г.М. Личность несовершеннолетнего преступника и современные проблемы борьбы с преступностью несовершеннолетних в СССР.

¹⁷ См., напр.: Стручков Н.А. Курс исправительно-трудового права. Проблемы общей части. М., 1984.

¹⁸ Кудимов А.Ф. Историческая справка о создании и организации пенитенциарных учреждений для несовершеннолетних правонарушителей // Актуальные проблемы исполнения уголовных наказаний в отношении несовершеннолетних. М., 2000. С. 26.

¹⁹ См.: Невский В.В. Правовое регулирование труда и организации трудового перевоспитания осужденных, содержащихся в ВТК. М., 1990; Данилин Е.М. Использование системы А.С. Макаренко в деятельности ВТК. М., 1991.

²⁰ См.: Невский В.В. Теория и практика исполнения уголовных наказаний в отношении несовершеннолетних. Домодедово, 1998; Никитенко И.В. Правовые основы гуманизации исполнения и отбывания наказания в воспитательной колонии: Моногр. Хабаровск, 2004.

²¹ См.: Антонян Е.А. Гуманизация уголовной и уголовно-исполнительной политики в отношении несовершеннолетних // Человек: преступление и наказание. 2007. № 1. С. 34.

²² См.: Кашуба Ю.А. Цели уголовно-исполнительной политики в отношении несовершеннолетних // Актуальные проблемы уголовного права: Сб. науч. ст. Ростов н/Д, 2001. С. 31–37; Он же. Уголовно-исполнительная политика в отношении несовершеннолетних. Рязань, 2002; Волошин В.М. Уголовно-правовая политика России в отношении несовершеннолетних правонарушителей и роль ответственности в ее реализации. Екатеринбург, 2008; Ткачев В.Н. Проблемы реализации уголовной политики в отношении несовершеннолетних. Ростов н/Д, 2007.

²³ См.: Пакратов Р.И., Тарло Е.Г., Ермаков В.Д. Дети, лишенные свободы. М., 2003.

НАШИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исторические особенности пенитенциарной практики на Европейском Севере России

А.Л. КУЗЬМИНЫХ – доцент кафедры философии и истории ВИПЭ ФСИН России, кандидат исторических наук

Авторский коллектив кафедры философии и истории на протяжении 2005–2009 гг. осуществлял научное исследование по теме «Исторические особенности пенитенциарной практики на Европейском Севере России».

Объектом исследования являлась уголовно-исполнительная система Европейского Севера России, предметом исследования – исторические особенности региональной пенитенциарной практики.

Территориальные рамки исследования включали в себя территорию современных Архангельской и Вологодской областей, а также Республики Коми.

Целью исследования были комплексный анализ исторического наследия уголовно-исполнительной системы Европейского Севера России, выявление особенностей ее формирования и функционирования, изучение специфических для данного региона форм пенитенциарной практики.

Методологическую основу исследования определяли современные методы научного познания. Среди них историко-системный, историко-типологический, историко-сравнительный, ретроспективный и другие методы.

В авторский коллектив входили сотрудники не только кафедры философии и истории, но и кафедры теории государства и права и кафедры уголовно-исполнительного права, а также сотрудники Архива Управления внутренних дел по Вологодской области, что позволило провести изучение региональных особенностей пенитенциарной практики с позиции междисциплинарного научного подхода и с опорой на новые архивные документы.

По результатам исследования сформулированы следующие выводы:

1. В силу особого геополитического положения Европейский Север России начиная с XIV–XVI вв. занимал особое место во внутренней и внешней политике Русского государства. Традиционной чертой этого региона было использование его в пенитенциарных целях для наказания и исправления провинившихся лиц,

преступников, отступников от веры. Исходя из того, что на Европейском Севере России было много православных обитателей, которые обладали определенными средствами изоляции, а сами государственные карательные институты не имели достаточных материальных ресурсов, русские монастыри постепенно включаются в государственную карательную политику.

2. Традиция монастырской ссылки складывалась как под воздействием естественных историко-геополитических условий, так и под влиянием церковно-канонического права, пришедшего на Русь из Византии и впоследствии заметно дополненного решениями Синода. Именно на Европейском Севере пенитенциарная практика монастырей была наиболее распространена.

3. Становление органов управления тюремной системой на уровне губерний в Российской империи происходило на заключительном этапе ее существования. Вплоть до последних десятилетий XIX в. тюремная система была как бы «растворена» в МВД и не имела своего централизованного управления. Введение Тюремной инспекции в Вологодской губернии было утверждено 10 июня 1910 г. Наряду с ней тюремные инспекции были открыты еще в девяти губерниях, в которых была признана первоочередная необходимость их появления. Введение тюремных инспекций в губерниях, хотя предусматривалось тюремной реформой и было установлено законом от 31.03.1890 г., затянулось на весьма длительный период времени. Причиной такой задержки являлись финансовые трудности.

4. В императорской России кроме губернских тюремных замков и уездных тюрем существовали исправительно-арестантские отделения. Как правило, там отбывали наказание арестанты по приговорам судов соответствующих или близлежащих губерний. К концу XIX в. система исправительно-арестантских отделений включала 32 учреждения общим числом 13 770 арестантов (из них 900 – в Архангельском и 370 – в Вологодском отделениях).

5. Функции перевоспитания несовершеннолетних правонарушителей возлагались на приюты, один из которых был создан в г. Вологде в конце XIX в. Анализ деятельности этого учреждения показывает, что в Вологодском приюте были воплощены многие из педагогических требований, положенных в России в основу исправления и перевоспитания несовершеннолетних правонарушителей: педагогический оптимизм; опора на положительные качества личности подростка; участие детей в своем воспитании через систему самоуправления; активное использование доверия в работе с подростками; необходимость высокоорганизованного умственного и нравственного развития воспитанников; воздействие на них посредством общественно полезного и производительного труда; ведущее влияние личности воспитателя; необходимость организованной социальной адаптации несовершеннолетних, вышедших из заведений; обязательность выведения подсудимых несовершеннолетних из тюрем; исключение доставки несовершеннолетних этапом и многие другие. Эти положения не утратили своего значения и сегодня.

6. В первые месяцы после октября 1917 г. система и структура органов управления учреждениями исполнения наказаний в центре и на местах практически осталась без изменений. Так, центральным руководящим звеном являлся Народный комиссариат юстиции (Наркомюст) РСФСР, в рамках которого, как и до октябрьских событий, функционировало Главное управление местами заключения (Глузок, ГУМЗ). Переход к новой структуре начался в середине 1918 г., когда были созданы Центральный карательный отдел и местные карательные отделы (подотделы). Однако на этом этапе управление пенитенциарными учреждениями по-прежнему находилось в ведении органов юстиции. Новый этап в этой области приходится на 1919–1920 гг., он связан с созданием лагерей принудительных работ и подотделов принудительных работ в структуре НКВД. С этого момента и до 1922–1923 гг. советское пенитенциарное дело было «разорвано» между двумя ведомствами. В 1922–1923 гг. в результате принятия ряда важнейших документов вся пенитенциарная практика оказалась сосредоточена в НКВД. При этом пенитенциарная политика советского правительства носила исправительно-трудовой характер, главной целью которой являлось перевоспитание осужденных путем привлечения их к труду.

7. Тюремь, колонии и исправительно-трудовые лагеря Европейского Севера внесли весомый вклад в реализацию карательной политики Советского государства в 1930–1950-е гг., характеризовавшейся в этот период особой жестокостью. Именно Европейский Север стал местом рождения системы ГУЛАГа. Управление уголовно-исполнительной системой в период сталинизма было предельно централизовано, режим содержания заключенных был ориентирован на

безжалостную эксплуатацию их труда. Демократические перемены, начавшиеся в СССР со второй половины 1950-х гг., привели к изменениям в карательной политике государства, потребовали соответствующих преобразований как в законодательстве, так и в организации деятельности мест лишения свободы.

8. Составными элементами уголовно-исполнительной системы страны являлись трудовые и специальные поселения, а также учреждения для содержания иностранных военнопленных и интернированных. Анализ деятельности северного островка «архипелага ГУПВИ» позволяет говорить о том, что Советское государство параллельно решало две задачи: политическую и экономическую. Основная цель политической работы с военнопленными заключалась в идеологическом перевоспитании военнопленных и подготовке кадров для стран так называемого «социалистического лагеря». Одновременно решалась и экономическая задача: силами военнопленных как одной из многочисленных категорий спецконтингента осуществлялась продуманная и долговременная стратегия освоения природных богатств Европейского Севера.

9. В условиях партийно-государственного социализма 1960–1980-х гг. уголовно-исполнительная система СССР не могла полностью избавиться от наследия сталинского ГУЛАГа. Процессы либерализации советского общества затронули пенитенциарную систему лишь частично, не изменив ее сущности. Она основывалась, прежде всего, на идеях извлечения прибыли из труда осужденных и возмездия за причиненное ими зло. Если на Западе для исполнения наказания в основном создавались тюрьмы, то в Советском Союзе в соответствии с целями решения экономических задач – «исправительно-трудовые колонии», имеющие более развитую производственную инфраструктуру (общежития, столовые, клубы, банно-прачечные комплексы и т.д.). Такие учреждения строились, как правило, в отдаленных местностях с суровыми климатическими условиями и были нацелены опять-таки на добычу полезных ископаемых, заготовку древесины, капитальное строительство.

10. В современных условиях сложного и противоречивого развития российского общества актуальной задачей является реформирование уголовно-исполнительной системы с позиций гуманистического подхода. В последние годы общественность все активнее вовлекается в решение проблем, стоящих перед исправительными учреждениями. Опыт деятельности попечительского совета женской исправительной колонии № 1 г. Вологды показывает, насколько важно правильно осуществить подбор членов этого общественного органа, своевременно и грамотно спланировать его работу. О результативности функционирования попечительского совета позволяет судить внушительный объем финансовой и материальной помощи

администрации женской колонии № 1 со стороны спонсоров, разнообразные формы работы по гражданско-правовому, патриотическому и нравственному воспитанию осужденных и их социальной адаптации после освобождения.

Практическая значимость исследования состоит в том, что содержащийся в нем фактический материал и полученные выводы имеют большую информативную ценность для написания обобщающих работ по истории уголовно-исполнительной системы России. Результаты научных изысканий авторского коллектива могут с успехом использоваться при разработке как лекционных курсов по отечественной истории, так и при подготовке спецкурсов по истории уголовно-исполнительной системы.

Результаты исследования внедрены в учебный процесс Вологодского института права и экономики и практическую деятельность УФСИН России по Вологодской области.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

8 февраля 2010 г. в десятый раз страна отметила День российской науки.

Во все времена наука являлась основой экономических преобразований, важнейшей составляющей национального богатства, движущей силой технического прогресса. Научно-технический потенциал любой страны – это важнейший национальный ресурс, одна из основ промышленного развития. Использование научных знаний обеспечивает экономический рост страны, благодаря достижениям ученых значительно повышается благосостояние населения. Президент России Дмитрий Анатольевич Медведев неоднократно отмечал, что конкурентоспособность государств, их экономик определяется способностью создавать новое, самое передовое и самое востребованное.

Научная деятельность нашего вуза – это часть российской науки, часть философии и истории, юриспруденции и психологии, педагогики, экономики, ряда других отраслей. Она является важным и неотъемлемым элементом образовательной деятельности.

За последние годы профессорско-преподавательским составом института сделан ряд важных шагов, способствующих укреплению научно-педагогического потенциала, повышению качества исследовательской работы, развитию научного сотрудничества.

Наш вуз традиционно отмечает День российской науки. В институте состоялось торжествен-

ное собрание личного состава, на котором были подведены наиболее значимые итоги научной деятельности института за 2009 г., проведена презентация лучших учебных и научных изданий сотрудников вуза. Более 90 сотрудников из числа профессорско-преподавательского состава и 35 курсантов института, добившиеся значительных результатов в научной работе, были поощрены приказом начальника института.

На торжественном собрании личного состава состоялось награждение призеров конкурса на лучшую научно-исследовательскую работу профессорско-преподавательского состава, в котором приняли участие представители 15 кафедр института и сотрудники организационно-научного отдела. В результате кафедрального этапа на общеинститутский конкурс было выдвинуто 20 работ. Среди них 5 монографий, 4 учебных пособия, методические рекомендации, исторические очерки, описание опыта, изобретение, отчеты о НИР.

По итогам конкурса первое место было присуждено монографии старшего преподавателя кафедры юридической психологии и педагогики А.Н. Баламута «Осужденные к пожизненному лишению свободы и пути оказания им психологической помощи». Второго места удостоилась монография «Амнистия. Помилование. Судимость», подготовленная заместителем начальника кафедры уголовно-исполнительного права А.М. Потаповым в соавторстве с начальником Академии ФСИН России доктором юридических наук, профессором А.Я. Гришко. Третье место конкурсная комиссия отдала учебному пособию «Тактика производства следственных действий при расследовании преступлений, совершенных в исправительных учреждениях», над которым работал коллектив сотрудников кафедры уголовного процесса и криминалистики: А.Т. Валеев, А.М. Лютынский, Р.М. Морозов и А.Б. Помаслов.

В рамках празднования Дня российской науки кафедрами института проведен ряд научно-практических семинаров, круглых столов, научных конкурсов и олимпиад по актуальным проблемам деятельности уголовно-исполнительной системы в условиях ее реформирования.

Одним из наиболее значимых мероприятий, приуроченных ко Дню российской науки, стал прошедший 11 февраля 2010 г. международный научно-практический семинар «Психолого-педагогические аспекты самоопределения личности». В его работе приняли участие представители образовательных учреждений Академии КУИС МЮ Республики Казахстан, Харьковского государственного университета МВД Украины, Московской государственной юридической академии, Вологодского государственного педагогического университета, Южного федерального университета (Ростов-на-Дону), Камчатского государственного университета им. Витуса Беринга и Вологодского института права и эконо-

мики ФСИН России. Присутствовали на семинаре и представители практических органов, в том числе сотрудники исправительных учреждений.

По итогам мероприятия была принята резолюция, в которой был сформулирован ряд выводов, основным из которых стало утверждение о том, что самоопределение личности осужденного является приоритетным направлением в деятельности сотрудников УИС и данный процесс необходимо рассматривать как сложную систему психолого-реабилитационных воздействий, направленных на повышение социальной активности, развитие самостоятельности, укрепление социальной позиции личности, формирование системы ценностных установок и ориентаций, развитие интеллектуальных процессов, которые соответствуют психическим и физическим возможностям осужденного.

Выступления участников опубликованы в сборнике материалов международного научно-практического семинара.

РЕЦЕНЗИИ

Рецензия на учебное пособие Р.С. Ефремова и В.Ф. Лапшина «Преступления, посягающие на бюджетные правоотношения: вопросы определения категории и проблемы квалификации»

З.С. ЗАРИПОВ – профессор кафедры криминологии и управления Академии права и управления ФСМН России, доктор юридических наук, профессор

Масштабные изменения в области экономического регулирования и противодействия коррупционным проявлениям не могли не найти свое отражение в положениях уголовного законодательства. В гл. 22 и 30 Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 года (далее – УК) содержится достаточно большое количество норм, предусматривающих составы преступлений, которые не были известны советскому уголовному праву, в том числе связанные с бюджетной (финансовой) деятельностью соответствующего субъекта.

По характеру вредоносности финансовые уголовно наказуемые деяния, совершаемые должностными лицами, занимают далеко не последнее место среди преступлений, совершаемых в сфере экономической деятельности и государственной службы.

Общественную опасность данных преступных посягательств трудно недооценить: отсутствие финансирования социально значимых проектов, обеспечение обороноспособности государства, потеря рабочих мест, существенное ущемление прав и законных интересов граждан – вот примерный перечень последствий совершения так называемых бюджетных преступлений.

Новейшие криминологические исследования указывают не просто на рост коррупционной и экономической преступности, а на возникновение угрожающей для национальной безопасности России ситуации, в которой доминирующее значение имеют теневая и криминальная экономики, защищаемые со стороны представителей чиновничьего аппарата. Казалось бы, что в условиях повсеместного увеличения масштабов криминализации экономической деятельности и объявления государством войны коррупции нормы-новеллы уголовного закона, которые охраняют соответствующие виды общественных отношений, «обречены» на практическое применение. Но в отличие от научных прогнозов официальные статистические данные свидетельствуют об устойчивом спаде количества соответствующих преступлений.

Действительно, несмотря на высокую социальную значимость, применение норм УК, охраняющих общественные отношения в бюджетной сфере, сегодня нельзя признать удовлетворительным. Удельный вес уголовных дел, возбужденных по составам данных преступлений, крайне невелик. Это, возможно, вызвано большими трудностями, возникающими при установлении точного соответствия фактов осуществления противозаконной деятельности с теми нормами УК, которые предусматривают ответственность за совершение бюджетных преступлений, трудностями отграничения преступления от административного деликта и (или) дисциплинарного нарушения.

Все это свидетельствует о возникновении потребности в глубоком изучении соответствующих составов бюджетных преступлений для осуществления успешного противодействия коррупционной преступности в целом. Вот почему подготовленное Р.С. Ефремовым и В.Ф. Лапшиным учебное пособие «Преступления, посягающие на бюджетные правоотношения: вопросы определения категории и проблемы квалификации» является весьма актуальным и в полной мере отвечает современным потребностям.

Рецензируемая работа состоит из трех относительно самостоятельных глав, преследующих специфические цели, достигаемые в учебном процессе. Первая глава раскрывает вопросы

уголовно-правовой характеристики элементов состава преступления, связанного с нецелевым расходованием бюджетных средств. Во второй главе произведен юридический анализ незаконного получения и использования не по целевому назначению государственного кредита. Третья глава посвящена вопросам квалификации преступлений, совершаемых в бюджетной сфере, и их отграничению от смежных составов экономических и должностных уголовно наказуемых посягательств.

Каждая глава содержит специальные контрольные вопросы и задания, выполнение которых позволит более эффективно изучить представленный в учебном пособии материал и применять соответствующие нормы Особенной части УК в процессе квалификации финансовых и должностных общественно опасных посягательств.

Пособие содержит в себе элементы научной работы, поскольку в нем затрагиваются достаточно дискуссионные вопросы и определения, и квалификации как экономических, так и должностных преступлений, закрепленных действующим уголовным законодательством. В этой части работа обладает не только практической, но и научной новизной и значимостью.

Между тем, указав безусловные достоинства учебного пособия «Преступления, посягающие на бюджетные правоотношения: вопросы определения категории и проблемы квалификации», хотелось бы обратить внимание на то, что низкий уровень профессиональной подготовки большинства сотрудников правоохранительных органов, осуществляющих противодействие совершению преступлений в бюджетной сфере, на сегодняшний день также можно рассматривать в качестве одной из причин «непопулярности» применения на практике ст. 285.1 и 176 УК. К сожалению, на этот аспект проблемы предупреждения коррупционной и экономической преступности авторы в рецензируемой работе не указали. Тем не менее это замечание не носит принципиального характера и не может рассматриваться в качестве препятствия для использования работы в учебном процессе.

Таким образом, рецензируемое учебное пособие является завершенной учебно-методической работой по дисциплине «Уголовное право». Учебное пособие «Преступления, посягающие на бюджетные правоотношения: вопросы определения категории и проблемы квалификации», подготовленное Р.С. Ефремовым и В.Ф. Лапшиным, может быть рекомендовано к опубликованию с последующим внедрением в учебный процесс высших учебных заведений по специальности 030501 – «Юриспруденция».

НОВИНКИ ЛИТЕРАТУРЫ

Сиряков А.Н. Правовое регулирование воспитательной работы с осужденными к лишению свободы: исторические аспекты и современность: Монография. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2010. – 152 с. – ISBN 978-5-94991-128-1.

В монографии на основе анализа научной литературы, нормативно-правовых документов, повседневной деятельности сотрудников воспитательных аппаратов исправительных учреждений исследуются теоретические, исторические, правовые и организационные вопросы воспитательной работы с осужденными к лишению свободы. Научную оценку получили проблемы, связанные с понятием и принципами воспитательной работы, ее содержанием и формами. Дается историко-правовая характеристика института воспитательной работы с лицами, лишенными свободы в Российской империи, Советской России, РСФСР. Обращается внимание на состояние, проблемы и основные направления совершенствования воспитательной работы с осужденными в современной политико-правовой действительности России.

Предназначена для научных работников, преподавателей, студентов, курсантов образовательных учреждений высшего профессионального образования, практических работников Федеральной службы исполнения наказаний, а также всех тех, кто интересуется проблемами реформирования уголовно-исполнительной системы на современном этапе.

Гилева Н.В. Государственно-правовое регулирование демографической политики в Российской Федерации: Монография. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2010. – 117 с. – ISBN 978-5-94991-132-7.

Монография посвящена исследованию системы государственно-правового регулирования демографической политики в Российской Федерации. Автором рассматриваются особенности и основные этапы формирования демографической политики государства во второй половине XX – начале XXI вв., анализируется сущность демографической политики Российской Федерации, определяются пути ее дальнейшего развития.

Издание рассчитано на научных работников, преподавателей, аспирантов – всех тех, кто занимается общетеоретическими и специальными исследованиями в области конституционного права, демографии, политологии.

Организационно-правовые и социально-психологические проблемы в работе с осужденными к длительным и пожизненным сро-

кам лишения свободы: Сборник материалов межвузовского научно-практического семинара (Вологда, 3–4 июля 2009 г.) / Под общ. ред. О.Б. Пановой, А.Н. Баламута. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2010. – 132 с.

В сборнике рассматриваются теоретические и прикладные вопросы, связанные с психологическим, социальным и правовым обеспечением наказания в виде длительного и пожизненного срока лишения свободы. Определены основные направления работы с данной категорией лиц, а также специфика психологического сопровождения осужденных к длительным и пожизненным срокам лишения свободы. Актуализирована проблема предоставления условно-досрочного освобождения данной категории осужденных и выработаны предложения по решению данной проблемы. Сборник подготовлен в соответствии с п. 1.15 Плана НИОКД ВИПЭ ФСИН России на 2008/2009 учебный год и перспективу.

Проблемные вопросы организации и практики воспитательной работы с курсантами (слушателями) образовательных учреждений ФСИН России: Сборник материалов научно-практического семинара (Вологда, 1 октября 2009 г.) / Отв. ред. А.В. Салатин. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2010. – 71 с.

В сборник включены материалы, затрагивающие теоретические и практические проблемы совершенствования воспитательного процесса в образовательных учреждениях ФСИН России.

Издание представляет интерес для руководства образовательных учреждений, факультетов, кафедр, сотрудников учебно-строевых подразделений, общественных формирований курсантских подразделений и работников территориальных органов ФСИН России.

Зауорова Э.В. Нравственно-эстетическое воспитание осужденных в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы: Учебное пособие. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2010. – 159 с. – ISBN 978–5–94991–130–3.

В пособии рассматриваются вопросы нравственно-эстетического воспитания осужденных, формирования их нравственно-ценностных ориентаций в условиях исправительного учреждения; анализируются теоретические и практические аспекты решения этой проблемы в современных условиях; раскрываются особенности и сущность данного процесса; представлены вопросы и различные задания по вопросам нравственно-эстетического воспитания осужденных.

Учебное пособие, подготовленное в соответствии с п. 1.14 Плана НИОКД на 2008/2009 учебный год и перспективу, предназначено для студентов, аспирантов, преподавателей ведомственных учебных заведений, практических работников уголовно-исполнительной системы.

Социальная работа с несовершеннолетними, осужденными к лишению свободы: Практические рекомендации для сотрудни-

ков групп социальной защиты осужденных в воспитательных колониях / Середа С.П., Соколов Н.А., Коновалова Н.А., Уханова Т.С. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2010. – 110 с. – ISBN 978–5–94991–131–0.

Практические рекомендации посвящены одному из наиболее сложных направлений в деятельности воспитательных колоний – социальной работе с несовершеннолетними, осужденными к лишению свободы. В рекомендациях подробно раскрываются цели, задачи, направления, правовые основы, этапы осуществления, формы и содержание социальной работы с данной категорией осужденных. Учитывается передовой опыт воспитательных колоний ФСИН России, добившихся значительных результатов в этом направлении деятельности.

Издание в первую очередь адресовано сотрудникам групп социальной защиты осужденных в воспитательных колониях, а также сотрудникам других подразделений и служб, принимающим участие в осуществлении социальной работы с несовершеннолетними, осужденными к лишению свободы. Практические рекомендации могут быть использованы в образовательном процессе при подготовке будущих социальных работников, а также иных специалистов для работы в воспитательных колониях, а также в других учреждениях уголовно-исполнительной системы России.

Рекомендации подготовлены в соответствии с п. 1.1.5 Плана НИОКД на 2008 г. и перспективу.

ИНФОРМАЦИЯ, ОБЪЯВЛЕНИЯ

Основные требования к статьям, публикуемым в журнале института

1. Условия опубликования
 - Актуальность, новизна представляемой для публикации статьи. Наличие в ней постановки задач (проблем), описания основных результатов исследования и выводов.
 - Соответствие правилам оформления. Статьи, не соответствующие предъявляемым требованиям к оформлению, к рассмотрению не принимаются.
 - Содержание статьи должно носить открытый характер. Наличие информации ограниченного распространения является основанием для отклонения материала от открытой публикации.
 - Решение о публикации статьи принимается редакционной коллегией журнала. Корректуры

авторам не высылаются, присланные материалы не возвращаются.

• Статьи принимаются по установленному графику:

в № 1 (март) — до 1 января текущего года;

в № 2 (июнь) — до 1 апреля текущего года;

в № 3 (сентябрь) — до 1 июля текущего года;

в № 4 (декабрь) — до 1 октября текущего года.

• Плата с аспирантов (адъюнктов) и соискателей за публикацию статьи в журнале не взимается.

• Статьи направляются в редакцию журнала по адресу: 160002, г. Вологда, ул. Щетинина, д. 2, каб. 316б, адрес электронной почты: vestnikvipe@mail.ru (тел. 8 (817-2) 51-82-50, 51-46-12, 53-60-79).

2. Правила оформления статьи

• Статьи предоставляются в электронном и печатном виде (по 1 экз.). Файл со статьей может быть представлен как на диске, так и вложением файла в письмо, отправленное по электронной почте. Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе Microsoft Word и сохраняется с расширением .rtf. В имени файла указывается фамилия автора. Печатный вариант статьи должен полностью соответствовать электронному.

• Все аббревиатуры и сокращения расшифровываются при первом употреблении в тексте.

• Нумерация страниц обязательна. Абзацный отступ – 1 см. Межстрочный интервал – полуторный.

• Параметры страницы: формат – А4, правое и левое поле – 20 мм, верхнее и нижнее поле – 20 мм.

• Шрифт – Times New Roman, обычный. Размер кегля (символов) – 14 пт.

• Максимальный объем статьи – 1 печатный лист.

• Сноски на литературу (в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5.-2008) выполняются в автоматическом режиме текстового редактора Microsoft Word. Маркер сноски – арабская цифра.

• Рисунки, схемы, диаграммы, фотографии, используемые в тексте, должны быть продублированы отдельными файлами (рисунки, схемы, фотографии должны быть сохранены в формате *.tif; диаграммы выполнены в программе Microsoft Excell). В тексте статьи следует дать ссылку на конкретный рисунок, например: (рис. 2). Названия и комментарии к ним размещаются под рисунком.

• Текст статьи должен быть вычитан и подписан автором, который несет ответственность за научно-теоретический уровень публикуемого материала.

3. Сопроводительные документы к статье

• Лицензионный договор о предоставлении автором статьи для публикации.

• Сведения об авторе (авторах). Указывается фамилия, имя, отчество (полностью), ученая

степень, ученое звание, должность и место работы (место учебы или соискательство), контактные телефоны, факс, e-mail, почтовый индекс и адрес.

• Аннотация и ключевые слова. Объем аннотации – до 10 строк, начинается с названия статьи и фамилии автора.

• Рецензия, подписанная рецензентом и заверенная печатью учреждения, где работает рецензент, предоставляется по желанию автора. В рецензии отражается актуальность раскрываемой проблемы, оценивается научный уровень представленного материала и дается рекомендация об опубликовании статьи в журнале.

• В случае предоставления материалов аспирантами, адъюнктами и соискателями наличие рецензии или отзыва научного руководителя является обязательным условием принятия материалов к опубликованию.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Ананьев О.Г., старший преподаватель кафедры социальной психологии и социальной работы Академии права и управления ФСИН России (г. Рязань). E-mail: gregoralt@yandex.ru

Аронов А.В. – аспирант Международной академии бизнеса и управления. E-mail: asshatalov@mail.ru

Бабкин А.А., начальник кафедры информатики и математики ВИПЭ ФСИН России, кандидат педагогических наук. E-mail: aleksei_babkin@mail.ru

Белова Н.А., преподаватель кафедры философии и истории ВИПЭ ФСИН России, кандидат исторических наук. E-mail: nade-belova@yandex.ru

Гусак В.А., доцент кафедры оперативно-розыскной деятельности Челябинского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент. Тел. (351) 263-47-24

Ефремов Р.С., начальник финансово-экономического отдела ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук. E-mail: efremov35@yandex.ru

Журавлев А.В., заместитель председателя Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда, судья первого квалификационного класса, кандидат юридических наук. E-mail: info@14aas.arbitr.ru

Звонов А.В., преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права Владимирского юридического института ФСИН России. E-mail: zvonov_av@mail.ru

Зубкова В.И., профессор кафедры уголовного-исполнительного права ВИПЭ ФСИН Рос-

сии, доктор юридических наук, профессор. Тел. (8499) 159-41-10

Ищенко Е.П., заведующий кафедрой криминалистики МГЮА, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации. E-mail: kriminalistmsal@list.ru

Козлова О.В., адъюнкт кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России. E-mail: kozlovaola@mail.ru

Кольев А.А., доцент кафедры экономики и управления ВИПЭ ФСИН России, кандидат экономических наук. E-mail: braun9@mail.ru

Коновалова Н.А., доцент кафедры социальной психологии и социальной работы ВИПЭ ФСИН России, кандидат педагогических наук, доцент. E-mail: konovalova77@yandex.ru

Крюкова Д.Ю., инженер информационно-технического отдела ВИПЭ ФСИН России, аспирант Вологодского государственного технического университета. E-mail: magnyi@list.ru

Кузьминых А.Л., доцент кафедры философии и истории ВИПЭ ФСИН России, кандидат исторических наук. E-mail: alk@inarnet.ru

Леликова Ю.В., аспирант кафедры уголовного права и криминологии Нижегородской правовой академии. E-mail: izosv@yandex.ru

Лобанова Е.С., старший преподаватель кафедры общей психологии ВИПЭ ФСИН России, кандидат педагогических наук. E-mail: alenushka-248@yandex.ru

Михайлова А.А., психолог МРУИИ № 1 УФСИН России по Новгородской области. E-mail: amichaylova@mail.ru

Попов В.В. – начальник ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист Российской Федерации. E-mail: vestnikvipe@mail.ru

Потапов А.М., заместитель начальника кафедры уголовно-исполнительного права ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук. E-mail: potapov_35@list.ru

Селиверстов В.И., начальник НИИ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации. E-mail: zibel@mail.ru

Спасенников Б.А. – профессор кафедры уголовно-исполнительного права ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, доктор медицинских наук, профессор. E-mail: spasennikov@aosd.ru

Сысоев А.М., начальник юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат психологических наук, доцент. E-mail: sam3110@rambler.ru

Тестов В.А., заведующий кафедрой алгебры, геометрии и теории обучения математике Вологодского государственного педагогического университета, доктор педагогических наук, профессор. E-mail: vladafan@inbox.ru

Фокина И.В., доцент кафедры общей и педагогической психологии Вологодского государственного педагогического университета, кандидат педагогических наук. E-mail: fokinair@mail.ru

Чирков А.М. – профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор медицинских наук. E-mail: Chiralex35@yandex.ru

Шаталов А.С., профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук. E-mail: asshatalov@mail.ru

Шахов О.А., начальник инженерно-экономического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат технических наук, доцент. E-mail: vipe.vologda@mail.ru

Янчук И.А., старший преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук. E-mail: igor35.82@mail.ru

ANNOTATIONS OF ARTICLES AND MATERIALS

Ananyev O.G., the senior teacher of social psychology and social work of Academy of Law and Management of the Federal Penal Service of Russia (Ryazan). E-mail: gregoralt@yandex.ru

About the development of socially-legal protection of criminal penal system's personnel with the help of special inner investigation of cases on committed office violations.

The article is devoted to the problems of socially-legal protection of criminal penal system's personnel in the sphere of new tendency in penitentiary social work – social work with personnel. The author has analyzed the problems of personnel policy in penitentiary institutions. Also the innovative form of their solution – the creation of disciplinary committee of Appeals (it's rights and general technology of work) has been suggested and proved in the article.

Key words: office violations, commanding and administrative activity, socially-legal protection of criminal penal system's personnel, disciplinary committee of Appeals.

Belova N.A., teacher of philosophy and history department, the Vologda Institute of Law and Economics of the Russian Penal Service, candidate of historic sciences. E-mail: nade-belova@yandex.ru

Concerning the history of study of criminal – executive policy in regard of juveniles in Russia.

The author analyzes some works of the Russian researchers devoting to the questions of formation and evolution of national criminal – executive policy in regard of juveniles. The article contains the analyses of works of some scientists of pre-revolutionary, Soviet and modern (post-Soviet) periods

of time. The author makes conclusion that changes in modern Russia have had actual influence on essence of criminal – executive policy in the whole and in regard of juvenile delinquents in particular. In terms of modern penitentiary science the idea of humanization of criminal punishment execution was developing in a priority order.

Key words: criminal – executive policy in regard of juveniles, juvenile delinquents, humanization of punishment executing, re-socialization of the convicted.

Chirkov A.M., professor of legal psychology and pedagogical department of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia; Doctor of medicine science. E-mail: Chiralex35@yandex.ru

Penitentiary stress

In the article the author examines the most serious questions of penitentiary stress that is the factor of psychogenic and psychosomatic disorder of convicts. Also that is the base for disadaptive behavior and crimes in penal institutions. The author explains the necessity of integral approach to the cognition of basic conformities to the developing of disadaptation of convicts on the base of profound examination of medical, psychological, social and psychobiological spheres of personality.

Key words: penitentiary stress; health; mental disorders; psychosomatic diseases; prison subculture; convicts; penitentiary institutions; re-socialization.

Fokina I.V., the assistant professor at the chair of general and pedagogical psychology of the Vologda State Pedagogical University, candidate of Pedagogy. E-mail: fokina@mail.ru

The specificity of valuable orientations of teenagers' with deviant behaviour.

The article deals with peculiarities of valuable orientations of teenagers' having deviant behaviour.

Key words: valuable orientations; a teenager; deviant behaviour.

Gusak V.A., candidate of Law, the assistant professor of the Chelyabinsk Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. E-mail:

Militia in the system of agencies connected with combating child neglect and homelessness in the period of the Great Patriotic War (1941–1945).

Key words: homelessness, neglect, juvenile delinquency, system of agencies combating child neglect and homelessness, juvenile delinquents' rooms, child neglect and homelessness departments.

Ischenko E.P., the head of the Criminalistics department of the Moscow State Law Academy, doctor of Law, professor, honoured worker of science of Russia.

Capital punishment as a crime deterrent and protection of society factor.

The author gives the retrospective review of execution of death penalty in Russia, analyzes the development of the criminal legislature in the Republic of Belarus in the view of execution of severe punishment. The conclusion about the necessary

abolition of death penalty is made on the basis of data in the judicial practice.

Key words: death penalty, criminal legislature, life – term imprisonment, moratorium on execution of death penalty.

Kolyev A.A., assistant professor of the Economics and Management department of the Vologda Institute of Law and Economics of the Russian Federal Penal Service, candidate of economic sciences. E-mail: braun9@mail.ru

The evaluation of investment opportunities of the employees of the Penal System at the regional housing market.

The article is devoted to the problems of accommodation provision to the employees of the Penal System. The subject matter is the investment potential of employees of the Penal System at the housing market in Vologda region.

Key words: legal basis in providing the accommodation to the employees of the Penal System, the improvement of housing conditions, the evaluation of investment opportunities of the employees of the Penal System, the duration of the accumulating period for purchasing dwelling at the initial and secondary market.

Konovalova N.A., the assistant professor of social psychology and social work of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, candidate of pedagogical sciences, assistant professor. E-mail: konovalova77@yandex.ru

The program "Life abilities" as a methodic instrument of organization of making-ready convicted for discharge (by the example of Federal Penal Service Board of Russia in Murmansk region)

In the article the Norwegian experience of penitentiary social work in the sphere of making-ready convicted for discharge is shown. Also the author has analyzed the program "Life abilities" that is the result of cooperation between the North department of prisons and probation of the Ministry of Justice and police of Norway and Federal Penal Service Board of Russia in Murmansk region.

Key words: the pedagogies of survival, penitentiary social work, making-ready convicted for discharge, technology of social work.

Kozlova O.V., a post-graduate at the chair of Administrative and Law disciplines of the Vologda Institute of Law and Economics of the Russian Federal Penal Service. E-mail: kozlova@mail.ru

Planning as a function of management in the Russian Penal system: historical and law aspects.

The author of the article uses a retrospective method of research and presents the evolution of planning in the Russian Penal system. The main stages of planning as well as modern tendencies of its development are figured out on the basis of analysis.

Key words: penal system, management functions, planning, history of planning development.

Kuz'minyh A.L., assistant professor of the Chair of Philosophy and History, the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service, Candidate of Historical Science.

Historical peculiar properties of practice in penitentiary institutions in European North of Russia.

Lelikova Yu.V., a post-graduate student of Criminal Law and Criminal Science Department of the Nizhniy Novgorod Law Academy. E-mail: izosv@yandex.ru

Contemporary legal regulation of the penal inspectorate tasks and functions.

Relying on the analysis of the criminal and executive legislation development the article examines the tasks and functions of the penal inspectorates. The author proves the need for enactment of the law "On the institutions and agencies executing the probation punishment" as well as introduction of amendments and additions in the official normative documents regulating the penal inspectorates' activity.

Keywords: tasks of penal inspectorates, functions of penal inspectorates, suspended sentence / probation punishment, probationers.

Lobanov E.S., senior teacher of the General Psychology of the Vologda Institute of Law and Economics of the Russian Federal Penal Service, candidate of pedagogical sciences; **Mikhailova A.A.**, a psychologist of the Inter-regional penal inspection 1 of the Administrative Board of the Russian Federal Penal Service in Novgorod region.

Some characteristics of temporary prospect of male convicts' personality with drug dependency.

The article deals with the temporary prospect phenomenon of personality and ways of its formation under the influence of drug dependency in particular. The characteristics of some aspects of temporary prospect of convicts with drug dependency is given in the article on the basis of the comparative analysis of identifying time and oneself in the past, present and future among the different categories of male offenders. The possibilities of its correction under the psychological support conditions in serving a sentence is also determined at the article.

Key words: temporary prospect of personality, I-conception, view of the world, I-image, identity, drug dependency, social time, above-personal time, individually-personal time.

Potapov A.M., the deputy of the head of the Criminal Executive Law department of the Vologda Institute of Law and Economics of the Russian Federal Penal Service, candidate of Law. E-mail: potapov_35@list.ru

About social and legal characteristics of convicts in the period of preparation for release.

The article is based on the selective studying of convicts having less than six months of imprisonment. The publication includes the description of social, demographical, penal and criminal executive characteristics of convicts' personality in the period of preparation for release. On the basis of the investigation completed some suggestions have been made concerning the social and legal characteristics of convicts' personality in the work of penal staff.

Key words: preparation for release, the age of convicts, socially useful ties, convicts' labour,

convicts' education, recidivism, means of correction, social adaptation.

Seliverstov V.I., the chief of the Federal Penal Sourced research department, Doctor of Law, Honoured Science Worker of the RF. E-mail: zibel@mail.ru

Juveniles as an object of special convicts and prisoners census.

The article is devoted to the census of convicts and prisoners held in November, 2009. Some distinctions of census conducting are analyzed in the article. The author gives general characteristics of convicts census, proves its advantages as compared with the earlier held censuses, sums up the results of the research. He comes to a conclusion that this special census should be in the basis of the coming correctional system reform and defining strategy and tactics fight against organized crime.

Key words: special convicts census; juveniles; convicts characteristics; correctional system reforming, crime fighting.

Shakhov O.A., the head of the Economic – engineering department of the Vologda Institute of Law and Economics of the Russian Federal Penal Service, candidate of technical sciences, assistant professor, e-mail: vipe.vologda@mail.ru; **Babkin A.A.**, the head of the Computer Science department of the Vologda Institute of Law and Economics of the Russian Federal Penal Service, candidate of Law e-mail: aleksei_babkin@mail.ru; **Krukova D.U.** engineer of the informational technical division of the Vologda Institute of Law and Economics of the Russian Federal Penal Service, postgraduate student of the Vologda State Technological University, e-mail: magnyi@list.ru.

Innovation approaches towards the rehabilitation and re-socialization of convicts with the use informational and computer technologies.

The problems of informatization of penal institutions are emphasized and the ways of solving them are shown in the article. The innovative approaches to resocialization and rehabilitation of convicts, using informational and internet technologies are examined and a brief analytical review of the informational and technological development of social, educational and psychological penal work is presented.

Key words: informational technology, resocialization of convicts, the system of videovisits, social network, virtual communication technology, electronic service, audio recording of a massage.

Shatalov A.S., Legal regulation of a special procedure of adoption of a juridical decision during making pre-judicial cooperation agreement; **Aronov A.V.**, the post-graduate student of International Academy of Business and Management. E-mail: asshatalov@mail.ru.

Illegal corporate seizures in the Russian Federation: concept, dynamics, structure.

The article examines the concept, dynamics and structure of illegal corporate takeovers. The authors comes to the conclusion that illegal

corporate takeovers are relatively new kind of socially dangerous effects which are imminent and difficult to predict in the conditions of market economy. Having become widespread nearly in all spheres of market economy in recent years, they cause a substantial damage to legal entities, state and society in the whole, threatening the economic security of Russia. So the criminal prosecution for the crimes aimed at the illegal corporate takeovers is urgent and socially important and its exercise at the stage of preliminary investigation has its peculiarities.

Key words: hostile takeover, corporate defence, corporate takeover, criminalistics technique, illegal corporate takeover, organized crime, acquisition / takeover, preliminary investigation, raiding, merger, modus operandi, criminal procedure.

Spasennkov B.A., professor of the criminal – executive chair of the Vologda Institute of Law and Economics of the Russian Penal Service, Doctor of law, Doctor of medicine; **Popov V.V.** – the chief of the Vologda Institute of Law and Economics of the Russian Penal Service, candidate of law, assistant professor, the honoured lawyer of the Russian Federation. E-mail: spasennikov@aosd.ru; vestnikvipe@mail.ru

The criminal-legal meaning of psychic development delay without connection with psychic derangement (“age derangement”).

This article is devoted to one of the most important question of the Russian criminal – legal science and practice as determination of psychic development delay without any connection with psychic derangement (“age derangement”) of juveniles. This circumstance attracted much attention while relating to the law practice, because it is quite complicated to determine and prove psychic development delay without any connection with derangement. The decision of these problems becomes the most difficult when it concerns to difference between juvenile’s derangement and “recurrent derangement”. Besides, courts practically don’t take into account the issue of “age derangement” in full measure, when they pronounce the fair and proved punishment sentence or release a person from criminal responsibility. The article is written in a good style. It has a large analyzed and summarized scientific and practical material. This article can be recommended to officers of forensic investigating authorities and also to officers of forensic – psychiatric expert service.

Key words: subject of crime, juvenile, age of criminal responsibility, derangement, “age derangement”, psychic development delay without connection with derangement, compulsory medical measures.

Sysoev A.M., the head of the Law faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Russian Penal Service, candidate of psychology, assistant professor. E-mail: sam3110@rambler.ru

Criminal – legal protection of public relations from extremist encroachments: problems and perspectives.

In this article the author discusses some problematic questions of criminal responsibility for extremist actions. The author suggests some variants of optimization of the criminal law, because there are law disputes in understanding of some motives as extremist and in defining some actions as being criminally extremist.

Key words: extremism, crimes of extremist tendency, motives of hatred or enmity, public appeals, extremist community, arouse of hatred or enmity.

Testov V., the head of algebra, geometry and theory of mathematics teaching department of the Vologda State Teachers Training University, Doctor of pedagogical sciences, professor. E-mail: vladafan@inbox.ru

Quality and fundamental nature of education: correlations and antagonisms.

In the article the author analyzes the quality and fundamental nature of education, finds the inner links between these notions. On this basis the author’s definition of the quality of education is formulated. In a wide context of theoretically-philosophic question the author emphasizes the practical aspect of modernizing education through the integration of different branches of sciences.

Key words: quality of education, fundamental nature of education, integrity of education, postclassical methodology.

Yanchuk I.A., senior teacher of the Criminal Executive department, candidate of Law. E-mail: igor35.82@mail.ru

The nature of differentiation and individualization principle of punishment and its effectiveness in executing of an imprisonment term.

The article is devoted to the problem of determination of differentiation and individualization principle of punishment. Some points of view about that problem in the theory of the Criminal Executive Law are analyzed in the article. The conclusion is that differentiation and individualization of punishment includes the content of the punitive treatment. Having analyzed the means of differentiation and individualization the author states that their effectiveness in executing of an imprisonment term is at insufficient level. Some suggestions are made upon the alteration of the present criminal executive legislation.

Key words: differentiation and individualization of execution, correctional influence, conditions of sentence servicing, change of the type of correctional institution.

Yefremov R.S., the head of the financial – economic department of the Vologda Institute of Law and Economics of the Russian Federal Penal Service, candidate of Law. E-mail: efremov35@yandex.ru

The limits of criminalization of some publicly dangerous encroachments upon budget legal relationship.

Some issues of the definition of public danger of encroachments upon budget legal relationship are being investigated in the article, as well as the basis for the differentiation of administrative offence and criminally punishable act connected with the unlaw-

ful use of the budget funds. Some conclusions have been made about the expediency of criminalization of some kinds of unlawful use of the budget funds and the need of interdepartmental differentiation of the responsibility for the corresponding publicly dangerous encroachments.

Key words: public danger, unlawful use of the budget funds for special purpose, interdepartmental differentiation of the responsibility, the criteria differentiation of administrative misdemeanor and felony, legal protection of budget system.

Zhuravlev A.V., the chair deputy of the fourteenth arbitrary court of appeals, first class qualified judge, candidate of law. E-mail: info@14aas.arbitr.ru

The realization of law towards defence in court in the penitentiary system.

The article deals with the problem of the deprived of liberty right to the defence in the court. The author enumerates and analyses factors that influence the defence of the convinced' rights in the court; the ways of strengthening guarantees while realization of rights towards defence in the court within the penitentiary system are proposed.

Key words: defence in the court; people deprived of liberty; constitutional rights, guarantees of rights' realization towards defence in court; right to information.

Zubkova V.I., professor at the chair of Criminal Law of the Vologda Institute of Law and Economics of the Russian Federal Penal Service, doctor of law, professor.

Rehabilitation of social justice as the purpose of criminal punishment and its implementation during deprivation.

The article is devoted to the analysis of one of the purposes of criminal punishment such as rehabilitation of the social justice. The author points out different opinions concerning the essence of the social justice rehabilitation while fixing and implementation of punishment, compares aims of punishment presented both in criminal and penal legislation. The content of term "social justice rehabilitation" is revealed through three aspects: adequacy of the punishment, justice (towards victims of crime) and inevitability of punishment.

Key words: social justice; purposes; criminal punishment; crime; principles.

Zvonov A.V., teacher of the Chair of Criminal Executive Law, the Vladimir Law Institute of the Federal Penal Service. E-mail: zvonov_av@mail.ru.

Convictions of probationers with additional punishment.

The issues of probationers' conviction are considered in the article, scientific approaches to the conviction in criminal and criminal executive laws are analyzed as well. The author considers criminal record influence on implementation of criminal sanctions, offers the ways of penitentiary practice and legislation improvement in the sphere.

Key words: conviction, probation, additional punishment, execution, supervision of probationers.

Уважаемые подписчики!

С 1 апреля 2010 года проводится подписная кампания на научно-практический журнал «Вестник института: преступление, наказание, исправление» по Объединенному каталогу «Пресса России» на второе полугодие по индексу 41253 во всех отделениях почтовой связи России.

Условия оформления подписки содержатся в I томе каталога на страницах, указанных в тематическом и алфавитном указателях каталога. Стоимость одного номера журнала составляет 170 рублей. Периодичность издания – 4 раза в год.

Вестник института

научно-практический журнал
Вологодского института права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний

ПРЕСТУПЛЕНИЕ·НАКАЗАНИЕ·ИСПРАВЛЕНИЕ

Выходит четыре раза в год

Учредитель:

ВИПЭ ФСИН России

Главный редактор:

В.В. Попов

Ответственный секретарь:

А.Л.Санташов

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации

ПИ № ФС77-36704

ISSN 2076-4162

Распространяется
в высших учебных заведениях
и практических органах
уголовно-исполнительной системы

Все права защищены.

Перепечатка материалов только
с разрешения редакции журнала.

Авторские материалы рецензируются
и не возвращаются.

Редакция сохраняет за собой право
производить сокращения
и редакционные изменения рукописи

Адрес редакции:
160000, г. Вологда,
ул. Щетинина, 2

Телефоны:
(8172) 51-82-50
(8172) 53-60-79
(8172) 51-82-48 факс

E-mail:

vestnikvipe@mail.ru

© ВИПЭ ФСИН России

Подписано в печать 30.03.10

Формат 60x90/8. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 12. Заказ № 2932

Тираж 1000 экз.

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Редакционная коллегия выражает уверенность в том, что журнал уже в недалеком будущем займет достойное место среди ведомственных периодических изданий.

Наша готовность освещать актуальные проблемы уголовно-исполнительной системы и других правоохранительных органов, материалы на историческую тему, вести дискуссию по наиболее актуальным вопросам в области юриспруденции, социальной работы, пенитенциарной педагогики и психологии, обсуждать практические вопросы деятельности пенитенциарных учреждений расширит ряды авторов и читателей.

В дальнейшем планируется включение журнала в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Мы готовы принять к публикации ваши материалы при их соответствии тематике журнала и требованиям в оформлении.

Решение о публикации материала принимает главный редактор или его заместитель.

Основные требования и порядок предоставления материалов для